

Александр Кормашов

КОМБЫГХАТОР

Александр Кормашов

Комбыгхатор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16855958

ISBN 9785447439750

Аннотация

Книга представляет собой собрание материалов, посвящённых самой загадочной личности во Вселенной. Учёные утверждают, что ранее этой личности никогда не существовало, как минимум, в той части космоса, где сегодня находится и занимает подобающее ей место планета Земля. Пусть даже так, пусть даже ранее Комбыгхатора не существовало, но сейчас ему самое время начать существовать.

Содержание

От Автора	6
От Составителей	7
Папка 1. Дневник Зыка Бухова	9
#1	9
#2	11
#3	14
#4	15
#5	16
#6	19
#7	20
#8	21
#9	22
#10	23
#11	24
#12	34
#13	35
#14	39
#15	40
Папка 2. Дело об «Уезде»	104
#1	104
#2	108
#3	111
#4	112

#5	113
#6	114
#7	115
#8	117
#9	122
Журнал фенологических наблюдений	123
#10	131
Предисловие к роману «Уезд»	132
#11	134
Уезд	135
Папка 3. Комбыгхатор, или Путь одиноких сердец	204
#1	204
#2	206
#3	209
#4	210
#5	218
#6	221
#7	222
#8	227
#9	230
#10	232
Конец ознакомительного фрагмента.	237

Комбыгхатор

Александр Кормашов

© Александр Кормашов, 2021

ISBN 978-5-4474-3975-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От Автора

Автор является редактором этой книги. Он выносит на обложку своё имя и фамилию исключительно в силу просьбы, поступившей ему от Составителей, которые не находят возможным привлечь к себе внимание публики. Все претензии наследников Составителей, если таковые объявятся, будут рассматривать в судебном порядке на основе Договора, заключённого между Автором и Составителями, подписанного всеми Сторонами и заверенного должным образом.

От Составителей

Данный текст представляет собой свод рукописных материалов разных лет написания (выявления, обретения), разного авторства, а также степени законченности. При этом сам текст построен по типу единого и неделимого евангелия, в котором нет разделения на канонические и апокрифические тексты.

Наш коллектив прилагал все усилия, чтобы ничего важного здесь не было упущено, но и ничего лишнего не затрудняло восприятие темы. Мы работали двадцать лет. Это был очень долгий и не всегда благодарный труд, и всё же мы надеемся, что нам удалось создать цельное произведение, которое на данный момент наиболее полно отражает основную проблематику феномена Комбыгхатора.

Не будем утверждать, что в ходе работы над этим проектом нам удалось выполнить сверхзадачу. Пока мы доподлинно так и не знаем, кем реально является Комбыгхатор и каково его истинное значение в рамках нашей Вселенной. Рассуждая о нём, мы по-прежнему находимся на уровне тех глухих и немых слепцов, которые ощупывают слона со всех сторон. Хотелось бы верить, что слепцы когда-нибудь прозреют, однако будет огромное счастье, если они хотя бы смогут начать говорить и научатся слышать друг друга.

Современная комбыгхаториана сегодня развивается

быстрыми темпами. Наряду с описательным методом познания она всё чаще использует и практические приёмы интуиции. Вот почему мы верим, что уже скоро произойдёт то удивительное событие, смысл которого, мы надеемся, не останется слишком долго скрытым для посвящённых.

Папка 1. Дневник Зыка Бухова

#1

*В Главное управление Исторической
безопасности Личной Его Императорского
Вселенства Комбыгхатора V-го канцелярии
начальнику Главного управления
Исторической безопасности
Его Галактической Светлости
Полу Нитцу*

Сим препровождается Вашей Галактической Светлости
истребованное Вашим письмом от 02.05.2205

ЗАКРЫТОЕ ДЕЛО

по факту обнаружения личного дневника бывшего начальника штаба Отдельной ударной ордена Его Лично Высказанного Поощрения кавалерийской бригады Войск архивной защиты отставного майор-оператора **Зыка Бухова**, открытое по статьям 7, 12, 45/прим. и 109/прим «Основного перечня наказаний за нарушение исторической безопасности, заверенного Большой Его Императорского Вселенства Папиллярной печатью», а также в соответствии с циркулярным письмом Личной Его Императорского Вселенства

канцелярии за номером 2233/170 от 21.12.2204 «О дальнейшем усилении мер борьбы с антиисторической деятельностью и распространением сведений, заведомо искажающих ход истории, особенно в части касающейся Личной Заботы Его Императорского Вселенства Комбыгхатора V-го о продлении жизни и здоровья бесконечно и преданно Им любимого, но тяжело и неизлечимо больного родителя своего Комбыгхатора III-го, прославленного по смерти под именем Космодержца, а также о многих и многих потоках слез, излитых из глаз Его Императорского Вселенства по случаю трагического ухода Его обожаемого племянника Комбыгхатора IV-го Большой Взрыв».

*Заместитель начальника Его Императорского
Вселенства*

*Комбыгхатора V-го канцелярии
тайный солярный советник
доктор генеалогии
генерал-оператор II ранга Исторической
безопасности*

Грунт Фертил

*собственноручно подписал седьмого дня мая месяца
года две тысячи четыреста пятого
в собственном доме по ул. Коровьего Водопоя*

#2

*Начальнику 3-го отделения Исторической
безопасности
старшему лейтенант-оператору Гриму
Гржычу
от старшего уполномоченного по надзору
за соблюдением правил вселенского общежития,
сержант-оператора Исторической безопасности
Гавриила Гуся*

РАПОРТ

Июля месяца третьего дня сего года, следуя по маршруту предписанного мне патрулирования, а именно: от пункта №1, который есть крыльцо дома №7 по Большой Колодечной улице, где проживаю с законной женой Сульфидой и малыми чадами Карлом, Малютой и Фенькой, прижитыми ею вне хода истории, на что не обращаю внимания, а лишь обращая внимание на придерживание себя по маршруту предписанного мне патрулирования, а именно, от крыльца дома №7 по Большой Колодечной улице, где проживаю совместно с этой, а все равно как чужой, и слова ласкового не скажет, и где имел накануне убедительный разговор по части невпускания в дом Васьки Фромма и совместных их с ним без меня спиртных возлияний, отчего я почувствовал себя

утром плохо и поэтому предпринял движение по маршруту от крыльца дома №7 по Большой Колодечной улице, что есть пункт №1, в направлении пункта №2, что именно есть колодец, где человеку всегда становится легче по причине близости к незамутненной водной стихии недр, потому как, когда Васька Фромм со мной говорит, он ест, а я, когда говорю, я не ем, а поэтому, когда я проснулся возле колодца от жгущего в ухо солнца и сырого холода мать-земли, то немедленно испытал глубокое чувство телесного и душевного неудовлетворения, отчего далее двигался исключительно в направлении прежде судимого и отбывшего наказание за исторический уклонизм содержания местного злочного заведения «Книжный двор», которое мне известно лишь в силу маршрута предписанного мне патрулирования как пункт №3, где я даже не успел прочесть и наклейки, как тотчас оперативно установил, что некто Зык Бухов, дотоле мне не известный, только что утонул в реке Полюсне, из-за чего я сразу прибыл на место преступления, раздвинул толпу и лично выловил из реки лежащий на берегу труп, который устным приказом немедленно передал в руки занимавшегося утоплением доктора Феофана Бздорова для выяснения всех загадок подобного рода неестественной смерти, какой не бывало у нас со времен убиения Комбыгхатора II-го Историографа, вечная Ему память, а зажатого в руке Зыка Бухова сазана лично сам отпустил на волю, хотя дальнейшая его участь переходит для меня в область странного и таинственного, по-

тому как не установленные мной люди тут же начали поминать покойника добрым словом, и моя рука сильно дрогнула, отчего я пролил несколько капель на траву, хотя тут же перед обществом извинился, а когда вновь открыл свои мудрые просветленные очи знавшего взлеты и падения человека и увидел, где нахожусь, то слова прощания с моим неизвестным другом костью встали в моем сдавленном горле, которую доктор Бздоров тут же вынул пинцетом на столе в морге, думая по своей врачебной ошибке, что Зык Бухов это был я, и поэтому констатировал мою смерть от рыбы, тогда как физически умер лишь один Бухов, а я после нескольких дезинфекций колотой раны на мягкой слизистой оболочке горла был взят женою Сульфидой домой, где ныне и нахожусь в трезвой памяти и здравом уме.

Записано законной супругой этого... (зачеркнуто)

Сульфидой Гусь.

С моих слов записано верно. Подписано: Гусь.

Зачеркнутому верить. Подписано: Сульфида Гусь

#3

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Сим свидетельствую, что Гавриил Гусь (исправлено на «Зык Бухов») умер. Причина смерти: радость от рыбы.

(подпись неразборчива)

#4

ПРОТОКОЛ ЗАДЕРЖАНИЯ

доктора местной больницы Феофана Бздорова в виде, не позволяющем ему трезво оценивать историческую реальность

(признан утраченным по Акту №0985 0171 0678/04)

#5

*В 3-е отделение Исторической безопасности
Главного управления Его Императорского
Вселенства Комбыгхатора V-го канцелярии
от доктора Феофана Бздоров*

ОБЪЯСНЕНИЕ

Я, Феофан Бздоров, находясь в здравой памяти и трезвом уме, объясняю свои неправильные с исторической точки зрения действия.

Когда с пробегавшим мимо народом я прибыл к месту утопления Зыка Бухова, то, обнаружив на берегу тело без всяких признаков жизни, срочно предпринял все меры для возвращения пострадавшего к оной жизни, кроме, что признаю, рот в рот. В оправдание могу заявить, что впоследствии, исправляя оплошность, я проделал всю процедуру полностью и по правилам, предварительно прополоскав себе полость рта из-за страха занести какую-либо инфекцию. Процедура прошла успешно, хотя не исключено, что у больного могла быть непереносимость к спиртам, за что я его несколько не осуждал, а только два раза, когда доходила очередь.

Последующий осмотр тела был проведен мною стационарно, из чего я заключил следующее:

1). Одежда от тела утопленника отделялась с известными трудностями, особенно у хвоста и подмышками. Чешуя ровная, крупная, округло-трапециевидная с характерными острыми бугорками. Наблюдались следы обильного потоотделения перед смертью, что приводило к соскальзыванию покойника на пол.

2). Зубы крепкие, острые; гортань чистая, розовая; язык немного припухший, с белым налетом; на нижней губе крючок №10 с обрывком лески диаметром 0,3 мм. Проведена успешная операция по удалению инородного тела.

3). Ноздри слабо выраженные, мелкие, заложены мукусом.

4). Жабры красные и упругие, температура в анальном отверстии 18 градусов по Цельсию. Смерть наступила примерно в 10.00 по местному времени.

5). Глаза большие, открытые, слегка выпуклые, на ощупь гладкие, зрачки широко открытые. Застывшее в них изображение отдаленно напоминает человеческое.

6). Внешних повреждений не установлено, но при этом на зубчатом костяном шипе спинного переднего плавника наблюдались обильные выделения крови; вторая группа, рефус отрицательный, содержание алкоголя значительно выше нормы. Ладонь обработана йодом и забинтована.

7). По извлечению внутренних органов оказалось, что утопленник женщина. Икра сочная, крепкая, мелкозерни-

стая; положенная на кончик ножа и поднесенная к свету отчасти напоминает янтарь. Положенная на горячую сковородку сразу начинает трещать.

8). Проведенная на месте гистологическая экспертиза показала, что мясо вполне прожаренное, с приятным и нежным вкусом, без запаха тины, в меру жирное и обладает повышенной усвояемостью.

9). Оказавшийся в разобранном состоянии костяк пациента восстановлению не подлежал, так как одно из ребер вышло причиной несчастного случая, повлекшего остановку дыхания сержант-оператора Гавриила Гуся, случайно зашедшего в морг выпить холодной воды из-под крана. А больше там никого и не было, кроме трех или четырех тел, оставшихся еще с прошлого раза.

Полностью признаю вину и обязуюсь вскрыть Гавриила Гуся (исправлено на Зыка Бухова) вне очереди сразу по выходе из Отдела по возвращению исторической памяти 3-отделения Исторической безопасности.

С моих слов записано верно (подпись неразборчива)

ПРИКАЗ №623/04

по 3-ему отделению Исторической безопасности Главного управления Исторической безопасности Его Императорского Вселенства Комбыгхатора V-го канцелярии:

1. Поставить на вид сержант-оператору Исторической безопасности Гавриилу Гусю рыбу кость.
2. Исключить из маршрута дальнейшего патрулирования сержант-оператора Гавриила Гуся пункт №4 под кодовым наименованием «морг» как не соответствующий исторической правде.
3. Снять с доктора Феофана Бздорова показания о его полной и стопроцентной вменяемости.
4. Поручить доктору Феофану Бздорову провести судебно-медицинскую экспертизу по фактическому установлению исторически-достоверной причины смерти Зыка Бухова.
5. Учинить за доктором Бздоровым тайный надзор с биноклем.
6. Изъять из больницы спирт для промывания линз бинокля.

Старший лейтенант-оператор Исторической безопасности Грум Гржыч

#7

*В 3-е отделение Исторической безопасности
Главного управления Исторической безопасности
Его Императорского Вселенства Комбыгхатора
V-го канцелярии
от доктора Феофана Бздорова*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я, Феофан Бздоров, являясь доктором местной больницы, заявляю решительный протест на действия органов Исторической безопасности, вылившихся в изъятии остатков медицинского спирта, необходимых мне для резекции Зыка Бухова. В случае отказа вернуть изъятое категорически отказываюсь резать кого-нибудь впредь.

(без подписи)

ПРИКАЗ №625/04

по 3-му отделению Исторической безопасности Главного управления Исторической безопасности Его Императорского Вселенства Комбыгхатора V-го канцелярии:

1. Наглую и беспардонную выходку доктора местной больницы Феофана Бздорова, вылившуюся в публичное оскорбление органов Исторической безопасности и причинение материального ущерба для движимого и недвижимого имущества органов Исторической безопасности Его Императорского Вселенства Комбыгхатора V-го Канцелярии, как то: ступлев и лиц, оставить без последствий

2. Смыв вернуть.

Старший лейтенант-оператор Исторической безопасности Грум Гржыч

#9

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ
СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРИЗЫ**

(признано утраченным по Акту
№0985 0171 0679/04)

#10

**КОПИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРИЗЫ**

(признана утраченной по Акту №0985 0171 0680/04)

Сов. сек. Хр. в 1-ом экз.

Под личн. отв. ст. л.-о. И. Б. Гр. Гр.

ПРОТОКОЛ ОПОЗНАНИЯ

тела неизвестного мужчины, возраста 65—85 лет, среднего роста, телосложения худощавого, типа лица европейского, выражения удивленного. Череп массивный, высокий, затылок немного скошенный. Над левым ухом отсутствует кусок кости. Волосистой покров плотный, жесткий, седой. Форма лица трапецевидная. Лоб вертикальный, широкий, средний по высоте; брови дугообразные, рыжие; глаза серые, как живые; щеки впалые; нос большой, тонкий, спинка выпуклая, положение основания горизонтальное, крылья поднятые, кончик острый; губы средние; подбородок прямоугольный; зубы большие, желтые, числом пять; уши большие, оттопыренные, глубоко избуравленные, завиток большой, козелок вогнутый, мочка висячая.

На основании свидетельских показаний Ефима Беты, Ивана Хорса и Клавды Миг, а также устного разъяснения доктора Феофана Бздорова, а также ряда косвенных признаков старший дознаватель Исторической правды капитан-опера-

тор Исторической безопасности Бескрест Пупыг *постановил*:

Признать тело неизвестного человека безусловно принадлежащим бывшему начальнику штаба Отдельной ударной ордена Его Лично Высказанного Поощрения кавалерийской бригады Войск архивной защиты отставному майор-оператору Зыку Бухову.

Показания свидетелей на пяти листах прилагаются.

Лист №1

Ефим Бета показал, что как всякий рыбак никогда не читает во время рыбалки никаких посторонних книг, а сидит в тишине и, закрыв глаза, размышляет во вселенских масштабах, а поэтому не может сказать, откуда мог взяться опознаваемый на столе.

Далее свидетель, показал, что лежащее на столе тело, возможно, принадлежит человеку, который не далее как этой весной насадил свидетелю на крючок земляного червя, после чего немедленно отскочил в сторону. Этим данный опознаваемый сразу вызвал у Беты очень сильные подозрения, а равно как и тем, что на просьбу не убегать, все равно побежал. Тем не менее, решительно догнав убежавшего, свидетель потребовал объяснений. Однако опознаваемый потре-

бовал от него отстать, после чего поднял на свидетеля палец и щелкнул свидетеля прямо в лоб. После чего свидетель схватил первый же попавшийся под руку камень и приложил ко лбу.

Далее свидетель показал, что и позже встречался с опознаваемым и тот с каждым разом возбуждал у него все более сильные подозрения. Во-первых, опознаваемый запрещал к себе подходить ближе чем на длину удилища; во-вторых, никогда не давал носить за ним ни удочек, ни ведра; в-третьих, никогда не разрешал провожать его до дому, да свидетель и сам не хотел возвращаться назад среди ночи по темному лесу один, потому что там бродит Иван Хорс с топором, который он видел сам.

Далее свидетель показал, что опознаваемый несколько раз называл его «полубожием» и несколько раз «новодревним», но ни разу не разъяснил, что это фактически значит, вследствие чего Главный цензор Его Императорского Вселенства Комбыгхатора V-го Канцелярии Ганс Кнут запретил к изданию последнюю книгу свидетеля «Любовь как категория бывшего неслучившегося», посвященную Лично Видевшей Его Императорское Вселенство Комбыгхатора V-го в Щелку Одним Глазком Клаве Миг, которая в прошлый год спросила его: «Как дела, Ефим?» – а потом прошла мимо и в течение одиннадцати шагов колыхала на ходу бедрами.

Далее свидетель показал, что он несколько раз обращался к опознаваемому с одной-единственной просьбой объяснить значение его слов «новодревнее полубожие», но ни разу не получил ответа, поскольку опознаваемый хранил подозрительное молчание и курил табак.

Далее свидетель показал, что точно такое же подозрительное молчание, но уже без табакокурения, опознаваемый стал хранить и вскоре после того, как третьего числа июля месяца года две тысячи четыреста четвертого, в субботу утром, выловил из реки огромную рыбу, о каких свидетель даже не знает, водятся ли они в реке, потому что когда свидетель купается на Коровьем Броде, то таких никогда не видит.

Далее свидетель показал, что далее ничего показать не может.

На вопрос дознавателя исторической правды, когда он видел опознаваемого в последний раз, свидетель ответил: «Вот только что».

На вопрос дознавателя исторической правды, когда он видел тело данного человека в свой предпоследний раз, свидетель сказал: «На реке, когда тот хранил подозрительное молчание, как это делает и сейчас».

Иван Хорс показал, что является немым с детства.

На вопрос дознавателя исторической правды: «Знаете ли вы лежащий на столе морга труп человека?», свидетель написал: «Ну». На вопрос дознавателя: «Знаете ли вы имя это-

го человека?», свидетель написал: «Ну», а на вопрос: «Знаете ли вы фамилию этого человека?», свидетель написал: «Хрен знает», что немедленно вызванный на допрос Хрен Солт категорически отрицал.

Далее на вопрос: «Как давно вы знаете этого человека?», свидетель написал: «Згот», а на вопрос: «Где все эти 3 года свидетель мог быть?» свидетель не написал ничего.

Лист №3

Далее на вопрос с пристрастием, в виде повышения голоса и удара кулаком по столу: «Если вы знаете этого человека, то откуда? Откуда вы знаете этого человека? Ну!», свидетель написал «Ну», а на вопрос: «Где вы с ним познакомились, где же, черт?», свидетель написал: «Хрен знает», что повторно вызванный на допрос Хрен Солт опять категорически отрицал.

Далее на вопрос: «Говорил ли при вас Зык Бухов какие-нибудь слова, например, «новодревний» или «полубожие», свидетель написал: «Ну», а на вопрос: «Когда говорил и где?», написал: «Хрен знает», что вызванный на допрос Хрен Солт пытался сразу же отрицать.

Далее на вопрос: «Были ли вы в лесу с топором и не знаете ли Ефима Бету, который видел вас в лесу с топором?», свидетель написал: «Ну», а на вопрос «Возможно ли, что ваш Зык жил где-то в лесу, потому что скрывался там от Ефи-

ма Беты?», свидетель написал: «Хрен знает», что вызванный на допрос Хрен Солт упорно не хотел признавать.

Далее на вопрос со сменой тактики проведения допроса: «Хорошо, но давайте-ка мы предположим, всего только предположим, чисто гипотетически, так сказать, что ваш Зык живет где-нибудь в лесу, исходя из чего мы приходим к выходу, что он там скрывается от Ефима Беты, а отсюда наш следующий вопрос: не вы ли как человек превосходно знающий лес и при этом прекрасно владеющий топором, не вы ли, допустим, могли ему как-то помочь там, в лесу, соорудить своего рода жилье, землянку ли то, избу ли то, равно как иное обиталище человека, но в любом случае достаточно обстоятельное, чтобы уберечь человека от атмосферных осадков и низких температур, особенно характерных для...» — на что свидетель поднялся и ушел через дверь в соседнюю с моргом спальню доктора Бздорова, где ранее вызванный на допрос Хрен Солт уже перестал огульно все отрицать, а начал кричать и кусаться, но после того, как свидетель вместе с доктором Бздоровым связали и успокоили Хрена Солта, свидетель сразу вернулся на место, внимательно дослушал вопрос, написал: «Ну» и ушел через дверь на улицу, откуда более не вернулся.

Лично Видевшая Его Императорское Вселенство Комбыгхатора V-го в Щелку Одним Глазком Клава Миг показала, что лежащий перед ней на столе Зык Бухов замечательный человек, которого она знает с прошлого года, когда он

на своей лошади заезжал в «Книжный двор» за трубочным табаком и солью.

Лист №4

Далее свидетельница показала, что увидев у крыльца незнакомую лошадь, Глава Его Императорского Вселенства Комбыгхатора V-го Канцелярии, действительный тайный солярный советник, генерал-оператор I ранга Исторической безопасности Стори Тру, который пришел за хлебом, предложил Зыку Бухову немедленно взять на себя командование Отдельной ударной ордена Его Лично Выказанного Поощрения кавалерийской бригадой Войск архивной защиты с присвоением ему чина полковника-оператора, а после того, как Зык Бухова отказался, немедленно разжаловал его в рядовые, а после того, как Зык Бухов сел на лошадь и крикнул: «Пошел, Кондуктор!», восстановил Зыка Бухова на службе Его Императорского Вселенства с понижением в чине и должности, а именно назначил его начальником штаба Отдельной ударной ордена Его Лично Выказанного Поощрения кавалерийской бригады Войск архивной защиты в звании майор-оператора, а после того, как Зык Бухов и лошадь скрылись из вида, отправил его в отставку.

Свидетельница показала, что Зык Бухов появился неизвестно откуда, но якобы всем известно, где он живет. Якобы вместе с Иваном Хорсом расчистил в лесу поляну, срубил

избушку и баньку, вырыл колодец и разбил огород. Якобы живет с козой Симой. Якобы спит на печке. Якобы дома чисто и прибрано. Якобы вечерами Зык Бухов чего-то пишет и читает разные книги и «не ваши, которые...» (вымарано до конца предложения).

По словам Лично Видевшей Его Императорское Вселенство свидетельницы, она бывала у Зыка неоднократно, по делам, «которые вас не касаются». Знает также, что у него бывало и много других людей, но «это не ваше дело».

Самого Зыка Бухова свидетельница характеризует как человека спокойного, с которым приятно поговорить по ходу истории, хотя полномочную депутацию Исторической академии во главе с Личным биографом Его Императорского Вселенства Комбыгхатора V-го Нгора-Нгора Боидзе он гонял по лесу, стреляя из ружья в воздух, хотя больше любит рыбалку и часто ходит на речку, правда, «чувствуя по погоде», чем очень расстраивает Ефима Бету, который ждет его на реке каждый день и больше не может ни о чем думать, потому что держит глаза открытыми прямо на лес.

На вопрос дознавателя исторической правда, видела ли свидетельница в руках Зыка Бухова запрещенный цензурой предмет и видела ли она, как тот из него стрелял, та ответила: «А вам какое дело?»

На вопрос дознавателя, слышала ли свидетельница из уст Зыка Бухова такие слова как «новодревний» или «полубожие» и что они значат, та ответила, что не помнит точно, но «посмотрите на себя в зеркало и поймете».

На вопрос присоединившегося к допросу старшего лейтенант-оператора Исторической Безопасности Грума Гржыча, как понимать такие ее слова, свидетельница сказала: (первые фразы вымараны) «... и уйди с глаз, кобель ... (несколько предложений вымарано), а на вопрос дознавателя исторической правды, старшего дознавателя Исторической безопасности капитан-оператора Бескреста Пупыги, что это значит, ответила: «И тебе?»... (вымарано до конца абзаца).

Далее на вопрос, что еще она может еще показать по данному делу, свидетельница немедленно развернулась, задрала юбки и показала. По рассмотрении чего, было решено допрос прекратить и направить вопрос на исследование без свидетелей, но за отсутствием свидетельницы на месте исследования исследование было также прекращено.

Дознание проводил:

*старший дознаватель Исторической правды
капитан-оператор Исторической безопасности
кандидат исполнительной историографии
планетарный ассессор II класса*

Бескрест Пупыг

Протокол вел:

*рядовой-оператор Исторической безопасности
писец IV класса*

Гром Сандер

#12

Сов. сек. Хр. в 1-ом экз.

Под личн. отв. ст. л.-о. Ист. Без. Гр. Гр.

ПРОТОКОЛ ОСМОТРА

жилого и подсобного помещений, а также
личных вещей покойного Зыка Бухова
на предмет изъятия вещественных доказательств

(признан утраченным по Акту №0985 0171 0682/04)

#13

Сов. сек. Хр. в 1-ом экз.

Под личн. отв. вр. исп. об. нам. Тр.

*пл., т. сол. сов. Е. И. В. К. V-го Канц. ген.-о. II
р. Гр. Фер.*

Рассмотрев:

ЗАКРЫТОЕ ДЕЛО

по факту нарушения исторического порядка
на территории 3-го отделения
Исторической безопасности

ТРИБУНАЛ ИСТОРИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

постановил:

- 1). За попытку противодействия отправлению исторического момента истины, вылившуюся в криках, маханием топором и битьем удочкой по спине лишить:
 - Клаву Миг звания «Лично Видевшей Его Императорское Вселенство Комбыгхатора V-то в Щелку Одним Глазком»;
 - Ивана Хорса его топора;

– Ефима Бету всех удочек, принадлежавших ранее покойному Зыку Бухову

2). Коже Симе запретить блять на могиле в ночные часы, с 21.00 до 6.00.

3). Лошадь «Кондуктор» объявить в розыск и поставить на кормовое довольствие в полк Личной Охраны Его Императорского Вселенства Комбыгхатора V-го.

4). Старшего лейтенант-оператора Исторической Безопасности Грума Гржыча предупредить о неполном служебном соответствии и оставить начальником 3-го отделения Исторической безопасности на второй год.

5) Старшему дознавателю Исторической правды капитан-оператору Исторической безопасности, кандидату исполнительной историографии, планетарному ассессору II класса Бескресту Пупыгу присвоить внеочередные чины и звания:

а) майор-оператора Исторической безопасности;

б) кандидата исполнительной историографии;

в) планетарного ассессора I-го класса;

а также ходатайствовать о награждении почетным знаком Удостоенного Его Императорского Вселенства Комбыгхатора V-го Мыслью.

6). Объект «дневник» хранить в несгораемом сейфе, установив круглосуточный пост охраны и в случае новых попыток отнять объект у органов Исторической безопасности, уничтожить по Акту.

7). Акт уничтожить.

8). Постановление уничтожить.

9). Клаву Миг уничтожить. Примечание: «... в случае новых попыток проникнуть на закрытое заседание Трибунала Исторической безопасности с целью побития Председателя Трибунала Исторической безопасности, Главу Его Императорского Вселенства Комбыгхатора V-го канцелярии, действительного тайного солярного советника, генерал-оператора I ранга Исторической безопасности Стори Тру».

За:

*Председателя Трибунала Исторической
безопасности*

*Главу Его Императорского Вселенства
Комбыгхатора V-го Канцелярии
действительного тайного солярного советника
генерал-оператора I ранга*

Исторической безопасности Стори Тру

*Заместитель Главы Его Императорского
Вселенства*

*Комбыгхатора V-го Канцелярии
тайный солярный советник*

Его Императорского Вселенства

Комбыгхатора V-го канцелярии

доктор генеалогии

*генерал-оператор II ранга Исторической
безопасности*

Грунт Фертил

собственноручно подписал шестого дня июля месяца

*года две тысячи четыреста четвертого
в собственном доме по ул. Коровьего Водопоя*

Секретарь трибунала:

*рядовой-оператор Исторической безопасности
писец IV класса Гром Сандер*

#14

СПРАВКА

Усопший Зык Бухов похоронен в трех могилах правее Комбыгхатора III-го Космодержца и на ряд ниже, под взгорком, но место дивно сухое и много красной смороды.

Сторож-смотритель – Бхав Родин

ДНЕВНИК

**бывшего начальника штаба Отдельной ударной ор-
дена Его Лично высказанного Поощрения кавале-
рийской бригады Войск архивной защиты отставного
майор-оператора Зыка Бухова**

6 апреля 2203, воскресенье

Сегодня я родился. Еще с утра появилось это острое бес-
покойное чувство, что я сегодня родился. Давно забытое
чувство. Из детства.

Отец однажды сказал, что я родился весной, и несколько
лет подряд, как весна, всю весну, от первых проталин до пер-
вой травы я старательно выбирал себе день рождения. Надо
многое было учесть: погоду, степень распускания листьев,
голоса птиц, свои собственные дела, время дня...

Почему-то я выбирал закат. Наверное, потому что весной
даже закаты обозначают начало.

Написав эти строки, я понял, что надо было давно при-
знаться себе: «Ты стар, тебе уже век. Ты прожил век. Ты про-
жил свой век. Найди во времени эту точку и скажи себе, на-
конец: тебе сегодня сто лет. Может, на год-два меньше, мо-
жет, на год-два больше, но это неважно. И когда ты скажешь

это себе, ты слезешь с Кондуктора, сбросишь на землю мешки, снимешь затем седло, подпорешь сыромятную кожу и вытащишь из-под луки тетрадь».

В моем возрасте человеку пора уже иметь дом. Мой дом – седло. В моем возрасте человеку пора уже заготовить гроб. Мой гроб – тетрадь. И, наверно, пора.

Разумеется, я не думаю рассыпать по этим белым страницам ни бранные свои кости (известняк, а не кости), ни сухие, как вобла, мышцы, ни дряблые лоскуты кожи. Человеку, чтобы умереть, нужен дом, да и ложиться надо ему в настоящий гроб.

Сегодня я снял с Кондуктора два выючных мешка, положил их посередине поляны, затем снял седло и достал тетрадь. Потому что сегодня я завершил свой путь. Это был долгий и смешной для старика путь. Все на север, на север, вместе с весной. С весной, с молодой травой. Но сегодня весна уйдет дальше, а мы с Кондуктором останемся здесь, потому что сегодня мы добрались до места, где когда-то я был рожден – вот здесь, у старой тропы богов на реке Полюсне, возле Живоедова брода, который сейчас почему-то называют Коровым.

10 апреля 2203, четверг

Тот же лес и те же холмы. Природа мало чем изменилась за целый век. Разве что река в одном месте спрямила свой путь и отбросила петлю староречья. Да и люди хорошо похозяйничали. Не такой уж удар судьбы, но ирония: целое посе-

ление секты читальников. Впрочем, боги считают такие поселки «селениями» и стараются сюда не соваться. Раньше – другое дело. Раньше боги ходили здесь толпами. И толпами собирались у брода.

Вчера на стук топора из леса вышел мужик, волосатый и бородатый, в длинной холщовой рубаше. Он молча вытащил мой топор из ошкуренного бревна, пощелкал ногтем по лезвию, и молча заткнул его за кушак. Взамен, так же молча, предложил свой, самокованный, из плохого железа. Когда я не согласился, он выполнил обратную процедуру, забрал свой топор и с обидою удалился.

Вечером он вышел к костру и долго сидел у огня. То ли мой гость был немой, то ли считал дар речи необязательной роскошью. Однако на языке жестов он, в конце концов, показал, что не любит читать и очень не понимает читающих. Я в свою очередь показал, что хорошо его понимаю. Это повергло его в замешательство. В бороде угадывалось шевеление губ, но только лишь шевеление и только угадывалось.

Сегодня он с утра наблюдал, как Кондуктор подтаскивал к срубам бревна, насупился, а потом заставил распрячь Кондуктора и стал подтаскивать бревна сам. Разом повеселевший Кондуктор вернулся к своей траве, наедая бока. Хотя это как раз тот случай, когда не в коня корм. По биологическому возрасту мы с ним сверстники, и ребра из нас выпирают совершенно одинаковым образом. Даже цвет кожи/шерсти у нас один – линияло-каурый.

2 мая 2203, пятница

Благодаря своему помощнику сегодня сижу под крышей. Вторые сутки льет дождь. Вода заполнила яму, из которой мы берем красную комковатую глину – чтобы сбить печь. Печь готова наполовину. Но нужно еще поставить трубу.

Мой помощник по-прежнему на меня в обиде за то, что вчера я позволил себе оседлать Кондуктора: ездил в Селение за солью и табаком. Как мне стало известно, помощника моего зовут Иван, но толком никто не знает, немой ли он точно, или просто молчит.

С конем у них – отношения. Конь для него – человек больше, чем я. Что ж, надо было ожидать. Я не знаю точной пропорции, сколько в этом животном подлинной немощи, а сколько обычной хитрости. Он еще жеребенком протискивался под морду матери, вставал поперек груди, не давая ей сделать шаг, пока не получит от меня хлеба. Словно кондуктор, он взимал плату за право каждой моей поездки на хребте своей личной родительницы.

Иван занимается сейчас тем, что ходит по кругу вокруг Кондуктора, рвет для него траву и кладет ему прямо в рот. Несмотря на дождь, оба очень довольны. Но Иван как будто ревнует, когда вдруг Кондуктор перестает жевать и задумчиво смотрит в сторону этой избушки. Знает, что я сижу здесь у окна и пишу. В свою очередь, как мне кажется, я знаю все мысли Кондуктора. Наверно, он думает, хорошо бы заставить Ивана и жевать тоже. Иван до этого пока не созрел, но,

видимо, у Кондуктора уже зреет план. В последние годы он даже не спал на сырой земле, а вытряхивал меня из попоны, в которую я ночами закутывался, и брякался на нее мослами с самым барственным видом. В конце концов, он стал возить на себе сразу две попоны, но все равно норовил лечь на ту, которую выбирал я.

У меня никогда еще не было такого коня. Он отвадил от меня всех собак, а когда я начал расстраиваться, то и сам стал чем-то вроде собаки. Лишь за тем исключением, что мало считал меня за хозяина. Иногда я думаю, он так и остался тем жеребенком, долго бегавшим за своей матерью, а потом посчитавший меня ее продолжением. Он всегда любил брать в рот мои пальцы, будто требовал молока. И сейчас еще может взять. Но сейчас у него уже стерлись зубы.

Многое стерлось и в моей памяти.

3 мая 2203, суббота

Та старая тропа богов, тропа из моего детства, шла по древней автомобильной дороге и чаще всего по насыпи, меж холмов. Насыпь уже и тогда была затянута лесом и во многих местах размыта ручьями, превратившимися в полноводные реки.

Мост на Полюсне давно рухнул в воду, ниже него появился омут, а уже ниже омута стало мелко, здесь наметился брод.

Еще дед поддерживал этот брод и со временем превратил его в переправу. Он притапливал огромные стволы лист-

венниц и заваливал их камнями. Вода бурлила на перека-
те, течение было быстрым, ничего не стоило поскользнуться
и сломать ногу. Но и со сломанною ногой можно выбраться
на тот берег – и обычно на мгновение раньше, чем тебя пе-
рекусят железные челюсти живоедов, новодревних речных
крокодилов, кишевших тогда в реке.

Прямо на берегу, возле брода, дед срубил постоянный
двор – небольшую крепость, острог, огражденный серьез-
ным на вид частоколом. В те времена уже многие люди вы-
ходили из леса и начинали приглядываться к проходящим
богам. За ночной постой и охрану от живоедов на переправе
дед обычно требовал плату. Боги предлагали на выбор кучу
разных вещей, по преимуществу мелких и легких, но в ле-
су совершенно не первой надобности: типа лазерных дис-
ков, дискет, бесконечных компьютерных карт, деталей, блоч-
ков, сотовых телефонов, пейджеров, гироскопов ракет клас-
са «воздух-воздух», пластмассовых зубочисток, хирургиче-
ских инструментов, реже – книг. Впрочем, в первые годы
своего хождения по тропе лишь немногие боги что-то для се-
бя промышляли, большинство занималось миссионерством.
Но со временем появились и чистые корабейники (с быто-
вой мелочевкой) и чистые книгоноши, с самой разной лите-
ратурой (от «Большой Эдды» до «Грамотеев»). Правда, в ту
пору, как говорил отец, единственно устойчивым спросом
пользовались газовые зажигалки. Но не все подряд, а только
с пьезокристаллами, которые в первых шомпольных ружьях.

Самым первым моим ружьем было именно это – старинное, дедово, сделанное из композитной трубки, с пьезокристаллом в казенной части ствола и прикладом из корня березы. Теперь нам даже трудно представить, какого риска и невероятных усилий это стоило тем отважным охотникам-вещевикам – спускаться в черные лабиринты подземных заводов и пилить там трубки для ружей. Композит был тверже железа.

Первый склад амуниции и стрелкового снаряжения был найден уже на моей памяти. С ним закончилась эра серого артиллерийского пороха – «макарон», которые приходилось сначала дробить, молотить, а потом смешивать с мелко размолотым древесным углем.

И никто уже не отливал пуль из аккумуляторного свинца.

9 мая 2203, пятница

«Все, что может случиться – может случиться».

Иван привел козу и начал поить Кондуктора молоком. Все, что может случиться – может случиться.

Сегодня я понимаю, почему на мои расспросы отец отвечал только так. Он и сам всю жизнь отвечал на этот вопрос, который, наверно, не раз и не два задавал еще своему отцу: куда исчезли все люди? Но ни дед, ни отец, никогда не могли ответить ничем более вразумительным, чем: «все, что может случиться – может случиться».

Это все объясняло. Если самолет может упасть на землю, значит, он может упасть на землю. Конечно, он может и при-

землиться, но это «может» всегда приравнено к «должен», а последнее противоречит природе. Всякое долженствование противоречит природе.

Долгие годы изучая новодревний период истории, я в сущности лишь придерживался гипотезы моих предков, объясняя исчезновение с планеты людей. Основной массы людей. Подавляющей массы людей. Я бы даже сказал «поголовной», если верил бы утверждению, что оставшихся на планете людей, можно было сосчитать буквально «по головам». Все другие гипотезы мне кажутся беллетристикой.

Я никогда не верил и не верю сейчас в возможность катастрофических войн. Это – теория большинства моих оппонентов (практически вся научная школа Скрыни-Герчккера), и в ней есть неустранимый изъян. Человек не может отменить свою биологию. Он не может уничтожить себя так решительно, низведя с десяти миллиардов до каких-то десятков тысяч. Закон больших биомасс такие фокусы запрещает.

Не менее уязвима и гипотеза Тутоса-Младшего, основанная, как известно, на том, что люди нередко бросали свои дома, поселения и уходили неизвестно куда. Бывало, бросали и города. Бывало – целые страны. Так случалось на протяжении всей истории. Народы уходили неизвестно куда и неизвестно зачем. Уходили и народы народов – цивилизации. Тутос-Младший находит этому только две причины: либо не могли больше здесь, либо – нашли лучше там. Не моя вина в том, что и здесь Тутос-Младший (с его неумемной фан-

тазией и безудержной страстью к спорам) попадает в «капкан аналогий Къйэнко-Бухова», (надеюсь, вполне доказанный мною в моей монографии «Постижение вне подобия»).

Ряд ученых, а именно Конев и Юнь в свое время выдвигали гипотезу «новой работорговли». Очень слабо, впрочем, аргументированную, так как в роли новых работорговцев обязательно выдвигают неких гипотетических иносуществ, которые якобы обратили в рабов и погрузили на свои корабли миллиарды людей-землян, чтобы где-то там, неизвестно где, продать их на межзвездных невольничьих рынках. (Стоит ли уточнять, что в истории Земли действительно был случай, когда люди с одного континента обращали в рабов людей с другого. Разумеется, эта гипотеза стала первой, попавшей в «капкан аналогий»).

Нет, никакие иносущества, никакие инопланетяне здесь ни причем. И не только лишь потому, что, во-первых, любой тип контакта неизбежно будет приписан какой-либо аналогии (что немедленно выносит контакт за пределы нашего постижения), но главным образом потому, что все боги, живущие сейчас на Земле, те самые боги, которые тысячи лет принимались за некую высшую силу суть не иносущества и не инопланетяне. И это не требует доказательств. Боги произошли от людей. Через разные механизмы боготворения и обожествления, но они произошли от людей, потому что иначе бы они просто не смогли претерпеть всю обратную метаморфозу. И не их вина в том, что они почти полностью

заняли освободившуюся на Земле нишу.

Из прочих гипотез, объясняющих исчезновение с планеты людей, я бы упомянул еще гипотезу Треттино. Якобы люди достигли такого прогресса, что сумели улететь с Земли сами. К сожалению, это гипотеза обрела в последние годы очень многих сторонников, (что говорит об уровне деградации нашей научной среды). Есть три момента, заставляющих усомниться в такой трактовке событий:

а) нет свидетельств того, что такой прогресс был достигнут;

б) нет свидетельств, что имелись причины пойти на такой поступок; и

в) помимо попадания в «капкан аналогий», эта гипотеза натывается на «детское правило Тю-Че-Ваня» гласящее, «что было – не повторять». (Иначе мы повторим ошибку, которую совершили боги, когда ее допустили мы. И эта ошибка, которую повторяют боги вслед за людьми, – достаточное свидетельство справедливости гениальных прозрений великого Тю-Че-Ваня).

После смерти моего друга, жены и соавтора Йодлы Къй-энко, мне все труднее отстаивать точку зрения, что причина и способ исчезновения с планеты людей являются непостижимыми в принципе. Непостижимость такого исчезновения заключается вовсе не в том, что человек никогда не выяснит подоплеку подобных событий, а в том, что мы и не ставим себе никакой другой цели, кроме как ошибиться. Именно это

придает смысл нашим спорам, всей нашей жизни, существованию. Иначе мы должны будем признать в этой части абсолютную правоту богов и признать Комбыгхатора богом для богов тоже...

Будь сейчас со мной рядом моя Йодла Къйэнко, я никогда бы не написал этих строк и, наверно, не совершил той ошибки, которую только что совершил. Я никогда бы не взял тетрадь. Или – взял бы тетрадь побольше.

Увы, все, что может случиться – может.

10 сентября 2203, среда

В те дни отец часто проводил ночи на крыше баньки, над огородом. Он выцеливал молодых свиней, мясо которых потом коптил в деревянном шалашике, крытом корою лиственницы, на ольховых дровцах, запасая припасы на целый год. Но когда уже не было на кабанов управы, когда лоси терлись боками об углы дома, а стаи черных волков доводили собак до нервного истощения, тогда он ночью спускался к реке с фонарем, заправленным льняным маслом, и стрелял животных. Обеспечивая бедным зверям переход на тот берег.

Как когда-то его отец обеспечивал этот же переход богам.

Того постоянного двора, который построил дед, уже не существовало. Сгорел. Из того, что было срублено топором, оставался лишь «мертвый город» на лесной рощисте, в ста шагах по тропе от реки и несколько в сторону. Еще дед начинал убирать туда полубожий.

Шквал несчастий однажды постиг наш род.

От пожара я помню лишь то, что когда убирал за отцом картошку, в земле попадались угли. И еще хорошо запомнил свежие щепки. Я собирал их в поленницы, когда отец строил новый дом. С этих щепок начинается моя память.

Только годы спустя я понял, с каким неистовством отец строился. Хорошо помню этот новый дом. Это была большая северная изба, похожая на приставший к горе ковчег. Только будто сильная буря опрокинула этот ковчег вверх дном, и теперь его днище превратилось в длинную широкую крышу, под которой пряталось все жилое и не жилое.

Это был дом для рода. Иногда мне казалось – не только для нашего, для всего человеческого.

Но жили здесь только мы. Вдвоем. Отец и я.

Боги уже не ходили толпами.

На моей памяти толпами собирались звери.

– Не ложись, сыну, – с вечера говорил отец, – как стемнеет, пойдем, опять пособишь. Затопчут, коли не переправим. И мамуты сегодня пройдут. Слышал запах?

– Нет.

– Да оденься теплее, накинь фуфайку.

В фуфайке, в старом танкистском шлеме и кирзовых сапогах, я занимал привычное место за правым плечом отца и держал над ним «летучую мышь» с приделанным жестяным отражателем. Тогда мне было лет десять.

Мы стояли на деревянных мостках, чуть выше переката. Ночь была темной, луна еще не вставала, ранние сентябрь-

ские звезды полыхали всеми огнями.

– Ровно, ровно подавай свет, да поваживай. Слева-направо, по всей реке, и назад, – низким лающим шепотом говорил отец. Сам он держал у плеча ружье и водил им по перекату вслед за полосой света.

– Вон, вон! – кричал я ему в ухо. – Стоит! Большой!

– Вижу, – отвечал отец и целился в две красные точки, блеснувшие отраженным светом под берегом.

Выстрел – и шлепок пули. Громадное тело вскидывалось, с оглушительным плеском било хвостом, поднимая тучи серебряных брызг, и стремительно уходило вниз по реке.

– Вон еще!

– Вижу.

Еще один выстрел, еще характерный шлепок и еще один живоед покидал позицию.

Сдвоенных красных точек загоралось все больше. Большинство живоедов залегало на быстрине, прямо под перекастом, они стояли одной сплошной цепью и теперь разворачивали скрытые под водой головы в направлении фонаря. Над поверхностью виднелись одни лишь красные, словно угли, глаза да черные ноздри, через которые наверх выбивались два острых нижних клыка.

Выстрел. Еще и еще.

– Не уходят, не видишь?

Я пытался почувствовать под водой движение как бы всплывающих топляков, этих черных и шиповатых буд-

то-бы-бревен...

– Не-а. Стоят.

– Ждут. Знают, что много мяса пойдет.

– Никто пока не ушел.

Красная вспышка выстрела погасила еще два огня. Но взбурлило и рядом. Какой-то из живоедов не выдержал и набросился на подранка. Тут же мимо мостков пронеслось под водою длинное тело, спеша на звуки борьбы.

– Ну, все, сорвались, – облегченно вздыхал отец. – Ставь фонарь. Покурим.

Я ставил фонарь на мостки и садился рядом с отцом. Тот доставал кiset с самосадом и набивал трубку.

Ниже переката вода кипела в водоворотах, шелкали челюсти, неся хруст. Как по команде, все живоеды набросились на своих подстреленных, истекающих кровью сородичей. Не выдерживали нервы даже у самых старых и опытных, что составляли верхнюю цепь засады. Эти часами лежали глубоко под водой, чуть выше переката, вцепившись когтями в грунт, хвостом против течения, и всплывали только затем, чтобы глотнуть воздуха. Отец очень на них надеялся: чем больше их сейчас ринется вниз, через перекат – урвать свой кусок, тем легче будет потом.

Постепенно звуки борьбы и пиршества относил течением все ниже и ниже.

При первых же выстрелах все лесное зверье осторожно начинало подходить к перекату и сбиваться в большую кучу.

Лоси, будто ожившие мертвые деревья, торчали среди кабанов, бестолковых, как стадо овец; медведи толкались между волков; зубры шумно вздыхали и снова жевали жвачку, тонкие лесные олени испуганно вздрагивали, переступая через разлегшуюся прямо посреди толчеи огромную белую рысь, что старательно вылизывала живот; семья енотовидных собак от безделия рыла когтями землю... — но пока над водою светил фонарь, войти в нее никто не решался.

Отец много раз вставал, поднимал фонарь и внимательно оглядывал перекат.

— Раз, два, три — он считал пары красных точек, поднимающихся вверх по реке и занимающих прежние позиции. Когда поредевшая цепь снова выстроилась в одну линию, он поднял ружье. Я опять пристроился с фонарем за его правым плечом.

На этот раз отец стрелял без пауз, почти лихорадочно и настолько быстро, насколько успевал перезаряжать ружье. Стволы изрыгали пламя почти что дуплетом, но каждый ствол успевал выдать пулю точно в серединку промеж назначенных ей огней. Выстрели и шлепки пуль сливались.

Канонада длилась недолго, снова бурунами заходила река, живоеды опять устроили свалку.

— Туши! — кричал за плечо отец и тут же сам оборачивался, поднимал стекло фонаря и дул под его нижнюю кромку. Свет тух. Несколько секунд проходили в темноте и молчании.

Еще не освоившись в темноте, отец быстро сбегал с мостков, обегал все звериное скопище по дуге и начинал гнать животных к воде. Те шарахались, расступались, никто не хотел лезть первым.

– Пшли! Пшли! – сипло орал отец, размахивая ружьем как пастушьей палкой, и кого-то прикладом бил по крестцу, а кого-то просто пинал ногой. – Чего смотрите? Пшли!

Но у самой кромки воды звери резко бросались в стороны. Иногда он хватал за ноги молодую свинью и тащил ее, визжащую, до воды, а затем со стоном оторвав от земли, раскручивал и зашвыривал прямо на перекат. Секунда, и в реку прыгал большой секач и вслед срывалось все стадо.

Отец едва успевал отбиваться от прущих на него морд и рогов. Он орал, не переставая, но все крики тонули в гуле ринувшейся в воду лавины.

Я знал, что случится дальше. Кто-нибудь из копытных обязательно сломает меж камней ногу, его собьют, по нему начнут скакать волки и прыгать оттуда на спины пролетающих мимо лосей; те, вконец потеряв рассудок, начнут давить кабанов и все мелкое, что мечется под ногами; бывало, что лось выезжал верхом на медведе... – рев, визг, чехарда.

Живоеды быстро переключались с братоубийственной трапезы на захват упавших в воду животных, тех разрывали в мгновения. Лишь после этого часть живоедов бросалась рассекать живую лавину – в запоздалой попытке остановить, отрезать от желанного берега замешкавшихся на перекате.

По инерции хвост лавины еще несея вперед, но едва на миг разрывался, ударившись о кровавое месиво, как отставшие поворачивали назад.

– Ну, все, – отец по-прежнему тяжело дышал, – пойдем немного соснем. С рассветом пойдет мамута. Она уже рядом. За версту вонь. Не чуешь?

Я кивал, но не чуял.

Утром мы провожали через реку большое стадо мамут, северных низкорослых слонов, отбивающих своим запахом всю охоту иметь с ними дело. Живоеды, к несчастью, не обладали развитым обонянием. Следуя своей тактике, они снова выстроились в две цепи, чтобы пропустить животных сквозь строй. Меньше их за ночь не стало. На замену выбывшим, снизу пришли другие. Но даже те, которые принимали участие в ночном нападении и, успешно урвав свой кусок добычи, сильно отяжелели, все равно не чувствовали себя вполне сытыми, а в резвости не уступали самым голодным.

Бивни мамут, в отличие от слонов, не загибались вверх, а свисали почти до земли. Бивнями они корчевали съедобные корни, ими же отбрасывали врагов.

Проход мамут через брод напоминал столкновение двух стихий – земной и водной. Самцы выстраивались в две цепи, выставя бивни на живоедов, и пропускали между собой всех самок и молодняк. С этой оказией проносилось и все остальное зверье, не успевшее переправиться ночью.

Отец мог бы и не стрелять. Или только отстреливать са-

мых хитрых из живоедов – тех, что не рисковали идти в атаку прямо на бивни, а тихо ждали в сторонке тех последних секунд, когда старый самец, вожак, прикрывающий отступление стада, начнет выходить из воды. Но обычно тот просто не выходил. Отец всегда понимал, что лишь попусту тратит пули, но стрелял. Стрелял пока не раскалялись стволы. С живоедами у него были личные счеты.

А вожака все равно валили и разрывали.

1 ноября 2203, среда

Мамута, горбатая и волосатая, припадающая на задние ноги, уши маленькие – как у индийского слона, которого она меньше, но на хоботе у нее два пальца – это как у слова африканского, правда, эти пальцы длиннее, грубее, и очень сильные: даже зимой, разрывая бивнями землю и выдирая корень за корнем, мамута уронит любое дерево...

Сейчас я забыл, как пахнет мамута. Возможно, сегодня убили последнюю. А ведь это был самый-самый отвратительный в мире запах, (помет живоедов по сравнению с ними источает изысканный аромат духов). Он всегда был с тобой, этот запах, его невозможно забыть. Это – вонь-радиация, проникающая в тебя до костного мозга и сажающая в тебя свои изотопы.

Но я помню людей, которые охотились на мамут. Убивали, сдирали шкуру, съедали все мясо дочиста, закрепляли костяк, а потом накрывали его мамутовой шкурой. Жили как в небольших палатках.

Только лишь эти люди, охотники на мамут, пытались нападать на богов. Хотя богов не едят даже живоеды. Пожуют и выплевывают. В свою очередь, живоедово мясо на моей памяти не ели даже собаки. Да, в то время слишком многие отношения между людьми, животными и богами постигались через пищевые цепочки...

Говорят, что мамуты и живоеды в раннее новодревнее время сбежали из зоопарков. Когда еще были слонами и крокодилами. Возможно. Возможно, что мамуты. Но я плохо верю про живоедов. У крокодилов зрачки щелеобразные, у живоедов – круглые. И притом они были живородящими, а впадали зимою в спячку.

Живоеды – кошмары моего детства. У них огромные когти, которыми они разрывают ил, забиваются под него и, наверно, храпят подо льдом всю зиму. Вот почему, где спит живоед, лед всегда неровный и ноздреватый, будто в том месте родник. Я думаю, и сейчас где-нибудь, на болотах, появляется такой лед. Если кто-то его увидит, значит, живоеды еще существуют. Почему-то я верю, что они все еще есть. Эта вера ни на чем реальном не обоснована, просто вера.

Сегодня сильный мороз, а у меня перед глазами весна. Весна у нас начиналась с того, что на луг выползали полчища живоедов. Самцы дрались из-за самок. Живоеды так перепачкивали когтями и так удобряли пометом луг, что отцу оставалось лишь бросить туда семена. Ячмень вырастал невысокий, щетинистый и рос густыми кустами. Бывали годы, ко-

гда мы снимали совершенно невероятные урожаи: сам-двадцать, сам-двадцать пять. Но даже в бедные годы отец давал знать окрестным людям, что зимою ждет их к себе.

С начала зимы мы мололи зерно на весь год – на тех самых ручных жерновах, на которых дед и братья отца мололи артиллерийский порох. Да и хлеб мы пекли в тех же самых жестяных формах, которые использовали они. Хлеб всегда получался кислый, это из-за пивных дрожжей. На Новый год отец варил пиво. Не ради, конечно, «мела», пивного осадка, этих самых дрожжей. Зимою к нам приезжали гости. То есть, другие люди. Обычно с других речных переправ, находящихся от нас иногда за десятки и сотни верст.

Праздник, который больше напоминал ежегодный совет, шел обычно неделю, и за эту неделю я узнавал больше, чем за весь год. Собственно, я и учился лишь одну неделю в году. За это время я успевал прочитать все новые для нас книги, которые тоже клались «в общий котел», как прочие угощения. Разница только в том, что все угощения подедались, а книгами предстояло меняться по жребию. Что-то из этих книг я наскоро переписывал в одну из двух своих самодельных тетрадей. Вторая тетрадь отводилась под протоколы ежевечерних «собраний», на которых я присутствовал лишь как писец. Дети и женщины к выражению мнений посредством пива не допускались.

Эти две тетради до сих пор у меня. Иногда я их перелистываю. Слово «боги», имевшее на себе табу, обозначено

словом «те», во всех падежах. Иногда мелькает слово «теизм», это значит «вера в богов». Обычно я где-то рядом сажал свои самые жирные кляксы.

Живоедова желчь, служившая мне чернилами, до сих пор нисколько не выцвела. Мне будет жалко, если в мире исчезнет последний из живоедов.

2 ноября 2203, воскресенье

Бог сидел на крыльце, уткнув голову в колени. Из-под черных, свалывшихся в овечьи жгуты волос выбивалась вбок клочковатая рыжая борода. Электрически сияющий нимб невесомо плавал над левым ухом. Бог спал. По его босым, растрескавшимся до крови ногам ползали последние в эту осень мухи. Корявые пальцы вздрагивали. На самой нижней гнилой ступеньке сидела тонкая травяная лягушка и судорожно втягивала дряблый гортанный мешок.

Отец бросил наземь капканы, но гость не проснулся. Более отец не церемонился. Он ступил на крыльцо и тряхнул гостя за плечо. Тот медленно поднял голову и разъял тонкие, прожилковатые веки, предъявив человеку мутные больные глаза. Несильное осеннее солнце глухо завязло в них, не осветив.

– Чей будешь?

– А?.. – в тот же миг последовал слабый, неживой голос.

Гость поспешно встал, оправил на себе грязный хитон, сосступил на землю против хозяина и сложил на животе руки. Длинный мешковатый хитон полоскался на нем, как

на мачте парус.

Отец же не в пример гостю был очень тяжел и могуч, но немного сильно сутул и чрезмерно покат в плечах, отчего самодельная меховая куртка будто соскальзывала, раскрывая голую безволосую грудь. Говорил он отрывисто, даже лающе, с гулким призывком – будто глотал огромные куски мяса.

– Вижу, что ты. Не слепой. Чей, спрашиваю. Из христианских?

– Я?..

– Давно тут вашего брата не хаживало.

Бог сморгнул нездоровые желтые выделения своих блеклых и воспаленных глаз и, не выдержав взгляд человека, стал смотреть в землю.

– Кры-кры, – пролетело над лесом семейство воронов. – Кры-кры, – снова переговорили они, оглядывая со своей высоты наш ковчег, перевернутый кверху дном. С южной солнечной стороны примыкал к избе огород с крепенькой островерхой банькой в самом дальнем углу. С северной стороны, в ста шагах по тропе и в сторону на лесной рощисте, за развалившимся частоколом, грудились и будто толкались между собою почти игрушечные избушки, каждая на четырех высоких столбах, как лабаз.

Мертвый город.

Я не знаю, насколько правдива эта легенда, по которой где-то у Полярного круга жило племя одних только женщин.

Но то, что те женщины жили с богами уже и тогда, для меня был факт. Случалось, что с севера боги уводили с собою целые колонны детей, полубожий, народившихся там, у Полярного круга, и в достаточной мере подросших, чтобы идти пешком. Кто-то из них умирал в пути, и тогда бог-отец долго нес свое мертвое полубожье до ближайшего жилья человека и просил хозяина прибрать тело. Тот рубил на расчисти еще один домик на четырех столбах и убирал туда то, что по сути было полупокойником: полубожия умирали как люди, но телом оставались нетленны.

В тот год, о котором я сейчас вспоминаю, на тропе богов почти не было никакого движения. Те, что прошли весной, еще летом вернулись назад, жалуясь на какой-то мор, постигший далекий север.

Христианские боги и раньше на тропе не считались своими людьми. Они редко пускались в путь. А когда и шли, то как будто не знали, куда и зачем идут. Иногда чудилось, что они просто странствуют или даже странничают.

Вот и этот, казалось, влекся по тропе только силой надувавшего его хитон ветра.

– Кры-кры, – напоследок сказала в небе семейка воронов, поднырнув под спешащие с севера низкие черные облака.

Отец и бог проводили их общим взглядом.

– Впервой, что ли, здесь?

– В первый... да, – бог закрыл глаза и качнулся, будто само движение губ нарушило равновесие.

– Веди, – кивнул мне отец.

Через силу поев, гость вздумал благодарить, но отец пресек разговоры, легко поднял бога на руки и силком уложил в свою собственную кровать, поплотнее укутав старым меховым одеялом. Через минуту тот спал. Тусклый нимб лишь угадывался тонким бледным свечением над его сухим изможденным лицом, где узкий лоб и прямой длинный нос составляли костяной крест. В глазницах стояла тьма.

– Поди-ко, – сказал отец, прислушиваясь к неровному, отлетающему на каждом вздохе дыханию. – И куда подбрел, глядя на зиму? Юродивый, одно и сказать.

Напоследок он тронул пальцем свечение. То пропало совсем, только крошечный голубенький огонек прихотливо закружил вокруг пальца.

– Во, – сказал одними губами отец и посмотрел на старую автомобильную фару, висевшую над столом. (Изба у нас освещалась с помощью световода. Один конец с собирателем света был подведен к печи, другой – с рассеивающей линзой – заведен в фару.)

Два дня отец выхаживал нежданного гостя, а на третий день юродивый бог уже мог выходить на улицу.

На четвертый день закружил первый снег. Зима, как всегда, налетела стремительно и началась одной бесконечной вьюгой.

Это был первый и единственный раз, когда с нами зимовал бог.

Но у деда такие случаи не были большой редкостью. Много лет назад, по словам отца, здесь застряло племя диких африканских богов. В ту зиму черные боги разорвали и съели всю живность, переловили собак и крыс. Негры гонялись и за семьей деда, но тот успел отвести ее на Рыбное озеро, на заимку. Лишь когда по весне на луг выбрались живоеды, наши черные гости насытились и ушли.

Хорошо доставалось деду и от степных богов. Те подходили целыми ордами и разбивали подчас целый табор, пестрый, шумный, воинственный; оглашали лес диковатыми боевыми криками, то ли просто пугая, то ли сами пугаясь местных лесных кикимор.

Ну, а что до античных богов – с ними было по-разному. Они тоже бывали слишком несносны, надменны, требовательны, молодые чересчур вспыльчивы, женщины чересчур похотливы, но в целом, с этим народом мы ладили.

К «нашему» христианскому богу слово «ладить» оказалось неприменимо. Как будто он всегда с нами жил. Когда он весной ушел, отец очень переживал.

Для меня он был первым богом, которого я узнал так близко. И, пожалуй, так близко – последним. Но все же, оставаясь честным перед собой, я не могу назвать его духовным наставником. Для людей, которые выросли на тропе богов, это было бы попросту невозможно. Боги были богами, люди были людьми. На одной точке зрения им не сойтись. Также здесь невозможно никаких отношений типа «учитель и уче-

ник», потому что никак невозможно задать эти роли: кто здесь учитель, а кто – ученик. Все, что он говорил, изначально не виделось им как учение. В свою очередь, не казалось мне получением знания, а скорее, озвучанием немоты. И этот закон немоты устранял все различия между нами, как в возрасте, так и в происхождении. Потому что слова имели значение только между людьми.

В голове у меня тогда был сумбур, хаос вычитанных из книжек глубоких мыслей, мешанина литературных стилей, исторический сведений, винегрет из непонятных имен, выражений, фраз, словесных фигур и штампов самых разных веков. Но таким и был тот язык общения, на котором одну неделю в году, зимой, под закуску и пиво, говорило все мне известное человечество (жившее в эту пору к югу и северу по тропе богов).

Незадолго до появления бога я уже пробовал писать сам. Стихи. Я их складывал в голове и уже понемногу записывал, когда неожиданно мне попалась книжка неизвестного автора, к сожаления, без названия. Для себя я назвал ее «Муза или Не спящая на спине», потому что там говорилось о девушке и о Музе. Прочитав ее, я стихи уже не писал. Еще у меня была книжка, которая называлась «Заросшие», хотя у нее не было конца. Отец говорил, что конец ее оторвали боги, потому что там говорилось, как именно человечество исчезло с Земли. Не думаю, что это так, но именно после «Заросших» я стал интересоваться проблемой исчезновения чело-

вечества и фактически посвятил ей всю жизнь. К этим двум книгам я добавил бы еще – «Маугли-фактор». Еще один вариант происходящего с человечеством.

Некоторые из современных литературоведов приписывают эти три книги мне самому. На том якобы основании, что именно я ввел их в оборот и при этом не открываю тайны их авторства. Что я могу на это сказать? Только то, что все они достались мне без обложки, в самом ужасающем виде. («Заросших» мне вообще приходилось склеивать по кусочкам. Здесь, сознаюсь, я практически восстанавливал более-менее связный текст.) Собранные в одну книгу листы, я скрепил между двух дощечек и держал их в своем сундучке. Сундучок был со мной и потом, когда я завербовался на строительство дороги. В нем хранились и все другие книги, которые выдавали нам в качестве поощрения. Что же стало с моими вещами потом, мне до сих пор неизвестно. В любом случае, хочу внести ясность: ни тогда, ни даже сейчас я не в силах столь совершенно подделать язык и стиль изложения времен первой цивилизации.)

Последним произведением, которое мне удалось прочитать в детстве, была книга Андрея Джековски «Полномочия Духа». Бог оказался тоже знаком с этой книгой (что явилось для меня большим откровением, потому что боги книг не читали), и наши споры вокруг Джековски бушевали всю зиму. Бог то и дело издевался надо мной, говоря, что в названии пропущена буква «л» и читать надо – «Полномолчия

Духа». Мне это было непонятно. Правда, я читал уже Блеза Паскаля, и меня тоже угнетало молчание бесконечных пространств. Я тоже чувствовал себя «мыслящим тростником», находящимся меж двух бездн – бесконечностью и ничтожеством. В те дни я больше верил Блезу Паскалю и мало доверял богу. Увы мне теперь, но я слишком поздно понял нашего гостя. Он был мыслящий бог. Он смеялся и над Блезом Паскалем.

Я нарочно не называю этого христианского бога по имени. Ибо даже в стародавние времена это имя в разных местах произносилось по-разному, порой до неузнаваемости, что явилось, вероятно, причиной всей множественности его нынешних образов. Но это приложимо ко всем богам, независимо от того, верят ли люди в одного единого бога или в целый языческий пантеон. Только этим, я думаю, объясняются те полтора миллиарда богов, населяющих сейчас Землю. Более того, наш христианский бог даже не был «нашим с отцом» христианским богом. Он был только моим с одной стороны, он был только богом отца – с другой. Но никогда обоих одновременно.

Когда бог ушел, я так и не смог объяснить отцу, что сумел сформулировать и понять. Он общался с богом не меньше, но понял совсем другое.

3 ноября 2203, понедельник

Это было уже после того, как недельная зимняя сессия великого поглощения пива (и великого изрыгания слов) завер-

шила. Мы не прятали бога. Он сам не хотел никого смущать, и отец проводил его на Рыбное озеро. Забирать его мы отправились с отцом вместе, заодно расставляя капканы. Только даже если идти до заимки спешно и прямым ходом, без остановок, то нельзя до нее добраться зимой за один только световой день. Мы заночевали в лесу.

С утра под деревьями вился мелкий и пыльный морозный снег. Он скрипел под лыжами, как крахмал. Разбежавшийся по озеру ветер бил нам прямо в лицо. Первым кровавые следы увидел отец. Они ровно выписывали по озеру небольшую петлю, начиная от порога избушки, доходя до разрубленной полыньи и опять возвращаясь к берегу. Ветром выдуло из-под крови снег, и казалось, что это вовсе не кровь, а большая круговая грибница еще маленьких, крепеньких, красненьких, слипшихся молодых грибков, неизвестно как проросших на льду.

Тех секунд, пока я смотрел на грибницу, отцу с избытком хватило, чтобы добежать до избушки и заглянуть вовнутрь.

– Останься! – лающе крикнул он (то ли мне, то ли Чилику, нашей лайке), и снова вскочил на лыжи.

Вероятно, белая рысь нападала с крыши. И проехала целый круг, прежде чем поняла ошибку. Такие белые рыси. Со всем не имеют нюха. Говорили, что они даже прыгали на мамут и вырывали несколько кусков из загривка быстрее, чем те успевали опомниться.

Но это была совсем молодая особь, как потом мне сказал

отец, еще продолжающая линять: из разодранной спины бога торчала ее пестрая шерсть...

К счастью и одновременно к несчастью для бога, на нем был танкистский шлем – единственный головной убор, который мы признавали зимой и летом. К счастью – потому что он не дал рыси перегрызть шею (так собакам служат защитой – их широкие кожаные ошейники), а к несчастью из-за того... что не будь на нем шлема – рысь не прыгнула бы совсем, увидела бы электрический нимб, (а в шлеме есть металлические пластины, забирающие в себя энергию.)

Когда мы остались одни, я ничем не мог помочь богу кроме как подтапливать печь и давать воды. Отец с собачей упряжкой мог вернуться не раньше чем через два дня. За это время раны будут только расти, выворачиваться наружу, «дышать», но я не боялся, что бог умрет, потому что боги не умирают. Я боялся его страданий, и он это понимал.

Он лежал, уткнувшись лицом в меховую подушку, и медвежья шерсть шевелилась, когда он начинал говорить. Постепенно его голова продвигалась на край топчана и свисала вниз. Тогда светящийся нимб, тонким обручем, зависал над затылком. В избушке было сразу два света: красный от печки и этот, голубой, от нимба. Сказочно. Лес, ночь и бог.

Когда он говорил в пол, я тоже ложился на пол, у топчана. Так я видел его лицо. Глаза он не открывал. Для него это было бы слишком – открывать и глаза и губы.

У него был довольно небольшой лоб, но изрезанный боль-

шими морщинами, и почти все из них начинались от переносицы и шли вертикально. Отдаленно это напоминало линии на ладони. Я гадал: какая из них какая – жизни, любви, судьбы? Там не было линии смерти.

– И совсем ее нет? – удивлялся я. – Смерти нет?

– Она не наступит.

– Нет?

– Нет.

– Значит, есть душа?

– В твоём смысле нет.

– А что тогда есть?

– Жизнь.

– Но она ведь не вечная!

– Вечная, – спокойно отвечал он.

– Но мы же ведь умираем! – искренне возмущался я.

– Вы да.

– И умираем совсем?

– Да.

– Так это же смерть!

– Нет.

– А что?

– Сон.

– Выходит, мертвые видят сны?

– Не мертвые.

Так могло продолжаться до бесконечности. Не было сил заставить его выражаться яснее. Это было бы озвучани-

ем немоты, которая не подлежит озвучанию. Он это знал, но не знал, как это мне объяснить.

Лишь однажды, но многие годы спустя, я подумал, что это можно было сравнить с любовью. С признанием в ней. Это как сказать женщине «я люблю тебя» прекрасно зная, что это не то и не так, но, увы, так требует форма, такова словесная формула, и сказав ее, ты запустишь цепную реакцию сотен, тысяч и миллиардов других таких формул; это будет ядерный подрыв слов, и каждое должно что-то выражать, и, наверное, выражает, но все вместе они один большой «бум», а в конечном итоге стыд. Немота в человеческом мире непобедима.

Будь сейчас со мной рядом моя Йодла Къйэнко, я бы не совершал ошибок, которые сейчас совершаю на каждом шагу. (Впрочем, ладно. Когда меня мяли звери, она мазала меня йодом и пела. Йод всегда прожигает до мяса. Но зато ты знаешь, что такое любовь.)

Я тоже обрабатывал раны бога. Золой. А потом лучинками убирал комки. Хорошо, что была зима и не было мух. Лучинки в моих руках не всегда были ласковы.

– Значит, если бы на Земле не осталось ни одного человека, вас тоже бы не осталось?

Он дергался и рычал в подушку.

– А почему вас так много?

– Потому ш-ш-ш... ш-што вас так-так мало!

Иногда мне казалось, он бросит в меня подушкой.

– А что будет, если все перестанут в вас верить?..

– Не будет!

– А если однажды не будет на Земле ни одного человека, который в вас будет верить, вас тоже не будет?

– Да.

– Значит, мы вас главнее?

Он замер и начал прислушиваться, как я ковыряюсь в ране лучинками. В золе иногда попадались острые черные угольки.

– Значит, вы существуете лишь пока... пока кто-то из нас в вас верит? Хоть несколько человек или даже...

– Да!

– А кто? Они кто?

– Не знаю.

– И ты их ни разу не видел?

– Нет!

– И ты про них ничего не знаешь?

– Нет!

– Но ты их хотел бы...

– Нет!

Он вскакивал, вырывал у меня лучинки, ломал и отбрасывал к печке. Вновь утыкался лицом в подушку и мотал всем затылком, когда я приносил пить. Нимб болтался туда-сюда и бросал по углам голубые блики.

Значит, мы их главнее, думал я про себя. Он то ли смеялся, то ли рыдал в подушку.

4 ноября 2203, вторник

Я понимаю, насколько неправильно говорить, что человек не помнит последнего мгновения своей жизни. Не помнить первого – это в самом деле не помнить. Но я говорю, «человек не помнит», потому что так говорил мне он. Он мог вообще говорить без привязки к нашему понимаю. Он говорил «душа», «ад», «рай» «грех», «благодать» и «вечная жизнь», нимало не заботясь о том, что для нас это закреплённые формулы.

Он хотел, скорее, быть понятым, чем понятным, либо простым.

После случая с рысью ему долго не хватало такой простоты, чтобы выговорить «молитва».

Отец вернулся через два дня и отправил нас с Чиликом домой (Чилик лаял на меня всю дорогу, изображая главное), а его повез на собаках напрямик через озеро, к бабке-лекарке. Та когда-то лечила отца от ранения горла, но вот чем она заживила раны нашего бога – бог весть. Бог ведал, поэтому и не выговаривал слово «молитва».

Когда мы пошли с ним в баню, на спине его не были ни одного рубца.

5 ноября 2203, среда

Он ушел не раньше того, как помог посадить картошку, ячмень и поправить дом. Он уходил на север, мимо Солёной пади, где люди парили соль, и мы шли с отцом его проводить.

Бог этого не хотел, он сильно протестовал, но раз было нам по пути...

Мертвый город, домики на четырех ножках, огражденные повалившимся частоколом, бог не мог увидеть с тропы.

Это кладбище полубожий никогда не являлось темой разговоров, ходить туда запрещалось. В частоколе не было даже того, что бы можно было назвать калиткой. Если домики падали – они падали, как сгнившие на корню грибы, и о них забывали. Последний домик отец поставил несколько лет назад и тогда же подправил, а кое-где обновил частокол. Ибо так надлежало держать черту, отделявшую их от нас. И нарушить ее мог бы лишь сумасшедший или пацан.

До сих пор вижу то последнее мертвое полубожие, как лежит оно на грубо отесанных полубревнях – руки сложены на низу живота, голова повернута вправо – голое тело, лишь натертое соком болотной лилии-мухоморки. Через год оно медленно превращалось в мумию: влага его испарялась летом, зимой – вымораживалась. Рядом с телом стоял наш старый горшок, тут же лежала сильно потрепанная, распухшая от дождей и уже загрязнившаяся от лесной пыли книжка. Рядом с ними лежал сотовый телефон – из тех старых запасов, что боги растаскивали по всей Земле еще в самом начале новодревних времен.

Солнце пробивалось сквозь щели и один из лучей попадал на зеленую лампочку. Та как будто светилась.

Это было как подсмотреть чужой сон. Но самым верхом

кошунства было утащить книжку.

Это был «Робинзон Крузо».

Бог никак бы не мог видеть мертвый город с тропы. Ну, а мы, разумеется, не только не заикнулись, но мы даже не повернули в сторону дремучего ельника головы.

– Не скажу прощай, скажу добрых снов.

Отец вздрогнул. На его сутулую спину и без того давил вещевой мешок, а ремень ружья все время сползал с плеча. Но я знаю, каким движением он подкидывает рюкзак и каким поправляет ремень.

Он вздрогнул.

Бог шел впереди меня, за отцом, и говорил ему в спину. Он шел и медленно говорил. Медленно, усыпляюще говорил. И наш длинный, походный, маховый, под раскачку, шаг не сбивал у него дыхания. Мне казалось, я сплю, но я видел спину отца.

– Я скажу добрых снов. Ибо смерти нет, есть впадение в сон.

Бог был снова в своем хитоне, в каком пришел, и опять босиком. Нимб сиял над его макушкой и трещал электричеством.

– Это вечный сон. Ибо вечно умеет длиться лишь последнее мгновение твоей жизни. То мгновение, когда время начнет замедляться, а последний миг твоей жизни – растягиваться.

Но как время никогда не замедлится до конца, так и жизнь

твоя никогда не растянется до такого предела, чтобы вдруг смогла оборваться.

Сон – не смерть. Сон – жизнь.

Что для нас лишь мгновение твоей смерти – для тебя давно уже вечная жизнь. Только обращенная в сон.

Ты ведь знаешь, что значит сон.

Разве ты не плакал во сне, не страдал, не переживал ужасы. Что такое твои ночные кошмары, от которых ты просыпался в поту.

И, напротив, как часто ты мог испытывать наслаждение, радость, был истинно счастлив. И как часто тебя разбирала досада на то, что проснулся. И хотелось снова заснуть и вернуть свой сон,

Пусть это все сны. Но во сне ты не знал, что это лишь сны.

А уж будет ли тебе радостно, благодатно, или вечно будут мучить кошмары, язвить проступки, грызть совесть – то зависит лишь от тебя. Как ты прожил жизнь наяву.

Я скажу тебе, что есть рай. Это сон, из которого не хочется просыпаться. И ты не проснешься.

Я скажу тебе, что есть ад. Это сон, когда хочется поскорей проснуться. Но ты не проснешься.

Ты будешь продолжать жить. Жить вечно. И притом никогда ты не будешь знать, что живешь во сне.

А в каком – ты решаешь сам. Только знай, если это будут одни кошмары, все равно никто не придет, не разбудит. Мне жестоко так говорить, но ты это должен знать.

И какая теперь тебе разница, бог ли я, если ты человек?
Ибо никакой сон не кончается явью. Явь кончается сном.
Я скажу тебе добрых снов».

Быстрым шагом бог перегнал отца и быстро стал удаляться. Он почти бежал. Хитон полоскался на ветру. Мы еще шли за ним, пока он был виден. Потом встали. Сели. Сели прямо с краю тропы. Отец достал трубку, набил табаком и поднес огонь. Затянулся. Передал трубку мне. Он в первый раз протянул мне трубку. Мы сидели на сыром мху. Было тихо. В трубке булькала и сипела смола.

Отец бешено постарел.

Что если все отцы принимают такие удары за сыновей!

Я знаю, сейчас отец не хочет проснуться. Он прожил добрую жизнь. И видит добрые сны. После ухода бога он прожил еще восемь лет, потом подвернул лодыжку, прилег и не встал. Тело свое он завещал сжечь и – по обычаю – посадить на кострище куст красной смороды. Единственная ягода, которая светится изнутри.

Долгое время я держал обиду на бога. Он не должен был уйти так. Я даже хотел отыскать его и сказать, что он был не прав. Сейчас я его понимаю. Он не мог уйти по-другому. Закон немоты распространяется не только на речь, но не в меньшей мере – и на поступки.

6 ноября 2203, четверг

Ко времени смерти отца тропа совсем захудала. Боги

больше не ходили по тропам, они строили дороги...

Вероятно, никакие преграды не мешают истории ускоряться. Древние века, средние, новые и новейшие... Каждый следующий период был короче и динамичней предшествующих. Новодревнее время оказалось таким коротким, что не заняло и столетия. Впрочем, все наши споры о верхней и нижней границе этого времени кажутся мне сейчас смешными. По устоявшейся исторической классификации я был должен родиться в конце новодревних времен, пережить новосредние и теперь умереть в новоновых...

Это много для одного человека, но совсем мало для историка. Не хватает глубины зрения. Наверно, правильно, что эта новая поросль историков называет нас «летописцами», в лучшем случае, отсылает к нам как к «историческим деятелям». Что тоже неверно. Деятели были боги.

7 ноября 2203, пятница

Человек, который хотел сбежать, имел фамилию Блюк. Имени у него не было. Так же как и я, он утратил свой род и выводил свою родословную из рода занятий.

– Бух, – шептал он мне ночью (в казарме наши кровати стояли рядом) – вы охотники, мы рыбаки, но заради какого кошмара мы должны читать то, в чем ни уха, ни рыла? Лично я буду делать ноги. Завтра нас посылают разбирать самолет. Там есть катапульта. Надо только лишь подломить переднюю стойку шасси. Пожелай мне удачи. И пусть живоеды меня съедят!

Блюк сбежал, но его поймали с собаками. В наказание заперли в физическом блоке и заставили спать до утра усилитель низких частот. Блюк всю ночь выдирает страницы «Введения в радиodelo» и ел. Наутро его повезли в медицинский блок, но уже было поздно. Блюк умер от заворота кишок. Это я знаю точно, и не совсем понимаю тех, которые говорят, что его так и не поймали.

Блюк был хороший парень и тоже с тропы богов, мой земляк. Ключнул на ту же удочку, что и я.

Прошедший по тропе слух, что на строительстве дорог платят книгами, выманил из леса много таких. Недотеп. Но увы, мало кто из нас обращал внимания, что эти дороги имели начало и имели конец. Начинались в лесу и в лесу заканчивались. И обязательно где-то посередине находились развалины новодревнего города или села. Отсюда брался битый кирпич и разломанный на куски бетон для мощения прямых узких просек. Они никуда не вели, это к ним вели тропы, по которым и выходили из леса люди. Так червяки попадают в кротовый ход...

Мы с Блюком работали на разных дорогах, но, как оказалось, оба имели привычку сидеть всю ночь у костра и читать.

Когда в очередную «получку» мне выдали «Основы геохимии», я слегка удивился. Через неделю же получил «Библейскую энциклопедию», а еще через неделю «Общую астрометрию». Затем 11-ый том «Всемирной истории» и в придачу «Полный каталог пород собак». Через «собак» я еще про-

дрался, справочник «Трактора и машины» одолевал из последних сил, немного расслабился на «Диалогах» Платона, а на «Кварках» сломался: решил хоть ночку поспать.

Проснулся в каком-то лагере.

Это был еще перевалочный лагерь, без режима и без охраны. Там нам выдали полный комплект солдатского обмундирования. Гимнастерки и сапоги оказались вполне добротными, но белье никуда не годилось: гнилое. Впрочем, это заботило меньше всего: кормили три раза в день, никакого особого распорядка дня и – почти никакой работы.

Мы познакомились с Блюком в библиотечно-читальном бараке. Блок попал сюда раньше и еще помогал сколачивать стеллажи и расставлять на них книги. Заявив о себе как способный сортировальщик, он уже имел на погонах желтую лычку.

Сейчас я могу сказать, что перевалочный лагерь был самой хитрой уловкой, которую боги могли придумать. Мы сами обустроивали наш лагерь, сами охотились и ловили рыбу, привозили от местных людей продукты и хлеб. Сами составляли команды, рыскавшие в развалинах городов, сами отыскивали, клеили по страничкам, переплетали книги. Несколько скандинавских богов и две дюжины полубожий, ходившие в офицерской форме, были для нас родными отцами и дядьками.

Ловушка стала захлопываться, когда вся окрестная местность была вычищена от книг. Неожиданно объявился ко-

мандир роты, его заместитель, командиры взводов. Боги разом обвешались портупеями, пистолетами и планшетками. Полубожия стали слоняться по периметру лагеря с автоматами: книги якобы надлежало теперь охранять. Полубожия приходили с юга, их было много и все чернявые (на юге гораздо раньше начало действовать положение, по которому женщина не могла иметь детей кроме как от богов).

Увы и сто раз увы, нам многое было еще невдомек. Сбежали из лагеря единицы. Лишь когда начались построения на плацу, изматывающая строевая муштра, строем – в столовую, строем – в уборную и подъемы-отбои по распорядку, лагерь сразу ополовинел. Тем не менее, двери в библиотечный барак оставлялись по-прежнему на всю ночь открытыми. Главное было не заснуть до двенадцати ночи. После полуночи разрешалось вставать и идти в читальный барак. К подъему следовало вернуться и успеть забраться на нары.

До сих пор не могу понять, почему мы не сбежали еще тогда? Может быть, потому, что Блок получил еще одну лычку и имел звание младшего систематизатора, а во мне пробудилось жгучее любопытство к науке и технике (на тропе практически не было технических, ни научно-популярных книг; это было для меня шоком, что книги бывают не только о людях). Но наверно, обоих нас смущало и то, что сбежавших ребят никто не ловил, они бродили вокруг лагеря, строили шалаши и землянки, и по-прежнему даже глубокой осенью кое-кто приходил либо строиться на обед, либо скрыт-

но пробирался ночами в читальный барак. Дежурные полубоия не принимали никаких мер к задержанию.

Хорошо помню тот обед, сытный жирный зимний обед с большими кусками оленьего мяса и горьким брусничным чаем. Дальше помнится очень смутно: сани, сено, веревки на руках и ногах, гулкий храп лошадей, ночные звезды, сметаемые с небес еловыми лапами. Первые сутки, вторые, третьи...

Почти все из наших приехали с обмороженными ногами и прошли через госпиталь, прежде чем попали в казармы. Последняя возможность побега была упущена.

8 ноября 2203, суббота

Это была старая военная база ракетных войск. Впоследствии мы узнали, что она называлась «Северный космодром» и здесь располагались части «Зет-Зет». Наше подразделение обозначалась литерой «Д».

Нас держали на окраине города, чуть поодаль пустоглазых бетонных коробок. Два ряда частокола из бревен, между которыми носились собаки; ров, колючая проволока, вышки с охранниками из полубожий, боги с дубинками, строжайшая дисциплина. С утра штудирование учебников, после обеда – поход на кладбище техники, вечером – в мастерские.

Мы жили с Блюком в одной казарме, но находились в разных взводах: он в электрическом, я – сперва в поршневом, затем в роторно-турбинном. В части был уже собран примитивнейший газогенератор, работавший на березовых чурках.

Все ждали запуска первого двигателя внутреннего сгорания, только не было настоящего машинного масла, а то, что мы находили в картерах различных моторов или даже в цистернах хранилищ уже давно превратилось в тонкий слой битума. (Где-то на юге еще только лишь добывали первые сотни тонн нефти и учились перегонять ее в керосин и плохой бензин).

Тем не менее, это чистой воды легенда, что первый двигатель заработал на подсолнечном масле и якобы пять человек при этом вручную раскручивали большой генератор, чтобы подать на свечу искру. Это неправда. Никакого масла не было вообще, а картер принудительно наддувался графитовой пылью. Искру обеспечивал обычный пьезокристалл от простой зажигалки.

Звук, согласен, от двигателя был характерный: «комбыгх! комбыгх!» Это был одноцилиндровый, двухтактный двигатель. Он еще не имел охлаждения и, проработав минуты две, разорвался.

Конечно, те из историков, что доныне бледнеют при виде эмблемы частей «Зет-Зет» (череп с двумя скрещенными гаечными ключами) теперь торжественно заявляют, что это якобы Комбыгхатор являлся создателем того первого «комбыгх-двигателя» и отсюда, мол, пошло его имя.

Это не так.

Мне приходилось слышать про Комбыгхатора много раньше и при случае я могу доказать, что это слово имеет в кор-

не искаженное «богатырь», но запрятанное меж префиксом «ком» и сдвоенным суффиксом «тор». В противовес всем известным нам по подразделению «Д» богам, этот – был совершенно новый и придуманный здесь же бог. Бог молодых ребят-технарей, посылаемых в сырые подземные бункеры разбираться в сплетении спекшихся проводов и кабелей, в ржавых кишках машин и трухе приборов. Чисто «человеческий» бог. Культ Комбыгхатора развивался в строжайшей тайне и жестоко преследовался надзирающими богами. Единственной формой обращению к Комбыгхатору – своего рода тайной молитвой – был тяжелый надрывный кашель. Отсюда пошла современная секта «кашлюнов». Ночью казармы заходились от кашля, и это для многих было последним в жизни радением-призыванием грядущего Избавителя.

Утверждение, будто Комбыгхатор с самого начала был человек, абсолютно неверно. Те, кто клятвенно утверждают, будто знали Комбыгхатора по подразделению «Д», натуральным образом заблуждаются. От своего создания до трагической развязки «Весны мечей» подразделение «Д» просуществовало четырнадцать лет и за все эти годы пределы подразделения не покинул ни один человек.

Исключение составлял лишь Блюк, но он использовал авиационную катапульту.

9 ноября 2203, воскресенье

Я намеренно не хочу говорить о богах, которые эти че-

тырнадцать лет продержали меня за забором. Здесь не хватит и ста тетрадей, а эта моя, единственная, скоро закончится. И потом, как во всякой неволе (тюрьма это, либо армия), между нами возник характерный антагонизм двух каст, подчиняющих и подчиняющихся: и при том одинаково страдающих близорукостью за пределами своей касты: здесь живые нормальные лица, а там мутноглазые уродливые личности; здесь красивые интересные личности, там – тупая, лишенная всякого интеллекта безликая сила.

Надо быть большим гуманистом, чтобы видеть в большой обезличенной массе богов хоть одно человеческое подобие. Но я не был большим гуманистом. В лучшем случае я относился к ним как к живоедам моего детства, которых и надо бы истребить всех, но нельзя забывать, что это они удобряют луг, родивший нам хлеб. (К сожалению – всем нам тогда казалось, что именно «к сожалению» – богов нельзя истребить, а надежда, что они сами вдруг себя уничтожат в то разгоравшихся, то затухавших религиозных войнах, оказалось пустой надеждой.)

Теперь сложилось множество мифов о поворотной точке «Весны мечей», после которой боги встали на путь человека, уже сами овладевая науками и осваивая стезю прогресса. Увы для многих из нас, но это произошло по нашей вине и через потоки крови.

Не хочу исследовать эти мифы. Они правдивы не больше (но и не меньше), чем сказка о ковре-самолете. Вопрос лишь

в том, как убрать неточное слово «ковер».

Единственное, что берусь утверждать, что всему начало был бунт, стихийный и неподготовленный бунт. И не правы как те историки, что употребляют слова «вооруженный мятеж» (ибо это не была армии), так и те, которые используют термин «восстание заключенных», (ибо это не было и тюрьмой). И совсем уж наивно звучит утверждение, что «восставшие» ставили себе целью поставить богов на место, то есть, вытолкнуть из реальности и вернуть в ту самую нишу духа, которую они занимали на Земле прежде.

Само же понятие «тайное общество Комбыгхатора» соответствует истине лишь отчасти. В принципе в нем состоял любой, что освоил технику кашля. Однако, и в этом «обществе» не было тех «отважных юных героев, добровольно шедших на смерть». В подразделении «Д» большинство было мужиков, пусть молодых, но уже мужиков, всем нам было за тридцать.

...А тот был просто больной, и в ночном перекашливании других, его надсадное «кхы-кхы-кху-кхау» говорило лишь о тяжелом бронхите. На беду, дежуривший по казарме бог принял кашель за нарочитый и особенно вызывающий. Он ударил больного дубинкой. Не так уж и сильно, даже лениво. Скорей, для проформы. Но больной умер.

День похорон всегда считался полурбочим, «днем вольного чтения» и в мастерские после обеда не загоняли. Но в последние дни (это было начало весны), похороны шли

косяком...

Бунт вспыхнул в кузнице. В тот день там работали штрафники со всего подразделения «Д», и как раз привезли огромную партию строительных сверл, дюйм с четвертью. Их предстояло раскрутить в плашки, в заготовки для турбинных лопаток.

Каждое сверло раскалялось в горне, зажималось в тисках, захватывалось большим газовым ключом с насиженными на ручки обрезками труб, и шесть человек начинали его раскручивать в обратную сторону. Это был адский труд. Сверла остывали. Их приходилось вновь и вновь нагревать. А потом еще работать молотобойцами, расплющивая лопатку до рассчитанной толщины. Один неверный удар, и лопатка шла в брак. Тогда нам хотелось закрыть глаза, ибо не было сил убить на месте того, кто нанес неверный удар.

Нет, это был не я, что нанес второй неверный удар, но я в ярости молотил кувалдой вместе со всеми, пока расплющенная лопатка не превратилась в короткий меч. Она сама превратилась в меч. Во всяком случае, в той неровной вытянутой лепешке все угадали форму меча.

Надзирающий бог заподозрил в нашем неистовстве что-то неладное и подбежал. В него и воткнули «меч».

Бог кричал так, что по всей территории мастерских стихли всякие звуки. В тишине, волна угрюмого кашля прокатилось по всему подразделению «Д». Руки сами взялись за железо. В мастерских слишком много железа, несущего смерть.

Чего было мало, так это оружия – только лишь то, что отняли у полубожий на вышках.

Бессмертных богов никто и не пробовал убивать (покалечили – это правда), их всех связали и заперли в кузнице.

Двое суток подразделение «Д» оставалось независимой самоуправляемой территорией, но не хочу повторять здесь то, что всем хорошо известно. Также не могу трогать мифы, в той или иной степени касающихся конкретных имен. Эти люди погибли достойно и в равной мере заслуживают посмертной славы. Касательно их повторю лишь то, что человек, пытавшийся однажды сбежать, имел фамилию Блюк, и что не было человека по прозвищу Комбыгхатор. Комбыгхатор опять повторяю был «бог», и он жил лишь в наших больных сознаниях!

Что же до самого бунта, то могу уточнить лишь несколько важных моментов.

Попыток всем вместе вырваться на свободу, чтобы затем раствориться в лесу, предпринималась только одна, (а не две) и она состоялась в самую первую ночь: тогда за ограду успели вырваться несколько человек.

Тем не менее, называть «легендарным танком Т-132» (якобы протаранившим ряды частокола и ушедшем навеки в лес) и вообще называть каким-либо танком ту паровую машину от паровоза (пусть она и стояла на шасси танка), было бы слишком большой натяжкой.

Этот «танк» повалил лишь внутренний ряд частокола. Ко-

гда он таранил внешний – лопнула правая гусеница. В темноте, под встречным обстрелом, и среди переломанных бревен нам удалось заменить проржавевший трак, но снова натянуть ленту и забить палец мы уже не смогли. Но остатками перегретого пара едва успели отсечь атакующих полубожий.

Далее: переговоры велись непрерывно. От них никто никогда не отказывался. Боги предлагали нам жизнь, мы требовали свободы. Надо прямо сказать, что эти двое суток «свободы и независимости» были куплены только ценою переговоров. Переговоры вел комитет из шести человек и в нем не было Комбыгхатора-человека, как заявляют сегодня некоторые «свидетели».

Штурм начался на третьи сутки, в девять часов утра. (Слухи о том, что нас слышат, а потому вот-вот придет помощь из каких-то других восставших частей «Зет-Зет» на «Северном космодроме», так и остались слухами).

Оставшиеся в живых не расстреливались и не бросались живыми в ракетные шахты. Их должны были перевести в другие подразделения. Я думаю, их перевели.

Раненых положили на розвальни и повезли в госпиталь. Думаю, нас действительно собирались лечить.

Мне удалось бежать.

Эта история, ныне раскрашенная самыми невероятными небылицами, на самом деле проста, и не пахла никакой мистикой. Пахло совсем другим...

Это было стадо мамут. Обычная сезонная миграция бес-

численных стад мамут, что всегда дважды в год проходили по территории Космодрома, и для нас самым первым, действительно ощутимым весенним запахом – все эти семнадцать лет – был запах идущих мамут.

Вероятно, одно из стад запуталось меж колонн полубожий, спешивших к подразделению «Д». Запуталось, разбилось, забегало. Стрельба последних нескольких дней, оцепления и облавы с собаками (полубожия ловили сбежавших) – запугали бедных животных насмерть.

Только все это я понял позднее. Реконструировал, так сказать. А тогда я очнулся от мамутова запаха – как потерявший сознание приходит в себя от нашатыря. Видел, что лежу на снегу, слышал крики и выстрелы. Одна из обезумевших лошадей пронеслась совсем рядом и ударила меня косям края розвальней, отбросив в снег еще дальше. Запах мамуты стал совсем нестерпим.

Кто бы мне объяснил, почему я пополз на запах, как нашел, как зарылся под брюхо убитой мамуты, как накрыл себя ее шерстью? Это необъяснимо.

Не знаю точно, сколь долго лежал я под брюхом мамуты. Может быть, сутки, может быть – двои. Но иногда приходил в сознание и один раз, кажется, слышал близкие голоса. Густая жесткая шерсть, по объему равная двум тюкам распущенной пакли, только сваявшаяся в жгуты, не дала мне замерзнуть.

До сих пор иногда гадаю: могла ли эта мамутова вонь, ми-

азмы иметь целебный эффект? Впрочем, в те далекие времена порошок из сушеных и растолченных пальцев (пальцев хобота, разумеется) непременно входил в состав самых сильных снадобий, от которых, как говорили, вставали даже покойники. Не знаю, может, что-то и повлияло. Но скорее всего, я просто-напросто отлежался. Потом ощупал себя.

Самым сильным было ранение головы. Как я потом узнал, пуля вынесла кусок кости над левым ухом.

Ночью я выбрался из шерстяного кокона и ушел в лес. Не знаю, как долго шел и куда, но, видимо, по следам мамут, потому что очнулся в племени диких лесных людей, маньюитов, охотников за мамутами.

В ту весну я потерял обоняние и полжизни не чувствовал даже самых пахучих запахов.

10 ноября 2203, понедельник

Все последующие двадцать лет пронеслись как сон.

Иногда я пытаюсь уверить себя, что это было все наяву и со мной, но ни разум, ни память подчас не могут пробиться сквозь плотные наслоения мифов и небылиц, покрывших собой историю. Народное творчество – это сила, которой не может противостоять один человек.

Спасают люди. Чапр – Рысий Коготь, Танга, Карында, Пастырза, Чув – Жженный Бивень, Мехря, Пендрик, Дарежа, Савата, Марсик, Пильша, Оринфий, Мулява, Егда, Олекса, Вац, Калч, Скарлата – Сын Черного Волка, Орлук, Сипун, Айга, Дахина, Исада, Хрумсай, Дармак, Марий-сын, Безног,

Пелтас-Младший, Рындшак, Чупаня – Калганов Корень... – их я могу и сейчас перечислить всех до единого.

В тот день, когда после долгих лет жизни в племени, я был выбран вождем маньюитов (после гибели Чапра – Рысьего Когтя) в племени было двадцать восемь мужчин, сорок женщин и до полусотни детей.

Пускай сейчас слово «маньюит» стало нарицательным, но все они тогда были живые реальные люди – зародыш той небольшой партизанской армии, обложившей «Северный космодром» со всех четырех сторон.

В последние годы об этом пишут много исследований. Хочу уточнить лишь несколько фактов.

Собственно, как принято говорить, «фронтов» было только три. Восточный и Южный фронты (командиры Тыхту-Мьянг и Антон Пупырь соответственно) перехватывали обозы с боеприпасами, амуницией и провиантом, нападали на сторожевые посты полубожий, но – главное! – освобождали шедших по этапу людей.

Западный фронт, возглавляемый Толстым Вацем, а затем Пильшей-Младшим, контролировал вывозимую с космодрома технику. А вот Северный фронт не существовал. Это было соединение диверсионных отрядов и групп, которое действовало внутри космодрома. Вот поэтому не было и единого командующего фронтом. Волк Факир, Ваня-Маня, Пахтач, Корабельщик, Мехряк и Пьян-Чу – каждый в разное время – возглавляли на северном направлении лишь один из летучих

связных отрядов. А потому совершенно неверно бытующее среди историков мнение, что маньюиты были разгромлены ударом на север, в направлении якобы их основных партизанских баз. Кто знаком с этой местностью, тот хорошо знает, что на севере сплошные болота.

Правда лишь то, что с появлением летательных аппаратов, мы несли большие потери: в ловушке лесных пожаров целиком погиб весь Западный фронт и сильно пострадал Южный. Но и даже на этом движение маньюитов не было разгромлено окончательно. Пока на «Северном космодроме» работали подневольные люди, он ни дня не существовал мирно.

У меня до сих пор с собою двухтомник Мира Новака «Маньюиты: правда и вымысел», и я должен признаться, что правды в нем даже больше, чем вымысла. Чего не скажешь о повести «Последний поход Комбыгхатора» Плеса Цокова. Беллетристика от начала и до конца. Наиболее «удались» автору вопли жен и клятвы малолетних детей «отомстить». Без комментариев.

Я специально избегаю указания точных дат имевших место событий. Не хочу показаться мелочным, но поспешное восстановление в 2200 году летоисчисления anno Domini и последовавшая за ней обратная хронологическая привязка до сих пор вызывают у меня активное отторжение. Впрочем, если за годы моего странствия было столь уж волюнтаристски решено, чтобы нижней границей «разрыва времен» считать семидесятые годы двадцать первого века, а верхней —

2113—2114 годы, то сейчас с этим трудно спорить. Но размеры такого зияния в хронологии лично мне представляются непомерно большими. Тем не менее, если будем считать, будто весь XXI-ый век длился только 92 и 5/12 года, а XXII-ой — 103 и 1/12, я готов согласиться, что перед нашими математиками стояла задача, которая практически не решается.

28 мая 2204, пятница

Так бывает только после грозы, той грозы, что бывает только в Сибири, летом, на самой макушке лета. Такая гроза бывает раз в год, а, может, раз в жизни.

Долго стояло ведро, сушь, и с утра обещалось такое же пекло, но часам к десяти на юге что-то сбелело. За лесом что-то сбелело.

Было только синее небо, зеленый лес, и вот тут между ними что-то сбелело. Сбелело и вновь исчезло. Потом внезапно вынеслось облако, белое, совершенно белое, вынеслось и пронеслось на север. А за ним — такие же белые, ровные, один к одному. И уже заполнили небо полностью, но еще ни одно с другим не слилось, и бегут. И бегут.

А на юге уже — колонны, колонны, столбы, пирамиды, горы. Вверху еще белые, а снизу — темные. Вскоре черные. Вскоре все вокруг черное. А молния — желтая. Далекая, поэтому и желтая. А вот ближняя — уже белая. И вот так без конца: далекая — желтая, близкая — белая. А совсем уже близкая — голубая.

Понятное дело, ливень. На час. Быть точным: минут на со-

рок, сорок пять.

А потом сразу солнце – сквозь последние капли. Наверно, все дело в каплях. Но трава становится изумрудно-зеленой, кора сосен – медово-коричневой, кровь оленя – алой. Да, алой. Дождь мог промыть листья, прополоскать траву и смыть пыль с сосновой коры. Но он не мог сделать алой кровь. Это что-то в самой атмосфере.

Это длится всего секунды, от силы минуту, от силы пару минут, но никак... Это длилось сорок шесть лет. Все то время, пока она была рядом со мной, это длилось и длилось, и длилось, не думало даже переставать...

В тот день она сидела в траве и смотрела, как я свеживал оленя.

Она сидела тут еще до грозы. Пушистые метелки травы закачались еще до того, как я вытащил нож, чтобы выпустить из оленя кровь. Казалось, из травы доносилось, как она глотала слюну.

Потом разразилась гроза, я стоял под сосной и с каждой вспышкой молнии все лучше видел в траве ее узкую спину. Спина была ее крышей. Позвоночник князьком, а ребра – стропилами. Ветхую, тонкую, добела выцветшую рубашку вовсе не было видно. Прибило к коже дождем.

Потом мне полагалось уйти, взять заднюю ногу и спокойно уйти, ибо это был их олень. Их территория, их олень. Их мужчинам принадлежало право убить оленя. В других местах чужак только так и делает: берет заднюю ногу и спо-

койно уходит. А если что-то его задерживает – местные будут ждать. Прятаться за деревьями и терпеливо ждать. Ждала и она.

Только я не ушел. Не сразу ушел. Сначала развел костер и бросил на угли печень. Потому что мне нужна была шкура. Вчера, на порогах, лодка перевернулась. Пропали все вещи, и меня с новой силой бил застарелый кашель. Мне нужна была эта шкура. Их оленье шкура.

Она вылезла, когда я соскребал со шкуры мездру.

– К'йэнко? К'ылан»? – быстро пролепетала она и встала у костра на колени.

– Къйэнко, кыйэнко, – я спешил ее успокоить, сам гадая, что это значит. Выкатил из углей печень и воткнул перед нею нож.

Откуда мне было знать, что у них так принято: если мужчина втыкает перед женщиной нож, он берет ее в жены? Сорок шесть лет она носила при себе этот нож – как штамп в паспорте. Сорок шесть лет. Сорок шесть лет и весь земной шар. Неужели все это было? И было с нами?

Зея, Амур, Уссури, Японские острова, Гуам, Полинезия, Кокос, Панамский перешеек с расшлюзованным пересохшим каналом, Гваделупа, Западная Сахара, Гибралтар, Пиренеи, Средиземное море, Проливы, Черное море, Азовское, Дон, путь в Волгу по сухому каналу, потом Ока и Москва... – если это судьба, то хотя она и бросала вначале нас очень жестоко, но в конце концов обошлась милосердно.

Потом мы смогли признать, что это были едва ли не самые счастливые годы жизни.

Когда она написала «Путешествие За» (впервые взяв псевдоним Йодлы Къйэнко – ее настоящее имя начиналось с двойного «Ы» и имело девять слогов, но я звал ее Зея), то я долго не мог поверить тому, что читал. Казалось невероятным, что это все написала она, та девчушка, которая выползла из травы к костру и смотрела на шипящую в углях печень.

Но она писала так же легко, как и пела – тем сибирским горловым пением, когда прыгнув за мною в лодку и, держась за борта руками, проводила взглядом родное стойбище и стоящих на берегу людей, а потом вся вытянулась, запрокинула голову и волнительно заработала голосовыми связками.

С ней было все так легко, что если бы даже бросило нас на Марс, а домой приходилось бы возвращаться через Луну, то она бы только сперва удивилась: «почему это в космосе мало воздуха?» (Как сперва ее удивляло море: «почему в нем так мало пресной воды?») А потом занялась бы ужином. Ибо ей никто не докажет, что на Марсе (Луне) нельзя развести огонь, чтобы приготовить ужин, потому что там нету воздуха. Она только бы удивилась: «Но ведь я же пою! Интересно, как бы я пела, если бы на Марсе (Луне) не было воздуха?»

Такие женщины не встречаются только раз в жизни. Такие женщины встречаются одна на миллион жизней.

В семидесятых-еще-непонятных-каких-годах непонятно-

го-какого-прошлого века мы, наконец, поселись в дружной общине 3-го Общережимного Книжного Городка, (ныне известного как Усть-Пахринск) при впадении шумной полноводной Пахры в Москву.

Прежний одноименный город Москва уже никого не пугал своими развалинами, да и время отважных охотников-вещевиков прошло. Боги ослабили давление на людей и ввели многие послабления. Это, как всем известно, объяснялось радикальной сменой политики в отношении оставшихся на Земле людей, число которых по-прежнему уменьшалось.

Боги перестали использовать людей для работы, вместо них работали армии полубожий, но по-прежнему женщинам запрещалось иметь детей кроме как от богов. Будь у нас с Зеей дети, мы, конечно, не пришли бы сюда, но, как оказалось, сырость ракетных шахт наградила меня не только пожизненным кашлем... Хотя хорошо и то, что никто за эти все годы не закашлял в ответ. От всякого чужого кашля я по-прежнему немедленно просыпаюсь и потом не могу уснуть до утра. К счастью, Зея редко болела, а когда простужалась – мы спали врозь. И кто знает, может, в одну из этих ночей у нас был тот единственный шанс?..

В первые годы нашего пребывания в Городке здесь еще существовала цензура, тем не менее, некогда тайный культ Комбыгхатора исповедовался теперь в открытую. И не мне одному в то время казалось, что втайне он поощрялся бога-

ми.

Тогда уже стало всем очевидным, боги не были ни ленивы, ни бестолковы, и ни коей мере лишены способностей к освоению самых сложных наук. Несомненно и то, что они очень трудно и больно переживали тот психологический шок, когда основная масса людей исчезла с лица Земли. «Совокупный продукт мыслительной энергии человечества и критическая деструкция мультидеменсиальной решетки эго-партий...» как неожиданно стало модно объяснять богам их судьбу, «оказывая материализующее воздействие на латентно-конвергенционные сгустки...» Бр-бр-бр. Боги этого не заслуживали.

Поначалу их общий уровень образованности был весьма невысок, соответствовал тому времени, когда формировались их культы, а это тысячи лет назад. В лучшем случае боги знали, что чертил или складывал Пифагор и какие циклы и эпициклы рисовал Птолемей. И еще – они оказались такой же жертвой разрыва времен, как и люди. Просто им было тяжелее. То, что нам казалось восстановлением, для богов было освоением нового – освоением всех культурных и научных открытий последних тысячелетий...

Сегодня, когда я уже в темноте возвращаюсь с рыбалки и вижу плывущую между звезд мигающую белую точку, то вижу, насколько они преуспели.

У людей был лихой прогресс, но у этих – лише.

Иногда мне уже казалось, что правы те мои оппоненты,

которые утверждали, что люди просто покинули Землю. Нашли что-то лучшее, улетели, переселились. Верь я в такие сказки, то, наверно, поверил бы даже в то, что и боги когда-нибудь улетят. Вдогонку улетеvшему человечеству. Так и будут носиться по всей Вселенной: одни улетать, другие – догонять. Не знаю. Но не это будет кошмаром Вселенной.

Впрочем, Зея довольно долго убеждала меня, что боги и в самом деле оставят людей в покое и действительно улетят, если смогут найти Комбыгхатора и переманить его на свою сторону. Несмотря на то, что она была проницательнее меня (не случайно на всех работах, написанных нами вместе, ее псевдоним шел первым), боюсь, она так до конца и не верила мне, что Комбыгхатор не был никогда человеком, но изначально – функцией, образом, представлением.

Это был «технический бог», убеждал я ее, во всех смыслах технический бог, контр-бог, а-бог, (только не анти-бог, хотя с этим она соглашалась), и к нему не подходят те общие механизмы боготворения, обожествления, то есть, возведения в ранг богов отдельных людей, прародителей, предков или выдающихся личностей, как это имело место много тысячелетий назад.

Иногда мы с Зеей сильно не понимали друг друга, и я горячился.

– Бог земли, бог воды, плодородия... – я в те дни не давал ей ночами спать и, страдая бессонницей, отнимал у нее подушки, под которые она прятала голову, ничего не желая

слушать. – Бог войны, света, тьмы, справедливости, бог возмездия, бог любви или вот, наконец, бог единый... все они суть мы же, это наши же люди, разные их начала, потому-то люди и боги так похожи между собой...

– Я хочу спать, – говорила она, забирала подушку и одеяло и уходила в гостиную, на диван. Я шаркал следом:

– Комбыгхатор не только не был никогда человеком, он вообще никак не относится к человеку. Или относится никак. Он изначально противопоставлялся богам, а, значит, и людям. Если хочешь, он бог прогресса, техники, бог машин, бог компьютеров, бог того самого искусственного интеллекта, которые боги изобретают вновь и, уверен, скоро изобретут...

Она вставала и шла на кухню принимать капли. И пока их считала, кивала. Этим словно бы признавая: «Да. Только-по-жа-луй-ста ус-по-кой-ся. Твой Ком-быг-ха-тор не был никогда че-ло-ве-ком». Вот так: двадцать пять слогов – двадцать пять капель.

– Но ты думаешь, это бог, которого мы и создали? – одержав небольшую победу, не унимался я. – Мы? Нет! Это бог, который сам себя создает. Через нас. Может, и всегда создавал. Еще с каменных топоров и костяных ножей. Может, что мы его просто открыли или нет, лишь озвучили его имя...

Она опять уходила в гостиную, на диван, и накрывалась подушкой. Я опускался в кресло и набивал трубку. Она знала, когда мне важно курить, но никогда не давала мне курить

в спальне.

– Это было не удивительно. Когда тебя окружают враждебные боги, ты ищешь доброго бога. Ты спишь?

Она спала и похрапывала. Она всегда похрапывала, когда расстраивалась во сне. Она всегда расстраивалась, когда я курил.

– Может, я тебе не рассказывал... Только как человек одно время носивший такое прозвище, я знаю лучше других, что он не был никогда человеком. А порою мне кажется, что он бог не столько машин, сколько бог того неудачного пути человечества, из-за которого люди и сбежали с Земли. Как знать.

Она спала и похрапывала. Край теплой ночной рубашки выползал из-под одеяла, и от этого мне казалось, что ей холодно.

– Не знаю. Может быть, лишь когда мы окончательно выйдем, лишь тогда наши боги и увидят его. Придут к нему и поклонятся. И тогда он возглавил их поход по Вселенной... В поисках сбежавшего человечества. Знаешь, мне, правда, жалко наших богов. Комбыгхатор бросит их так же, как их бросили люди. Комбыгхатор – новый кошмар Вселенной. Сколько бы человечество от него ни носилось, он повсюду пойдет по его пятам и однажды раздавит своей пятой. Не потому что плохой. Не заметит. Н-да. Я знаю, что ошибаюсь. Капкан аналогий запрещает не ошибаться. Иначе мы повторим ошибку, которую совершили боги, когда ее допу-

стили мы...

Она все так же похрапывала. Тонко и мерно. Я вставал и запрятывал кончик ее рубашки под одеяло. Теперь ей было тепло.

Едва за окном начинало брезжить, я выползал из кресла, снимал пижаму, надевал свой старый костюм и шел на Пахру – рыбачить.

Над рекой розовел туман, пели птицы, плескалась рыба. Там давно истребили всех живоедов, а в округе вывели всех мамут. Воздух чистый, пряный. Пахнет цветами. Где-то за дальним лесом ухаёт сваезабивочный агрегат. На строительстве химкомбината пищевых наполнителей тоже проснулась жизнь.

Пахра всегда мне напоминала Рыбное озеро из моего далекого детства. Если не смотреть на тот берег, а смотреть вдоль – она кажется бесконечной. В Пахре водились огромные сазаны, но мне ни разу не посчастливилось. К девяти часам, когда они начинали играть, а потом начинался клев, я давно уже спал на стульчике. На маленьком раскладном деревянном стульчике. Спал, как могут спать одни старики. Которым сначала нечего стало сказать. А потом – некому.

В то утро оно тоже спала. На диване в гостиной, накрыв голову одеялом. Она видела добрые сны.

Папка 2. Дело об «Уезде»

#1

ПРОТОКОЛ

чрезвычайного расширенного заседания секции исторической фантастики объединения прозаиков Селенского Союза писателей.

СЛУШАЛИ:

1. Личное дело исторического фантаста Ушана Ржи «О неполной художественной достоверности романа «Уезд» (перенесенное на следующее заседание).
2. Реплику истфантаста Ушана Ржи (нерасслышанную).
3. Выступление председателя Селенского Союза писателей Коровьебродского Е. Щ. «О строительстве моста через реку Полюсну».
4. Реплику главного редактора журнала «Вопросы критикования» Анамта Чертанадского (нерасслышанную).
5. Реплику истфантаста Тихо-Брагина Д. (нерасслышанную).
6. Тезисы ответного выступления председателя Селенско-

го Союза писателей Коровьебродского Е. Щ. «О необходимости строительства моста через реку Полюсну», а также само ответное выступление председателя Селенского Союза писателей Коровьебродского Е. Щ. «О насущной необходимости строительства моста через реку Полюсну в связи с невозможностью перехода реки Полюсны осенью и весной в брод в силу смытия временного моста паводком».

6. Доклад заведующего кафедрой исторического фантастования Литературного института, секретаря правления Селенского Союза писателей, критика Павла Ниц «Литература первой цивилизации как опыт объективной реальности для современного исторического фантаста» (перенесенный на следующее заседание).

ПОСТАНОВИЛИ:

1). Учредить Правобережное отделение Селенского Союза писателей.

2). Выйти в администрацию комбыгхатора с предложением о строительстве «Дома творчества писателей» за счет сэкономленных средств, должных быть остающимися после строительства моста через реку Полюсну.

3). Назначить прорабом, директором и завхозом «Дома творчества писателей» председателя Селенского Союза писателей Коровьебродского Е. Щ.

4). Немедленно и решительно осудить все возможные по-

святательства Селенского союза художников на «Дом творчества писателей» в плане превращения его в «Дом творчества художников» и заранее заклеить позором подрывную деятельность председателя Селенского союза художников Коровьева-Бродского И. Щ.

В связи с чем:

а) поддержать волну народного гнева в отношении идеи Селенского союза художников переименовать историческую часть Селения, нынешний город Селенск, в историко-этнографическое село Коровий Брод;

б) поддержать волну общественно-единодушного одобрения предложению Селенского Союза писателей о переименовании города Селенска в современный город Коровьебродск.

Председатель:

Председатель Селенского Союза писателей

*Директор Центра реабилитации жертв
литературных совпадений*

Президент Союза прототипов литературных героев

*Директор-распорядитель благотворительного
фонда «Звонкий источник»*

Командор Ордена нищенствующих писателей

Поэт

Коровьебродский Е. Щ.

Секретарь:

*литературный секретарь поэт
Коровьебродского Е. Щ.*

Гром Сандер

РУКОПИСНЫЙ ТЕКСТ

критического материала под названием
«**ЧТО СТОИТ ЗА УСЕКНОВЕНИЕМ «В»**»,
направляемого для публикации
в журнал «Селенский политик»

Неугасающая в литературной среде дискуссия по поводу новой серии переименований нашего древнего Селения, бывшего Вселенска, нынешнего Селенска, заставляет нас в который раз взяться за перо. Ибо зачем? Зачем так легко отказались мы от некогда прославленного Вселенска, согласившись на этот серый, убогий, мещанский, ничего не говорящий сердцу Селенск?

Почто, выражаясь выразительным словом классика, опять топчем нашу славную историю? Из-за кого, вернее, из-за чего мы это всё делаем? Неужели из-за него? Из-за этого мелкого, не достойного настоящих творцов желания лишний раз уязвить память Его Императорского ВСЕЛЕНСТВА Комбыгхатора VIII-го Грибоеда? Прискорбно, братья! Ибо память великих неуязвима, а история учит, что грибы едят все, но умирают лишь избранные.

Разумеется, времена авторитаризма прошли. Разумеется,

ныне в условиях демократии, когда читатели так легко избирают стезю писателя, а писатели так легко избираются в комбыгхаторы, когда избранность ничего не значит, а избираемость значит все, когда даже сам Ольгерд Раскамнев, гений, создавший «Общую теорию существования», не сумел продержаться комбыгхатором более двух недель, то есть в это трудное время нелегко избежать ошибок. И самая, на наш взгляд, трагическая из них – это так называемое «усекновение «В».

На кой, как частенько говаривал наш любимый классик, а, вернее, зачем наш прекрасный город Вселенск вообще был переименован в Селенск? Уж не затем ли, чтобы нам всем, когда-то отрекшимся от высокого звания «вселенцев», а ныне превратившихся в серых, унылых «селенчан», было легче превращаться и дальше? В кого? В каких-нибудь ужасных «коровьебродцев»? Да, братья, да. Как ясно видится нам из нашего внутренне-эмигрантского далека, уже очень скоро, возможно, наступит тот день, когда мы все внезапно проснемся в совсем другом другом городе и этот город будет носить название Коровьебродск. Именно эта перспектива сегодня ожидает нас, братья, в связи с бездумным усекновением буквы «В» в названии нашего прежнего прекрасного города Вселенска. Но имя Вселенска всегда будет жить в наших сердцах. Об этом мы снова и снова не стесняемся скромно заявить по весь голос!

За сим с уважением остаемся:

*бывший магистр-эконом
Ордена нищенствующих писателей
почетный председатель
литературного объединения «Комель»
Омир Вифлеотик
Председатель литературного объединения
«Комель»
Домкратий Полутонов*

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

редакции журнала «Селенский политик»
уважаемым О. Вифлеотику и Д. Полутонову

Уважаемые Омир и Домкратий!

К сожалению, из-за непрекращающейся дискуссии по поводу необходимости обсуждения романа «Уезд» наш редакционный портфель по-прежнему остается чрезвычайно переполненным. Просим нас извинить за то, что пока мы не имеем возможности опубликовать ваш критический материал. Тем не менее, изучив материал на предмет обнаружения логических связей, главный редактор журнала Сульфиды Фромм попросила меня сказать вам «спасибо». Спасибо.

Ответственный секретарь журнала «Селенский политик»

Грундик Фертилян

#4

СВЕТОВАЯ РЕКЛАМА ЖУРНАЛА «СЕЛЕНСКИЙ ПОЛИТИК»

Размеры: 37 х 19,4 м

Конструкция: цельно-сварная на бетонных опорах

Вес: 79 680 кг

Общая длина стеклянных трубок: 2 820 м

Газ: неонгелиевая смесь

Свечение: оранжево-красное

Текст: **«Селенский политик всегда в продаже»**

Показания счетчика в кв/ч

на момент первого испытания: 0001

Показания счетчика в кв/ч

на момент эвакуации населения г. Селенска:
отсутствуют

Место установки: место хранения

Место хранения: место производства

Место производства: Песчаный карьер, Мостоотряд №1

#5

ПИСЬМО

исторического фантаста Ушана Ржи

главному редактору журнала

«Гусеводство сегодня и завтра»

Люции Рево

(существует лишь в форме устного пересказа)

#6

ЗАПИСКА

(предположительно любовного содержания)

Я Вас! Ваш.

ГАЗЕТА «ЗУБОВСКИЙ БУЛЬВАР»
РАЗДЕЛ «ЗУБОВНЫЙ СКРЕЖЕТ»
КОЛОНКА «ЛЮБИТЕЛЮ НА ЗУБОК»

Как сообщают из Дома культуры на 1-ой Восточной улице, вышел в свет очередной ежегодный коллективный поэтический сборник «В круг сойдясь» Союза независимых поэтов имени Саади с предисловием известного критика-саадиста П. П. Плевкина-Мускусевича.

По нашей собственной информации, сразу после выхода романа «Уезд» в литприложении «Гусиное перо» журнала «Гусеводство сегодня и завтра» истфантаст Ушан Ржи будет объявлен несуществующим. Как ранее сказал ответственный секретарь Союза писателей Сталин Средьбелов-Днин: «Если кто-то считает, что эта планета, на которой мы живем, не та планета, на которой мы живем, мы тоже вправе заявить, что наш писательский дом – не тот сумасшедший дом, в который любой сумасшедший может заходить безвозбранно».

Когда номер верстался:

Гражданская панихида по поводу отмены существования исторического фантаста Ушана Ржи состоится в Малом Ка-минном зале Большого Библиотечного фонда завтра в 18.00. Вход со двора в подвал, мимо золовыгружающего устрой-ства. Отменяемого просят не беспокоится.

ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ КРИТИКОВЕДЕНИЯ» №7**РЕЦЕНЗИЯ**

на 17-ое исправленное и дополненное
издание книги Ольгерда Раскамнева
«Всеобщая теория существования»

Гений, как известно, это человек, увидевший неочевидное в очевидном. И правда: можно сколько угодно смотреть, как выплескивается из ванны вода при погружении в нее тела, как падают в саду яблоки или как укорачиваются космические ракеты при скорости близкой к скорости света, но не сделать при этом никаких выводов. Но, даже сделав выводы, вовсе необязательно поднимать по этому поводу шум. К сожалению, наши гении это не самые скромные люди на нашей планете: многие не могут сделать ни одного мало-мальски значимого открытия, не присвоив ему своего дорогого имени. К счастью, не все такие. Истинный гений всегда думает о других.

Именно это и доказал Ольгерд Раскамнев, создав свою знаменитую и величественную теорию и назвав ее не «Теорией существования Ольгерда Раскамнева» (как бы ему, на-

верное, ни хотелось поправить свое жалкое нищенское существование), но в высшей степени альтруистично – «Всеобщая теория существования»! Благодаря чему существуем сегодня все мы, а не он один.

Как ответственный за благотворительную подписку «Создателю „ВТС“ – новый пригрузочный камень для соленья огурцов!» (напоминаю, что учредительный съезд международного общественно-политического движения «Pickle Stone Movement» состоится в день похорон О. Раскамнева, о чем будет объявлено в день кончины), а также как рецензент, рецензирующий уже 17-ое издание «ВТС», я должен поздравить всех наших читателей с тем, что на сей раз издание представляется мне как в значительной мере исправленное и дополненное.

Во-первых. Еще рецензируя еще 3-е издание, помнится, я заметил, что слово «разинтеллектуализация» пишется через «ы», но мне и сейчас чрезвычайно лестно отметить, что в этом многострадальном слове все «л» расставлены правильно.

Во-вторых. Немалые споры, как всем нам, раскамневедам, известно, вызывала и фраза «зарабатывание денег – прямой путь к богатству». Кто-то понимал ее чересчур прямо, не вдумываясь в глубокий смысл, который заключается в том, что «не в деньгах счастье», следующих прямо через абзац. Сегодня мне очень отраднo отметить то, что в данном издании ссылка на «не в деньгах счастье» перенесена из пя-

того тома Комментариев в четвертый, что очень умно, т. к. это ближе к первому тому.

В-третьих, особенно радует совершенно новое (неизвестное до сих пор) дополнение к известной раскамневской мысли: «Бог существует даже в утверждении: «Бога не существует», а именно вот эти его слова: «Также ничто не есть в равной степени плоть от плоти слова как слово «слово».

И, наконец, в-четвертых. Что радует даже больше – это то, что редакция наконец-то вняла многократным просьбам Селенского общества слеповидящих, президентом которого я являюсь, и издала все 30 томов «Комментариев» в переплетах с глубоким тиснением. Именно это я и предлагал сделать, начиная еще с 10-го (юбилейно-прижизненного) издания «ВТС», но и сегодня я страшно тронут, что редакция пошла даже дальше.

Советую всем читателям немного расслабиться, взять книгу в руки, закрыть глаза и погладить рукой по обложке, как по той, так и по другой. Вы сразу почувствуете множество мелких пупырышек. Обращаю ваше внимание на тот факт, что отныне вся площадь всех первых и последних обложек всех тридцати томов «Комментариев» заполнена содержанием Первого и Основного тома, текст которого набран здесь так называемым рельефно-точечным шрифтом, состоящим из шести точек (три из которых, признаться, изобрел я). Согласитесь, что данная идея редакции поистине революционна и совершенно незаменима для слепови-

дящих.

Огорчение вызывает лишь небольшой полиграфический брак. Это – отсутствие в Первом и Основном томе первых тридцати двух страниц. К сожалению, нет и самой первой страницы, отдаваемой по традиции наиболее полному изложению законов существования в классической их редакции (к чему, горд сказать, я тоже приложил руку, будучи членом редакционной комиссии). Ситуация совершенно безвыходная, и, конечно же, данный брак был бы совершенно не извиним, если бы ответственный редактор 17-ого издания «ВТС» Грум Гржыч не принес своих извинений.

Впрочем, верю, никакой полиграфический брак не может, не должен и не поставит истинного раскамневеда в тупик. Всем желающим предлагаю выйти из Печатного тупика на проспект Коровьего Водопоя, отсчитать семь домов по направлению к реке Полюсне и зайти в недавно торжественно мной открытый «Клуб любителей существования». Здесь вы всегда можете прочесть на стене за спиной портье, на салфетках в баре, а также на белье в номерах эти три знаменитейшие закона:

- 1) Все существующее существует по определению.
- 2) Все несуществующее не существует лишь до момента постановки вопроса о его существовании или несуществовании.
- 3) Несуществование чего-либо не отменяет его существования.

Но в целом, 17-ое издание можно считать удачным. Верю, что постоянные читатели «ВТС», как и верные носители научного багажа О. Раскамнева получают еще один стимул для достойного существования на годы вперед, вплоть до 18-го издания.

До следующей рецензии!

Давид Нектор

(По просьбе автора всю сумму гонорара за данную рецензию редакция «Вопросов критиковедения» пересылает на счет подписки «Создателю ВТС – новый пригрузочный камень для соления огурцов!» в ОЕЕ «Благое дело» ИМУ 0000000001 р/счет 90099760061000875201 «Селенское общество слеповидящих» ф-л банка «ВТС-Банк» г. Селенск к/счет 90099760061000875202 БИК 04400970)

#9

Журнал фенологических наблюдений

*(тетрадь ученическая, Арт. 1006, 12 листов)
Ржи Ольги Ольгердовны,
учительницы труда и биологии Селенской
средней школы,
проживающей по адресу улица Прибродная,
школьное домовладение,
представленный в качестве
вещественного доказательства №1
в Селенский народный суд
при рассмотрении гражданского дела
о расторжении брака
и возвращении девической фамилии Раскамнева*

30 апреля. Везла на огород навоз и копала грядки под лук, когда увидела первую пчелку. Надо же, удивилась, и как раз на Зосима-пчельника! Сосед в этот день всегда выставляет ульи на пасеку.

Как вспомнила, что на прошлой неделе он назвал меня пчеломаткой, так пошла в огород, села на пороге сарая и начала плакать. Мне ли не знать, что такое пчелиная матка? Мать-одиночка, десяток любовников – но все трутни, полсотни тысяч детей – но одни девки. Да все к тому же старые девы. Нет! Это еще страшней, чем иметь мужем Ржи!

3 мая. С утра был заморозок, до t° – 4, потом потеплело,

но вдруг полетел очень мелкий сухой снежок, а к вечеру стала метель.

Дура же я была, посадив вчера лук! С 18.02 до 18.45 вытаскивала обе грядки обратно. С 18.48 до 19.00 сидела на пороге сарая и плакала.

Господи, как же я ненавижу этот скворечник с кукушкой! Вытирая глаза, я дала себе честное слово, что как только Ржи вернется с рыбалки, я поставлю перед ним ультиматум: или развод, или пусть снимает с рябины такие часы-скворечник! Тем более, когда скворцы научатся открывать дверцу, им пора уже будет снова лететь на юг.

Как же я понимаю бездетных птиц!

4 мая. В 6 утра t° была минус 3, ветер северо-западный, с порывами до 8—10 м/сек. Высота снежного покрова 5 см.

Ржи, наконец, вернулся с рыбалки. Злой, простуженный и неопохмеленный. Съел сковородку мяса с картошкой, после чего лег спать, а мне заказал уху. Я пошла на базар, купила хорошей рыбы и сварила замечательную уху.

Господи, как он ругался! И это уха! И это уха, я спрашиваю? И недосолено-то! И рыба-то у тебя переварена! И картошка-то у тебя недоварена! Спасибо, что вода кипяченая!

Это стало последней каплей. Теперь я твердо решила подать на развод. Я знаю, что скажу судьям, после чего они нас немедленно разведут. Граждане судьи, скажу я им, заявляю со всей ответственностью, я всегда варю суп в кипяченой во-

де!

12 мая. Вчера было жарко, плюс 7, ветер северный, но умеренный. Пока досажала картошку, вся взмокла, рубашку хоть выжимай. А кому жаловаться? Бабий пот мужик в среду пропьет. Слава Богу, наступала суббота, а по субботам Ржи топят баню. Протопила, конечно.

Ржи ничего не пишет. Всю неделю он копался на дальнем коровьем выгоне, откапывал упавший метеорит. Наконец, вчера докопался, позвал было мужиков помочь вытащить, но пока те закусывали – стемнело. Домой пришел такой грязный, что прежде чем пустить в баню, я его долго мыла на огороде из шланга. Пока я мыла его, он рассказывал, что камень не просто метеорит, а... – прошу внимания, граждане судьи! – часть марсианской стелы или даже скрижалей с высеченным на них алфавитом. Якобы три последние буквы марсианский скрижалей были точно из латинского алфавита. Икс, игрек, зет. Правда, последняя улеглась набок (ночью он рисовал эти буквы на моем животе пальцем прямо в том месте, где у меня был аппендицит) и поэтому походила на латинскую «N». Как же мне в тот момент мечталось быть такой же холодной, как этот метеорит!

После двух часов ночи, убедительно доказав, что с Марса на Землю попала не только жизнь, но и вся римская культура, он, счастливый, уснул, только я взяла тачку и показала ее на коровий выгон. Достала из ямы метеорит, при-

везла, сгрузила в сарай, села на порог и заплакала. Плакала с 2.48 до 3.05. А потом так обиделась на него, что взяла эту чертову каменюгу и со зла закопала на огороде в том самом месте, где он клялся мне вырыть пруд. Пусть теперь попохтит. А уж этим соседским Витьке и Митьке я еще покажу, как правильно писать буквы!

Легла было спать, да опять беда – разбудила. Ахти мне – и проснулся! И вскочил мой Ушанчик! (Приснилось, наверно, что-то.) Не давал мне спать до шести утра, а потом он опять уснул, ну, а я побежала доить корову. Слава Богу, что сегодня воскресенье, а то белья накопилось – на детский дом и еще одного беспризорника.

4 июня. Погода чудесная. Поют соловьи. Занималась в теплице огурцами, перцем и помидорами. Приходил папа. Прогнал меня отдыхать и все грядки прополол сам.

Ржи папу не понимает. Ржи говорит, что копать на огороде – это «чисто дамское дело». Но я-то хорошо знаю, почему он выражается столь галантно. Всею виной его картофелекопалка. Она же сажалка. Она же косилка. Она же комбайн для уборки полеглих хлебов. Она же болотоход для собирания клюквы. Потому что на воздушной подушке. (По мнению папы, такую газовую турбину впору ставить на истребитель вертикального взлета.) На мой огород этот аппарат залетает только через мой труп, а поэтому Ржи уже год не желает знать, в какой стороне от дома у него находится огород.

Спасибо и на этом.

В прошлом году лето было очень сырое, и Ушан подражался летать над мокрыми сенокосами и просушивать скошенное сено в валках. Доныне все наволоки по берегам реки Полюсны напоминают такыр, а чтобы расплатиться за лес и 2-ую Восточную улицу, Ржи даже продал права на издание своего романа «Спасение автобусов», который начал писать незадолго до нашей свадьбы. Правда, я тоже ему помогла – продала даже бабушкин подарок на свадьбу, старинную швейную машинку. А какая хороша была вещь! На чугунной станине, с дубовым столом, с ножным приводом и подогревом для ног. Но последнее – это уже Ржи постарался, но пока не было подогрева, машинка работала исключительно. Проданная, она стояла в доме поэта Коровьебродского, обложена кирпичом и накрыта мраморной полкой – единственный во всем Селенске камин, который не требовал дров. Зимой, говорят, младший сын Коровьебродского делал на моей швейной машинке шашлык. И хотя я бабушкину реликвию в прошлом месяце выкупила назад, шить на ней все равно уже больше нельзя: нитки постоянно перегорают. Ушан перетащил ее к себе в кабинет и сказал, что будет жечь рукописи.

11 июня. Снова с утра идет мелкий, нудный, липнувший к лицу дождь. Так в августе липнет к лицу летающая в воздухе паутина. Но то будет в августе. А сейчас в лесу сыро,

хвоя серебрится водой, с листьев капает непрерывно, но деревья еще хранят тепло жарких дней. Земляники я уже набралась: сварила и закатала шесть банок. А черники в этом году совершенный неурожай, ходишь от ягодки к ягодке, еле добрала бельевую корзину до верха. Все равно в бору было хорошо, надышалась воздухом так, что теперь аж тошнит...

Ржи лежит на диване и не говорит. Ну и хорошо. А вот не ест – это плохо. Как биолог я хорошо знаю, что Ржи – гетеротроф и не умеет синтезировать необходимые ему вещества из воздуха и воды. Пищу обязан он получать извне, в этом и заключается все его женатое существо. Правда, иногда я уверена, что Ржи вообще никакого не существо, а одна сплошная идея. Идея того, как нельзя, невозможно и вообще катастрофа. Однажды папа сказал: «Существование твоего мужа, хоть я его люблю, есть для нас вопрос выживания».

Уж скорее бы Ржи снова садился писать!

13 июня. Утром прошла большая гроза. Картошку побил градом, огород залило водой. Ветер достигал 13—15 м/сек, выпало приблизительно 8—9 мм осадков.

Ржи пришел с озера, на котором испытывал свою новую надувную подводную лодку. К счастью, все обошлось. Молния ударила в перископ, но, поскольку лодка резиновая, Ржи оказался жив и на девяносто процентов здоров. Остальные десять процентов унесло нервное потрясение.

5 августа. Кажется, нервное потрясение начинается у меня. Роман «Уезд» он сократил до повести и уже отдал в журнал. Еле дождалась, когда он уйдет, перерыла весь его кабинет, но нашла лишь вариант предисловия к роману. Но для меня это большая удача. Все свои предисловия он обычно уничтожает перед тем, как относить рукопись. И теперь понимаю почему. Неужели я у него не первая женщина?

6 августа. Все тихо.

11 августа. Все хорошо. Все спокойно.

12 августа. Дождь. Ржи начинает о чем-то думать и косится на меня взглядом.

13 августа. С утра было солнце. Ржи рассматривает меня внимательно. По спине моей бегают лесные рыжие муравьи.

14 августа. В обед было солнечное затмение. Вечером Ржи заявил, что он думает обо мне. На это я дико вздрогнула, выпрямилась и мгновенно отвела плечи назад.

Это нервное, условный рефлекс. Когда Ржи обо мне думал в последний раз, он думал, что я совершенно излишне сутуюсь, таская тяжелые сумки из магазина. Неделью он ходил и переживал, а потом как всегда гениально решил проблему. Он даже не поленился пойти получить патент, но в патент-

ном бюро потребовали клинических испытаний. Я долго сопротивлялась, хотя и сказала, что его идея меня восхищает. Его гениальный способ избавления от сутулости заключался в приклеивании к внутренней стороне замочка бюстгальтера простой канцелярской кнопки.

Я продержалась два с половиной дня. Коэффициент моей стройности в эти дни доходил до 140 процентов. Пообещав, что такой и останусь, я умолила его прекратить испытания, а про себя поклялась, что больше никогда в жизни не брошу в лицо Ушану эту обидную для него фразу: «Ты никогда обо мне не думаешь!»

15 августа. Снова солнце. Все только и говорят, что о вчерашнем солнечном затмении. Ржи продолжает смотреть на меня внимательно, я вижу: ходит – переживает. Сердце мое бьется с перерывами, в теле – слабость. Да, я знаю, что живот уже округляется, и мне страшно, что Ржи озабочился этим фактом. Но я знаю, что скажу судьям. Граждане судьи! Посмотрите на меня сами. Вы же видите, в каком я нахожусь положении. Разведите нас хотя бы на эти пять месяцев.

И они разведут.

#10

Предисловие к роману «Уезд»

Дорогие читатели!

Автор писал предисловия ко всем своим книгам, но в последний момент всегда отказываюсь от них. Это стало чем-то вроде традиции. Не будет ничего удивительного, если данное предисловие вновь окажется не предназначенным никому. Однако это не значит, что я пишу его для себя, продолжая своего рода дневник, как делают некоторые писатели, когда еще не уверены, что пришло время публиковать настоящие мемуары. И, конечно же, это не такого рода дневник, автором которого считается легендарный Зык Бухов, недавно едва ли не официально объявленный новым Гесиодом.

Нет, я пишу настоящие предисловия, сам себя утешая тем, что если они не предназначены никому, то, возможно, и адресованы Никому. Впрочем, вы, дорогие читатели, сами знаете этого никому.

Он тот, к кому вы приходите с исповедью своего сердца, когда сами прекрасно видите, что выстрадавшая вами исповедь, в сущности, никому не нужна.

Он тот, кому верят, когда говорят, что уже никому не верят.

Он тот, кому доверяют тайну, когда говорят, что уже никому не могут довериться.

Наконец, он тот, тот единственный, который всегда может

оставаться — хотя он может навсегда и остаться единственным! — зато самым верным вашим читателем.

Здесь нет никакой позы, но задумайтесь, не потому ли так происходит, что этот ваш Никому всегда стоит в только да-тельном падеже, тогда как меж ним и писателем (этот тип расположился, конечно, в творительном) и находится тот самый главный падеж, как нельзя более подходящий для исповеди?

В этом романе я не собираюсь утомлять вас описаниями того, как человечество, когда-то улетевшее с нашей планеты, начинает возвращаться на Землю. Но как исторический фантаст, я вынужден лишний раз оговориться, что описываемый здесь мир вымышлен от начала до конца, и любые совпадениями с реалиями нашего бытия могут быть только и исключительно случайными.

Иных говорок у меня нет. Эта история из моей юности.

#11

Уезд

(главы из романа)

Обещанный по уездному радио скандинавский циклон сломал погоду за одну ночь, и к утру неожиданная оттепель размягчила, изъела крепкий мартовский наст, по которому прежде они ступали, как по второй земле, а сейчас на редком шагу не проваливались до мха, до хрусткой лесной подстилки, отчего натертые сквозь штаны колени уже горели огнем.

Но хуже всего приходилось тогда, когда они, потные, взмокшие до мыльной слизи на шее добирались, наконец, до очередной елки и подводили под комель бензопилу. С первой же дрожью, пронесшейся вверх по стволу, трогался вниз еще один снег, тот, что всю зиму лежал на еловых лапах, но теперь отсырел, оторочился по краям стекловидной медузой мокростью и падал вниз с убийственной тяжестью.

– Погоди, Климов, не спеши, дай перекурнём. – Один из мужиков вогнал топор в ствол, ель глухо гукнула, и все трое втянули головы. Но Климов сам не спешил. Он пока лишь прикидывал, куда клонит ствол и ляжет ли елка как надо – верхушкой на вырубку, где урчал трелевочный трактор.

Замшелая, толстая, в комле разлапистая, но выше ровная, как колонна, ель, однажды откликнувшись на топор, еще долго трясла своим серым, по-старушечьи ветхим исподним.

Тонкая пыль и ничтожные шелушинки коры медленно плыли вниз, обтекая нижние засохшие ветки и оседая на бровях-усах Климова. Голова у того была крупная, круглая, как чугунный печной горшок, и к нему, словно на смех, прилеплены три одинаковых войлочных козырька: два над глазами, и один под носом.

Климов снял шапку и, вывернув ее наизнанку, вытер о подкладку лоб и глаза. Потом огладил рукою влажные волосы на макушке.

– Погодка, ешь ее с салом. Взопрели, парни, не надо бани.

И будто в бане, он одними ноздрями пощупал воздух. Крылья носа его заколыхались, как жабры, впуская малую толику атмосферы, придерживая и быстро выталкивая обратно. Неожиданно брови его слегка поднялись, потом сдвинулись, а войлочные усы, верхом на губе, озадаченно подпрыгнули вверх, совсем затыкая нос. Климов понюхал и сквозь усы. На лице его, не избывшем еще черноту летнего загара, появилась даже не бледность, а так – будто снежная небольшая поземка пронеслась мимолетно по влажной весенней пахоте.

– Никак сушит чего-то, а? – наконец, проговорил он. – Морозит никак? – И заоглядывался вокруг. – Ты это, Пашка, больно-то не раскуривай...

– Кой хрен морозить! – откликнулся названный Пашкой молодой чернявый мужик в масляно блестящей фуфайке, от которой и пахло трактором. – Морозить! Сказанешь, то-

же, Климов. Откуда?

– Оттуда, – ответил Климов и полез в карман за стартером.

– Именно что оттуда, – тракторист Пашка нарочито медленно дососал сигарету, выдернул из елки топор, перекинул его через согнутый локоть, как салфетку официант, и, перегнувшись на сторону, смачно высморкался на снег. – Морозить! Мозгло, это я еще понимаю. Давай, Валёк, тащи кол.

Умственно заторможенный, сын Климова, Валька, несколько раз моргнул маленькими рудиментарными глазками, похожими на две липкие изюминки, не до конца вылезшие из пасхального кулича, и подтащил к себе трехметровый сосновый кол с наконечником из обломанных вил. Он поднял его, как копье, и воткнул в ствол, на высоте двух человеческих ростов, с силой уперев себе в грудь.

– погоди, Валентин, не траться, – прокричал Климов, приняв работающую пилу на живот и примериваясь к стволу деловито журчащей цепью. – Может, дура, сама пойдет.

Пила заревела, сдернула со ствола кору и, отплевываясь опилками, легко вошла в древесину, сменяя звенящий вой на сытое тупое урчание. В несколько широких плавных движения Климов выпилил из дерева клинообразный кусок и выбил его ногой. Потом перешел на другую сторону и снова дал газ.

– Высоко берешь, высоко, ниже же надо, – прокричал ему на ухо Пашка. – Хрен мы ее толкнем!

Климов мотнул подбородком, отвяжись, мол, коли не по-

нимаешь, и все глубже запиливал дерево, то и дело поглядывая вверх, ловя лицом пыль и следя за верхушкой дерева. Пашка выругался и подбежал к Вальке. Вдвоем они навалились на шест, толкая елку в сторону вырубки.

Опилки веером устилали снег, сизый дым висел в воздухе, пил уже не ревела, а стонала задушенно, рывками подергивая цепь. С первым треском разорвавшихся древесных волокон ель вздрогнула, покачнулась.

– Пошла! Пошла! – заорали Пашка и Валька, буксуя ногами в снегу и толкая изо всех сил. И ель пошла, но на них. Они еще с секунду поупирались и прыгнули в стороны. Ель медленно повела верхушкой, покряхтела и вдруг замерла. Цепь заклинило. Климов дергал пилу, поддавал газу, еще не желая признать неудачу и надеясь скорее на чудо – чтобы высвободить зажатое полотно.

– Да глуши, глуши, – махал скинутой с руки рукавицей Пашка. – Все одно, приехали! Говорил я тебе!

Климов упорно мотал подбородком, бросал гневные взгляды, ты, того, не жужжи, и по-прежнему подкидывал газу, не давая пиле заглохнуть.

Пашка тем временем отогнал растерявшегося Вальку подальше, но и сам близко не подступал.

– Подрубать теперь надо, – досадливо покрикивал он. – Я ж тебе говорил, нижее же надо! Каково ты лешего с пупа-то начал пилить! Совсем ты охренел, Климов! Ну, чего сейчас с ней, до темна кувыркаться?

Климов заглушил пилу.

Ругался он крепко, однако не забывал и о существа дела, так что всего через пять минут для стороннего наблюдателя ситуация с елкой и ее комлем обрисовалась ясно, как день.

Сторонний наблюдатель ничем не выдавал своего присутствия. Он стоял по другую сторону вырубki, прикрываясь сосной и кустом можжевельника. С виду он походил на большого черного космонавта. Виной тому был скафандр, очень мягкий, весь во множестве складок, будто на человека натянули шкуру шарпея. Морщинистым выглядел даже гермошлем — как выставленный наружу, непомерно раздутый мозг. Сегментированным был ранец за спиной. Черный космонавт стоял неподвижно и настолько не шевелясь, что его гермошлем уже освоила бойкая синичка. Она прыгала по черной поверхности и внимательно изучала мелкий древесный сор, уже успевший скопиться в извилинах. Косила то левым, то правым глазом, что-то склевывала, выклевывала и тут же упархивала. Но потом опять возвращалась, словно привороженная. Наконец, ее заинтересовало стекло гермошлема, настолько ровное, гладкое и не отражающее свет, что, казалось, внутри головы находилась одна черная пустота. В какой-то момент синичка решила, что это дупло, и попробовала туда залететь, но только стукнулась грудкой, цокнула по стеклу клювиком и лишь напрасно пообметала крыльшками невидимую преграду.

После этого человек переступил с ноги на ногу и весь как

будто поежился.

Было отчего.

Наблюдая из-за куста, человек не мог не заметить, каким странным образом ругань Климова начинала действовать на его товарищей. Валька начал притопывать и подпрыгивать, Пашка застегнул на все пуговицы фуфайку и стал надевать рукавицы, теперь уже смерзшиеся и похожие на неразгибаемые боксерские перчатки.

Под конец речи изо рта Климова повалил густой пар, а усы и брови заметно окуржавило инеем. Он запнулся на полуслове, отер ладонью лицо и растерянно оглянулся вокруг – лес индевел.

Лес индевел, а воздух словно загустевал. Прошли всего считанные минуты, а уже заметно похолодало.

Еще все молчали, и тут бы, наверное, на месте замерзли, если бы Климов не спохватился и не нашел самое срочное, по его разумению, дело. Схватил топор и стал подрубать.

Зажатая в стволе бензопила знобко подрагивала на каждый удар. Климов вонзал топор с широкого бокового замаха, с хрустом отколупывал щепку и снова спешил загнать лезвие в древесину. Удар – хруст, удар – хруст. Чем сильнее морозило, тем все звонче раздавались удары и болезненней хрустела щепка. Тем чаще и мельче становились движения Климова.

В растерянности, не понимая, отчего так бешено холодно, Пашка и Валька, оба втягивали головы в плечи и уже даже

не пытались посмотреть вверх. Климов их к елке не подпускал, не давал себя даже подменить, однако сам быстро выдохся. Пятясь спиной, отошел от дерева, развернулся. С усов его несколькими моржовыми клыками свисали тяжелые сосульки, брови покрылись толстой ледяной коркой.

Только тут всем троим стало окончательно ясно, что с погодой что-то не то. Вокруг стояла вселенская тишина, в которой с каким-то далеким скребущим призывком раздавался шум трактора – будто жук царапался в коробке. Холод был неслышим, но зрим: откуда-то из глубины леса напелзал колючий белый туман. Хвоя куржавилась на глазах, изморозь змейками ползла по стволам, снег под ногами хрустел, скрежетал и впивался в подошвы валенок.

Климов еще пыхал теплом, но Пашка и Валька окоченели настолько, что еле могли шевельнуться: потная сырая одежда превратилась в хитиновый рачий панцирь.

Непонимающе, тугодумно, они так бы и смотрели друг на друга, не в силах что-то сказать, как вдруг меж деревьев пронесся треск. В глубине леса лопались от мороза деревья. Оттуда напелзала густая белая мгла, без остатка растворяя в себе все линии, формы и силуэты. Еще одно дерево лопнуло совсем рядом. От этой ли звуковой волны, от тяжести ли насевшего льда, только елка внезапно очнулась, зашевелилась, потом отчаянно треснула и начала падать. Медленно развернулась вокруг оси, прыгнула с пня на землю, и, продолжая вращение, зашумела по хвое соседних деревьев. На-

конец, с глухим стуком и треском сучьев улеглась наземь.

Столь большое движение всколыхнуло туман, снег взвилось, как вскипевшее молоко, и лишь темная полоса обнажившейся хвои еще пару мгновений давала ориентир, отталкиваясь от которого следовало бежать.

На вырубке также стоял туман, и трактора не было видно совсем, зато он был слышен.

Пашка первым увидел темнеющее пятно и, не чуя под собой отможенных ног, на немых, бесчувственных оковах доковылял до кабины. Поднял вверх свою неживую руку, дотягиваясь до дверцы. Замер он всего на секунду, чтобы только собраться с силами и взобраться на гусеницу. Так и замерз.

Климов толкал сына перед собой, но Валька где-то обронил рукавицы и, не зная, куда надевались по локоть обе руки, побрел в сторону. Сын и отец напоролись на кучу обрубленных сучьев и, выбираясь из них, превратились в памятник двум бойцам: один поддерживал падающего другого.

Лес грохотал. Канонада лопающихся от мороза деревьев добралась и до кучи заготовленных бревен. Бревна взрывались, как складированные ракеты, и вся куча дрожала и прыгала, словно живая.

Трактор работал, покуда не загустела в баке солярка. Остановившийся двигатель замерз в два коротких мгновения, и лед разорвал его в третье.

Тesia на завтрак любила мясо. Она доставала из кухонного пресервера парную свинину, отрезала пластинку толщиной в палец, бросала на горячую сковородку и, едва мясо выгибалось в блюдечко, клала в это блюдечко какой-нибудь готовый салат, чаще из молодого бамбука или же, как сегодня, горстку оливок. Вскрывала термобаночку кофе, выбулькивала горячую жидкость в чашку и, сунув в зубы свеженькую ржаную лепешку, возвращалась в кровать.

Включив телевизор и с удивлением обнаружив, что уже полдень, она методично прожевывала свой завтрак, допивала кофе до дна, а потом еще выгребала гущу мизинцем на самый край чашки и, придавливая верхней губой, высасывала остатки влаги. Дурная привычка, но ей нравилось. Наверное, потому что крупички кофе было так интересно вылавливать под губой и раскусывать резцами зубов. В этом умирала последняя сладость сна, и одновременно рождался слабый электрический ток, который заставлял быстро-быстро вставать, начинать двигаться и вообще что-то делать.

Долгая бестолковая суматоха заканчивалась только в прихожей, когда полностью одетая, она видела себя в зеркале. Но сегодня смотреть было не на что: в новостях по уездному телевидению сообщили о резком похолодании и даже вероятности Кельвинова столба. Она свела глаза к переноси-

це. Широкий искусственный соболь до самых пят, мужская шапка-ушанка, надвинутая по самые брови и шарф, закрывающий нос. Валенки Ходячий меховой чум. Что же, она готова выйти на улицу и такой. Тем сложнее кому-то докопаться до ее сути. Здесь она понимала, что себе льстит, ибо если ее диссертация по исторической прозе, отсылающей к реалиям последней четверти XX-го века и есть ее суть, то как женщина она давно бы поставила на себе крест. Римский крест. Еще одно Х. Распятие апостола Андрея.

Мысленно она увидела себя на кресте, в полный рост и во всей своей легкой полноте, в ужасе представляя, какой, наверное, по-рембрандтовски пышной может стать к сорока годам, и снова сдвинула глаза к переносице – верный знак того, что снова думает о мужчинах. Да-да, уважаемая Тесла Григорьевна, вы снова думаете о мужиках, упрекнула она себя, нахмурилась и заставила себя перестать думать.

Как филолог она имела полное право не любить современных писателей, тем более, пишущих историческую прозу. И – не любить писателей даже больше, чем сами их произведения. Но с темой диссертации у нее не было особого выбора. Либо средневековая Франция, Вийон, (к счастью, в том французском уезде она побывала еще школьницей и чуть не теряла сознание от запахов кухонных помоев, крови из мясницких дворов и рек нечистот, текущих по городским улицам), либо этот русский уезд, известный как «Два кило», или «Двадцать-ноль-ноль», или «Восемь ве-

чера». Увы, да. Ее психологически ее время. Слишком долго пробыла замужем.

Она еще не отходила от зеркала, вспоминая, что могла забыть сделать, но не вспомнила ни одной достаточно важной вещи, ради которой пришлось бы раздеваться, а потом одеваться по-новой – тут наверняка ей не хватит ни сил, ни терпения. Разве что не мешало погуще накраситься. Говорят, это может спасти от обморожения.

В ранней юности она каждый год подправляла лицо, но уже десять лет как остановилась на легком, графически прорисованном настойчивом подбородке и плотных, с обиженно-детским выворотом губах, прикрывающих средней крупности, чуть подсиненные и слегка фосфорентные зубы с продуманной щелкой между левым верхним клычком и соседним, слегка повернутым вбок резцом.

Нос, как позднее она убедилась, шел ей с легкой горбинкой, с чуть заметным надломом строго в точке золотого сечения. Крылья тонких ноздрей она слегка оттянула, сделала более угловато-трепетными (в каталоге эта модель называлась «Летучая мышь 3.2»).

Цвет глаз окончательно она выбрала уже после развода с мужем. «Малахитовый с прожелтью» или «молнии над Гондваной» считался несколько пошлым (говорили, что он больше идет проституткам), но Лясе этот цвет показался защитным. Что меняет, то защищает. Только лишь разрез глаз и широкий гладкий, немного стекающий к скулам лоб она

оставила от природы.

Грусть ей была к лицу, и она это знала.

Вспотела.

Тesia выплыла в коридор и захлопнула за собой дверь. Здесь, в длинном коридоре первого этажа молодежного семейного общежития, было еще не холодно. Заледенелые окна по концам коридора, оба, словно облитые сахарной глазурью, с лужами талой воды под ними, пропускали совсем мало дневного света – ровно столько, чтобы безопасно продвигнуться мимо детских колясок, шкафчиков и ларей, охранявших каждую комнату. Середину коридора прерывал вестибюль, тоже узкий. Он вел к большой двустворчатой и обитой войлоком двери, еще не уличной двери, потому что за ней находился небольшой тамбур, вечно темный, вечно с перегоревшей лампочкой, но всегда теплый, обогреваемый сразу двумя батареями. Ночью на этих батареях часто сидели влюбленные парочки и пугали входящих людей панической задержкой дыхания.

Заранее приготавлиаясь ко тьме, тараща перед собой глаза, она вдвинулась в тамбур и, делая короткие шажки, вытянула вперед руку, нащупывая наружную дверь. Вдруг в глаза ей ударил свет, и рука провалилась в пропасть. Тesia чуть не упала и разом разучилась дышать.

Зажмуренная, но все еще остро переживающая болезненную слезоточивость света, забывшая, как дышать ртом, а ноздри слиплись от холода, она так и стояла перед этим зи-

яющим прямоугольником света и пространства и, действительно, походила на меховой чум, но уже сносимый пургой. Это в тамбур влетала ватага детей. Кто-то ее узнал. Мальчик, протаранивший ей живот, проговорил из-под шапки «здрась».

Пришла в себя только на крыльце. Шуба оказалась на ней скрученной-перекрученной, уехавшей вбок, нижних пуговиц словно не хватало, и Теся тщетно запахивала полу, отбиваясь от холода, искусавшего ей колени. Шарф на ее лице растрепался и сполз. Когда она распрямилась, слезящиеся глаза уже смерзлись, и ресницы раздирались с мучительной болью; запечатанный нос по-прежнему отказывался дышать, а во рту дико ныл и отчетливо дергался, будто дергают его ледяными щипцами, замороженный зуб.

Шофер школьного автобуса, все это время дожидавшийся, когда за последним ребенком захлопнется дверь, дважды коротко нажал на сигнал и на краткое мгновение раскрыл дверцы. Звуков она не расслышала, зато сразу помчалась на белый клуб пара, выдохнутый из утробы автобуса. На бегу она вспомнила, про что все-таки забыла. Позвонить, чтобы кто-то прислал машину или заехал сам. Непредставимо, как бы она ждала обычного автобуса или решила на прогулку через сосновый бор.

Теся пробралась в самое теплое место салона, прямо за кабинку водителя, здесь было свободно, и старательно закутала себя в шубу. Дверцы еще несколько раз открывались, вы-

пуская по несколько ребятишек, автобус уютно покачивался и еще уютней мурлыкал на светофорах, потому что никто не выходил и впускал вместо себя холод.

Она не сразу заметила, что они стоят слишком долго. Сквозь продушанный детским ртом, процапаранный ноготком слюдяной глазок на стекле она с удивленьем разглядела здание уездной администрации, обычно стоящее через дорогу от школы, и только тут догадалась, что автобус давно проделал положенный ему круг и теперь, пустой и закрытый, дожидается школьников старших классов. Теся встала, стряхнула с себя насыпавшуюся с потолка изморозь и постучалась в кабинку водителя. Двигатель машины работал, пол под ногами ощутимо подрагивал, на приборной доске в кабине мигал круглый красненький огонек, но в кабине никого не было. Теся стукнула еще раз, уже посильней, но водитель от этого не материализовался.

Еще дома, готовясь к командировке в уезд, она слышала, что ее ждут суровые испытания. Но те покуда не начинались. «Начались», – вздохнула она, но все же побегала по салону, поколотилась в двери. Потом снова на села свое место, уже остывшее, неприятное. Там она догадалась, что водитель ее просто не заметил. И заодно признала тот факт, что теперь она точно опоздала. Дома это было неочевидно. Дома она лишь вздыхала: «Ну, опять, наверное, приду к самому концу».

Выпущенная наконец из автобуса, Теся рванула через

площадь, не чувствуя под собой ног. И в самом деле, она почти их не чувствовала, а поэтому даже рвануть, в прямом смысле слова, не могла – семенила, как старушка в гололед.

– Тесла Григорьевна? – внезапно ее обхватили за пояс и поволокли. – Вы прочитали мой новый роман? Как вам концовка? Может, следует переделать? Ну, правильно. Я сам чувствовал. И еще надо изменить зачин. Сразу объяснить, почему Ленин и Керенский родились в одном городе, а Пугачев и Разин в одном селе. А протопоп Аввакум и патриарх Никон в соседних деревнях. Тогда яснее, почему два наших героя раскололи мир на уезды и космополии...

Человек, это говоривший, был невероятно огромен. Тесе показалось, что ее зацепил пролетающий паровоз и нечаянно потащил за собой. Распуская вокруг себя белый пар, человек-паровоз вставлял в этот пар слова, постоянно увеличивая и количество пара, и количество слов. Словно это общая беда паровозов, не имеющих иного способа подтвердить свою силу. Противодействовать этой силе Теся не могла и вскоре очутилась в совершенном тепле.

На втором этаже здания администрации комбыгхатора в комнате заседаний стоял длинный совещательный стол, половина которого была заставлена блюдами и подносами с бутербродами, а также тонкостенными чайными чашками с водкой и водкой еще в бутылках. На другой половине стола горой лежали пальто и шубы. Вокруг было дымно и говорливо. Официальная часть заседания литературной гостиной

уже завершилась, и все уже согревались.

В первые секунды Теся ощутила невероятный простор: человек-паровоз покинул ближнюю зону, но тут же ее начали согревать. И делали это столь усердно, что с чашкой водки и бутербродом она оказалась прижатой к стене. Там она делала вид, что слегка отпивает, но кто-то нечаянно толкнул ее под руку, она захлебнулась и выпила в самом деле.

Потом она сидела с кем-то столом, и кто-то дышал ей в ухо ровным бархатным баритоном, рассказывая что-то воинственно смешное. Но ей нравилось, что на нее обращают внимания, и она больше не удивлялась, откуда в руках появляется полная чашка. Ей нравилось также держать эту чашку в руках и смотреть на людей через ее ручку, тонкую грациозную и похожую на девичье ушко с крепенькой острой мочкой.

Из присутствующих Теся знала довольно многих, но те, с кем хотелось бы пообщаться, оказались либо разобраны литературными дамами, либо заняты новым мужским разговором – о пробоях земной атмосферы и о том Кельвином столбе, который заморозил Гибралтарский пролив, превратив Средиземное море в озеро. Лясе тоже хотелось послушать этот разговор, но ее внезапно атаковал бородатый человек с трубкой. Он был пьян и так размахивал трубкой, что из нее вылетали пожароопасные искры. Теся извинилась, что ей надо выйти, он увязался за ней в коридор и так сильно стукнулся лбом о дверь, что латунная буква Ж отпечаталась

на его лбу буквой К.

Выйдя из туалета, Теся снова попала в засаду. Сначала ей показалось, что ее перепутали с другой дамой сердца, но быстро поняла, что сердце подразумевалось ее. Это был писатель Скуратов, сердечных дел мастер, как он сам себя аттестовал, или «Малюет Скуратов». Такое у него было прозвище, потому что он сам иллюстрировал все свои кроваво-правдивые историко-романтические романы. Один из таких романов Теся недавно поставила в план журнальной критики, и уже одно это Скуратов воспринимал как победу над своими завистниками. «В каждой *победе* на две трети *беды*», предупреждали его завистники. «Зато наполовину *еды*», отвечал он и высчитывал свои гонорары. Сейчас Скуратов изображал, что он сильно в Тесю влюблен, что, впрочем, и само по себе было сильно. Теся на это только улыбнулась и бесцеремонно позволила себя увести двум другим писателям, тоже взыскующим общения.

– Нет, это мы создаем историю! – убеждал ее один, с лицом вечного знакомого. – Да, у них, археологов, есть предметы, есть древности, есть экспонаты. Но кому нужны эти кремь и кремь, если вам никто не опишет, как надо высекать искру? А кому нужна блоховка французской королевы, если вы даже не представляете, как с ее помощью можно ловить блох? Они ведь так быстро скачут, да? Да, а кстати, мы не встречались во Франции, я жил там в пятнадцатом веке, а вы туда приезжали с родителями из Малой Азии, нет?

Теся улыбнулась, разгадав их любимую детскую проверку на вшивость. Уж она-то прекрасно знала, что все блохоловки действуют по принципу липучки для мух.

Дольше всех обхаживал Тесю диссидент-публицист, от которого все прочие, особенно, литературные диссиденты старались держаться подальше. Подойдя к Лясе, политический диссидент разогнал конкурентов одним нехитрым приемом: «Правильно, правильно, вы говорите моими собственными словами», — начал говорить он, кивать головой и заглядывать в самые глаза собеседника.

Впрочем, Теся вначале не находила в нем ничего, что могло вызывать неприязнь. Мужчина был гладко выбрит, идеально подстрижен, он имел волшебной красоты ногти и при каждом новом подходе целовал Лясе руку. Ей даже хотелось понюхать след поцелуя, казалось, он пах одеколоном. Говорил диссидент чрезвычайно свободно и на любые темы. Первым делом он громко признался, что ненавидит все на свете уезды, потому что они отняли у него любимую жену.

— Тесичка, говорил я ей. Извините, Тесла Григорьевна, но ее тоже звали Теся. Тесичка, говорил я ей, ты же чистый гуманитарий. У тебя и так замечательное образование. И ты хочешь всю жизнь проторчать в этих идиотских уездах? Хочешь ходить в салопе, чепце и тысяче нижних юбок? Ты хочешь спать на соломе, тетешкать сопливых детей, готовить еду в горшках и между делом ублажать этих грубых мужланов в париках и сальных камзолах, что сперва обгрызут ба-

ранью лопатку и этой же жирной лапой облапают твою высокую грудь? Это безумие! Теся, Теся, опомнись! Говорил я ей.

– Знаете, я... – пыталась перебить его Теся. Ей не нравилось делить свое имя с какой-то диссидентской женой.

– Или ваше высочайшее извращение больше предпочитает пещеру с костром, или ваши тонкие пальчики невозможно истосковались по толстому костяному шилу и сшиванию оленьими жилами драных медвежьих шкур? Ну, конечно! Помнится, ты признавались, что качественное постельное белье – твое самое ранимое место.

– Вы простите меня...

– А она: ты не понимаешь! Да, конечно, я не понимаю. Я был во многих уездах. И в чисто музейных, этнографических, и в научно-исследовательских. Путешествовал, тратил деньги, хотя никогда не был любителем исторического туризма. Просто в наше время считалось, что нельзя считать свое образование законченным, если не совершил путешествия вглубь истории...

– Простите, я должна... – Теся попыталась повернуться спиной, но пропитанная одеколоном рука деликатно удержала ее за плечо.

– Глупости! Говорил я жене. Почему именно сюда? Если хочешь сбежать, то у нас в Тихоокеанской космополии тоже много замечательных мест. И, вы знаете, что ответила она? Что здесь не сбегали. Что они уже были тут. Их просто бросили. Им не платили зарплату, не завозили товаров,

самолеты к ним не летали, рельсы были разобраны, провода срезаны, а машины не ездили, потому что дороги провалились в болота. Заводы стояли, земля зарастала. Они были никому не нужны. И они откатились назад. Они кувырком прокатились назад через весь свой двадцатый век и дальше, и глубже. От компьютеров до гусиных перьев. От электричества – до лучины. От тракторов – до сохи. Они ездили на лошадях и плели лапти... Тесичка! Пытался я ее успокоить. Я это знаю. Семь уездов спорят за право называться родиной первого уезда. Все они откатывались назад и останавливались на том уровне, на котором хотели остановиться. Но это не настоящая история, Теслочка! Вы не в силах переиграть прошлое, чтобы изменить настоящее. Система космополий несокрушима. Но, впрочем, я первым готов громко заявить, что космополии – это зло. И гибель их будет ужасна. Ибо перст гнева Божьего уже посылает на Землю столбы вселенского холода. Ад вымораживает этот рай сверху. Это, кстати, не я говорю, а ваш батюшка Пимен. Вы не знакомы? И не советую. Очень богохульный ваш батюшка, хотя и прагматического ума человек. Ибо рай теперь будет там, где раньше был ад, там тепло, там ближе к центру Земли. Ад же теперь на небе, где раньше был рай. И там лютый холод. Никогда еще вера не претерпевала такой смены полюсов. Тесичка! Говорю я жене. И для тебя еще существует какая-то разница между уездом и космополией? И знаете, что она ответила? Нет, я, правда, очень удивился. Боже мой, говорю, что ты го-

воришь, Теся!..

Теся ничего не говорила. Она изучала содержимое пустой чашки и нашла на дне только каплю. Наклонив чашку и выгнав каплю на бортик, она накрыла ее своей верхней губой и потянула воздух в себя.

Диссидент на миг отошел и быстро вернулся.

– Нет-нет, я больше не пью, – быстро проговорила она, наблюдая, как в чашку вливается чистая прозрачная жидкость. – А ваша жена... она здесь, в уезде?

– Ах, жена?.. – диссидент поднял чашку и галантно чокнулся с Тесей.

Потом он еще что-то говорил, а она уже чувствовала вокруг себя приятную легкую пустоту. Пустоту от себя, пустоту от людей, включая и самого диссидента, который тут был, но словно не вытеснял телом воздух и состоял из слов, как запахи состоят из невидимых глазу молекул.

Торчащие из-под мшистого снега замороженные сучки и ветки хрустели под рифленой подошвой, словно пережженные кости. В мертвой космической тишине это был единственный звук. Туман постепенно рассеивался. Мир был бел. Ничего кроме белого, ни одной другой темной краски, кроме человека в мягком черном скафандре.

На минуту он остановился посреди вырубki и посмотрел

вверх. В небе все шире открывалось большое круглое окно, еще недавно чистое и прозрачное, будто глаз тайфуна, полное синей мглы, но теперь начинающее темнеть, и чем больше оно темнело, тем более походило на человеческий зрак, и ресницами вокруг него казались тянущиеся к земле пряди сгустившихся и падающих вниз облаков...

Человек подошел к скульптуре из двух застывших людей. Осмотрел, примерился и осторожным движением удалил наслоения мохнатого инея с ягодиц Климова, но не очень удачно – нижний край фуфайки отломился и отлетел прочь, а штаны, словно пепел, сшелушились в том месте, где между ними и кожей был воздух.

Заведя левую руку за спину, человек надавил на ранец, и в рукавицу ему упал инструмент, нечто среднее между большим шприцем и небольшой дрелью, с иглой-сверлом. Сверло завизжало, легко вонзилось в мерзлое мясо и что-то выдавило вовнутрь. Потом опять завертелось, выходя наружу. Следом из канальца выпрыгнула бойкая сверхтекущая капелька и ртутно скакнула в снег. С Валькой человек поступил точно также, но высверлил не ягодицу, а бедро.

Пашка, в отличие от отца и сына, представлял собой одинокую статую. В белой кристаллической шкуре, закрывавшей и лицо тоже, он стоял возле трактора совершенно свободно, касаясь поднятой вверх рукой дверцы трактора. Позиция была удобная. Человек небольшим ударом попробовал было стряхнуть сзади иней, но Пашка вдруг качнулся

вперед, и подошвы валенок треснули, обнажая серую скорлупу холщовых портянок. Под ними показались круглые белые, как очищенное яйцо, пятки.

Человек немного замешкался. Он побоялся сразу делать сверлящий укол. Пашка держался плохо, на мысках ног и вытянутой руке, и мог в любой момент завалиться. Пришлось обойти эту статую спереди, чтобы поставить ее на место, но тут она совсем отделилась от своих точек и тяжело, мраморно, повалилась набок, задирая в небо прямую руку. Человек постарался отодвинуть Пашку от трактора, а потом перехватить в талии, чтобы не обломать торчащую руку и не повредить пальцы ног, из тех, что еще не отделились. Наконец ему удалось уложить статую на землю, и он начал доставать дрель, но уронил ее в снег.

И тут сразу все не заладилось. Шприц-дрель сначала отказывалась работать, потом не могла набрать оборотов, сверло входило с трудом, его приходилось слегка вытаскивать, давать ему раскрутиться, и вновь нажимать и снова вытаскивать. Тем временем холод на вырубке нарастал. Движения человека становились все более скованные и менее точными, скафандр ощутимо пружинил, черная ткань скрипела. Человек все чаще задира к небу голову. То на глазах превращалось в бездонный черный колодец.

На счастье, в какой-то момент дрель заработала хорошо, даже очень, слышалось сырое шипение, и работа была закончена. Пар, на секунду поднявшийся от Пашкиной ягодки-

цы, сбился в плотное облачко, которое тут же прицепилось к скафандру. Облачко уплотнялось, сгущалось и съежилось, наконец, в снеговую пылинку.

Человек встал и, распрямляясь, почувствовал, что температура продолжает пикировать. Небо быстро утягивалось в воронку уходящей в бесконечность трубы.

Человек спешно пересек вырубку и начал уходить в лес. Он шел напролом, обходя лишь большие деревья и ломая подлесок. Хрупкие, как белые кораллы, кусты молодого ельника еще в воздухе рассыпались на мелкие части. Человек спешил в клубах мелкой, быстро падающей вниз снежной пыли, оставляя за собой сзади длинный черный тоннель, и уже приближался к той зоне, где холод был меньше и в воздухе снова висела относительная теплая туманная мгла. Зацепившись ногой за кочку, он упал на одно колено. Молодая высокая береза, за которую машинально он ухватился, от удара распалась на три неравные части, и самая верхняя, повиснув на мгновение в воздухе, отвесно скользнула вниз и ударила человека по голове.

Остряки в уезде шутили, что событиями здесь могут считаться две аналогии. Первая – потоп в музее. Это когда самим экспонатам приходится убирать воду и сушить помещение. Вторая – пожар в заповеднике, где звери и птицы сначала

ла вместе тушат пожар, а затем занимаются лесопосадками.

«Пожар в заповеднике» было написано на крупном мощном лице комбыгхатора, и это подтверждал клубящийся по комнате дым.

Если бы дым был существом мыслящим или имел начатки нервной системы, он субъективно должен был испытывать дискомфорт – от постоянного пребывания в четырех стенах с девяти до шести все пять будничных дней, с понедельника по пятницу. Но комбыгхатор считал эти дни рабочими, хотя под работой подразумевал только сосредоточенное раскуривание трубки, что он делал с периодичностью спящего и просыпающего вулкана. Дымовые выбросы каждый раз надолго зависали под потолком, будто наткнувшись на температурный клин атмосферы, но потом начинали остывать и расслаиваться. Сначала дым созерцал клочковатую пыль на шкафу, потом, спускаясь, садился на голову комбыгхатора, и она еще какое-то время выглядывала оттуда, как вершина горы из пелены облаков. На уровне стола дым снова оживал, потому что и человек был все-таки жив. По крайней мере, он дышал и этим обеспечивал минимальное движение воздуха в помещение.

Сейчас комбыгхатор дышал гневно и тяжело. Он был убит.

Еще ни один посетитель не имел совести нарушать послеобеденную работу его великого мозга. Еще один посетитель не смел стоять у него за спиной и смотреть через плечо.

С другой стороны, еще никакой посетитель не выдерживал в комнате великого человека более двух минут. Если не был снабжен автономным дыхательным аппаратом.

– Извините, – сказала Теся, когда прошло пять минут, а на столе по-прежнему лежало ее заявление о продлении рабочей визы. – Можно я тоже закурю?

Спина комбыгхатора по-прежнему выражала совершеннейшую убитость.

– Извините, – повторила Теся. – Тогда я покурю у дверей. Открою двери и буду дуть в коридор...

Через паузу на спине комбыгхатора шевельнулась лопатка.

Теся вышла из спины комбыгхатора, двинулась к дверям, но потом решительно развернулась, прошагала к окну, повернула обе ручки фрамуги и рванула створку на себя. Сверху посыпались куски поролона и ваты, бабочкой затрепетала на сквозняке белая клеенчатая лента, внутрь комнаты хлынуло лето – первое, уже теплое, но еще весеннее лето. В прогретом воздухе она безошибочно уловила легкий тон холода, идущий от земли, как оттенок духов другой женщины, которая опытней и мудрее. Дальний лес был прорисован по горизонту, словно выщипанная и подведенная бровь. На миг ей тоже захотелось почувствовать себя хозяйкой. Хозяйкой своей судьбы, своего дома, семьи. И захотелось найти какую-нибудь тряпку и начать немедленно отмывать эти вышедшие наружу из-под грязного весеннего снега поля, доро-

ги и улицы, крыши соседних зданий, даже серую хвою голубой ели, достающей макушкой до третьего этажа. А потом она задумалась, какой же это все-таки большой труд, и тогда ей захотелось стать ливнем, настоящим весенним ливнем, дождем, дождем-шваброй, дождем-щеткой, дождем-мочалкой, но снова подумала о том, что делать в доме уборку не самое любимое ее дело...

Тesia выдохнула и вытащила сигарету. Сощурившись, она несколько цинично посмотрела на всю эту уездную природу, потом медленно и расчетливо закурила. Ветер дул в комнату, и она выпускала дым в сторону, себе за плечо. Сзади слышалось то ли ворчание, то ли кряхтение, проба голосовых связок, на этом ничего не последовало. Обернувшись, Тesia увидела, что комбыгхатор занят величественной возней по набиванию трубки. Тогда она тоже занялась делом. Взяла из пачки каких-то сводок несколько листов и принялась сметать с подоконника пыль и сор. Чистые листы она раскладывала слоями, ветер их сдувал, они их ловила, удерживала на подоконнике то всеми растопыренными пальцами, то прижимала локтем и все равно устроила в комнате небольшую метель. На один, ей казалось, она и запрыгнула очень ловко, но лист все-таки выскользнул и торчал из-под нее белым краешком; она натянула юбку на колени.

К этому времени комбыгхатор уже освежил дымом горло и сподобился сказать «кхыу-кхе».

– Я согласна, – быстро ответила Тesia, выбрасывая сига-

рету в окно. — Если вы думаете, что я приехала к вам шпионить, не продлевайте. Знаете, может, в вашей школе не я хочу работать сама. Вы же не спросили меня, чего я хочу. Так что не стесняйтесь, высылайте хоть завтра. Я понимаю, у вас монополия на историю, на вашу дребаную живую историю, но если вы спросите меня, что я о вас думаю, я вам прямо отвечу: вы больше похожи на живые картинки. Детские живые картинки. Вам изнутри этого, может быть, не видно, но ведь вы, в самом деле, я уверяю вас, люди прошлого! Действительно, люди прошлого. Во всех смыслах. Да, вот такая я наглая шпионка!

Комбыгхатор пыхнул из рта дымом:

— Никто не человек прошлого, пока прошлое не закончилось, — хрипучим басистым голосом проговорил он, продержал рот открытым еще полсекунды и медленно его закрыл. Прошло около минуты. Теся боялась пошевелиться, чтобы не спугнуть удачу. И не ошиблась: комбыгхатор снова отрывал рот. Но открывал его очень медленно, словно опасался выпустить из себя несколько лишних чувств, и Теся, набравшись духу, решила ему подтолкнуть.

— Я просто хотела сказать, что есть вещи, — нежным вкрадчивым голосом проговорила она, — которые, может быть, вам трудно понять. Но я не хотела...

— Селедка, знаете, очень красивая рыба, — начал говорить комбыгхатор, выпуская из себя слова, такие же густые и клубящиеся, как дым. — Но это трудно понять. Все знают, что

она вкусная, но мало кто видел, какая она красивая. Очень красивая. Чешуя у нее крупная, с радужным отливом. Очень красивая. Но это знают немногие. Только те, которые ходили на рыболовных судах. Так и с уездами. Вы вот женщина, так и оставайтесь женщиной. И не считайте дискриминацией для себя по половому призраку, если вам куда-то или во что-то не удастся проникнуть.

Она склонила голову, разглядывая это чудо, которое посмело ей напомнить, что она женщина. Но чудо не собиралось замолкать и выпускало – явно в адрес Теси – слова, от которых першило в самом ее мозгу.

– Не собираюсь еще более задевать ваше самолюбие, кхыу-кхе, – прокашлялся комбыгхатор, – и говорить, что из вашего племени покуда не вышло ни одного великого философа или даже приличного шеф-повара. Не обижайтесь, что я вспомнил о женщинах. Я говорил вам не в принижение. Многим мужчинам тоже не приходилось добывать сельдь. А только чистить селедку. И они тоже не представляют, какая на ней когда-то была красивая чешуя.

На этом комбыгхатор прекратил свои мудрые речи и снова стал разжигать потухшую трубку. Тесья тоже достала сигареты, хотя курить не хотелось. Ей уже становилось зябко сидеть на подоконнике, ветер холодил спину, и она спрыгнула, встала перед окном, машинально достала сигарету и щелкнула зажигалкой, затянулась, задержав дым во рту, насупив брови и раздув щеки, а потом обернулась и коротко пфык-

нула дымом в сторону стола.

Глазом она успела зацепиться за свое заявление, выступавшее теперь из-под правой руки комбыгхатора, и увидела, как черная чернильная ручка начала размашисто дергаться взад-вперед. После этого рука отшвырнула лист от себя, а сквозняк его подхватил и понес к дверям.

Оттаявший, но не оживший весною лес продолжал терять хвою. Дождь из длинных сосновых и мелких еловых хвоинок шел день и ночь, не переставая, и, с усилением ветра, превращался в сухой непрерывно шуршащий ливень. Желтые иглы устилали и без того желтый мох, над которым топорщились желтые плауны и папоротники.

Днем сухолесье, казалось, вбирало в себя не только весь летний солнечный жар, но и цвет.

Ночью, при свете луны, на вырубке, обрубленные сучья белели как кладбище мамонтов.

Первый зеленый росток появился почти прямо под гусеницей трактора, с солнечной стороны. Это был одуванчик, чахлый, кривой, едва оторвавшийся земли, но однажды утром он распустился, зацвел.

– Ласковый, ишь ты, какой ласковый, – несколько раз на дню разговаривал с ним главный лесничий уездного лесхоза Терентий Рассказников, присаживаясь рядом на кор-

точки. — Ишь, ластится, ластится. Ишь какой. Шкодливый, шкодливый, — и своим гнутым пальцем он нежно поглаживал одуванчик снизу, трогая чашелистик, будто почесывал у щенка под подбородком.

Наигравшись, Рассказников начинал подниматься, но делал он это как-то уж очень странно, сразу отворачиваясь и уходя вбок винтом. Не потому что стеснялся из-за цветка — не хотелось смотреть на их лесхозовский трактор. Тот был уже доведен до нормальной кондиции всякой брошенной техники: гусеницы раскатаны по земле, двигатель наполовину разобран, приборная доска вырвана, стекла выбиты, сиденья исчезли совсем, а дверцы валялись за тридевять километров. Трактор даже пытались поджечь. Все это не столько уже возмущало, сколько озадачивало его: кто успел это сделать? когда успели? кому угораздило сюда заходить? Ягоды и грибы еще не пошли, а если бы и пошли, кому на здоровую голову придет мысль забираться в зону желтого мертвого сухостоя?

Место сразу признали гиблым. В ту страшную стужу, когда лесники не вернулись домой, лишь только один охотник, Тихон Косоголовый, родственник, шурин Климова, нашел в себе духу (и внутреннего тепла) сбегать до вырубki и обратно. Потом ждали потепления, и уже по разбитой весенней дороге протащили фуру-рефрижератор, куда заранее положили тонну сухого льда, накидали соломы да еще сколотили каркасы для поддержания замерзших людей. Климова,

Вальку и Пашку со всеми предосторожностями перенесли внутрь, укрепили, потом составили акт, закрыли и опечатали. Рефрижератор загнали на территорию уездной больницы, поставили возле морга и подключили к сети. Жена Климова, Зинаида, санитарка в той же больнице, насмерть встала против того, чтобы отдать тела в космополию: либо делайте что-то тут, либо дайте похоронить! Ждали прилета комиссии.

Но прилетевшая на вертолете комиссия в уездный центр даже не заглянула. Эксперты разбили лагерь на вырубке и в течение двух недель расставляли в лесу приборы, бурила, отбирали и паковали образцы грунта, растительных материалов, спорили меж собой, иногда шутили, но и спорили и шутили с какой легкой-то досадой. С досадой больших ученых, растрачивающих свое время и силы по пустякам. Весь их вид говорил: ну, подумаешь еще один Кельвинов столб!

Рассказников соглашался, что тоже не криогенная бомба, и старался не подпускать к экспертам своих лесников, обмеривавших пораженный холодом лес. Всю площадь еще предстояло сактировать, разбить на дровяные делянки и в этом же году начать сплошную санитарную рубку.

*В хвойных лесах предгорий,
Где никогда не бывает времени листопада,
Лось узнает о приходе осени*

Только по звуку своего собственного голоса.

Голос Игнатия Игнатьевича звучал хрипловато, но с тем сухим благозвучием, какое бывает только у старых сельских учителей, словесников и историков. Игнатий Игнатьевич прислушался к улетающим в воздух последним звукам стихотворения и на мгновение сам застыл как олень в гоне, ждущий треска кустов и шагнувшего на поляну самца-соперника. Но вокруг только слышались дальние переклики остальных грибников. Он вздохнул, ковырнул палкой коврик белого мха возле старого и давно пожелтевшего белогрибного среза и по-стариковски, скосился на свою спутницу, в белом платочке, синей ветровке, голубых джинсах и красных резиновых сапогах.

– Это чьи? – вежливо поинтересовалась Теся.

– Онакатоми Но Йошинобу. Я про себя его часто читаю. А вслух только раз в году, на выпускном вечере. Прочитал уже тридцать восемь раз...

Теся перекинула с руки на руку свою тяжелеющую, на треть заполненную грибами, корзинку и посмотрела на Игнатия Игнатьевича. Ей нравился этот длинный сухопарый старик.

Высокий, прямой и узкоголовый. Глаза серые, с черными точками дальнозоркости, постоянно устремлены вдаль и вверх. Из-за этого взгляд, казалось, всегда летел по баллистической траектории. Как две, на излете, пули. Взгляд учи-

теля, падающий через головы школяров, на последнюю парту.

– Посмотрите-ка вон туда! Теся Григорьевна? Видите?

– Нет. А там кто? – Теся пошарила взглядом по верхушкам деревьев.

– Нет, вон туда, – он показывал палкой перед собой. – Чуть правее сосенки. Идите прямо туда.

Теся сделала два шага по мху и остановилась. То место, на которое Игнатий Игнатьевич указывал палкой, было ровным счетом такое же, как и везде. Тот же белый, небольшими пенными купами, мох. Мох, слегка обсыпанный сухими сосновыми иглами, мох, по которому она поначалу боялась ходить, до того он был мягкий после утреннего дождя, похожий, если взять на ладонь, на пучок сросшихся кораллов, а если смотреть издалека – на первый воздушный снег, легкий, как бизе, если бы только не эта многолетняя паутина тропинок, протоптанных грибниками.

– Идите дальше, не стойте, – послышался голос Игнатия Игнатьевича. – Смотрите под ноги.

– Я... ничего не вижу.

– Еще шаг и смотрите внимательней. Стоп! Рядом с вашей правой ногой.

– Ой! – тонко вскрикнула Теся, увидев сильное вздутие мха, из которого бурой шляпкой выползал гриб. Она плюхнулась на колени, отвела мох, судорожно задергала нож, воткнутый в край корзины, потом медленно и старательно, вы-

сунув язычок, обкопала землю вокруг гриба своими грязными ноготками и обрезала его ножку по самую землю. Огладила быстро ладошкой и звучно поцеловала.

– Какой! Вы смотрите, какая шляпка – наполовину бурая, наполовину белая! Пегенький!.. Теперь он будет моим самым любимым!

– Посмотрите вокруг внимательней, Тесля Григорьевна. Там будут еще. Ощупайте мох.

Тесля вертелась вокруг себя на коленях, нажимала ладонью на мох, и вдруг нащупала твердость. Сдернула мох и застыла. Снова был белый. С той же пухлой, мясистой ножкой, но шляпкою совсем маленькой и совсем белой.

– Он совсем белый! – закричала она. – Он совсем настоящий белый! А я думала, отчего они белые, если все коричневые? А этот совсем чисто белый! Ма-аленьки-ий, – заворковала она и поглаживая грибок мизинцем, как новорожденного котенка. – Игнатий Игнатьевич, а, может, его оставить? Он совсем еще маленький и весь белый, а?

– Шляпка на воздухе все равно побуреет.

– Так что, его резать его, да?

– Ну, решайте.

– Я снова закрою мхом.

– Как хотите. Слишком маленьких я сам не беру.

– Да он и не слишком. Он даже большой. Нога толстая.

– Ну, тогда режьте.

– Жа-алко, ведь такой малипусенький, – Тесля заглянула

в корзину и посмотрела на предыдущий, только что целованный гриб. Шмыгнула носом. Игнатий Игнатьевич стоял уже за спиной. Она осторожно прикрыла мхом этот белый, белый, набросала сверху сухих сосновых иголок, встала с колен и опять, но теперь уже с высоты роста, глянула в свою корзину. Нет, этот пегий, с прожилочками на шляпке от сосновых хвоинок, он был, осень красив, но ей уже не хотелось целовать снова. Она шмыгнула носом и опять посмотрела туда, где прикрыла грибок.

Все еще держа в руках нож, все еще чувствуя жалость – и к себе даже больше, чем к оставленному грибу, совсем вся расстроившись, она обернулась за помощью к Игнатию Игнатьевичу, как два черных зрачка уперлись ей в лоб.

– Зачем вы приехали?

– Я не при... – машинально проговорила она, а во рту отчего-то стало шершаво и сухо. – Простите, – кашлянула она, отведя глаза в сторону.

Игнатий Игнатьевич тоже отвел глаза и кончиком палки пощупал под ногой мох. Теся спустила из груди воздух, но неожиданно поперхнулась, закашлялась и, кашляя, ничего не могла поделать с трясущимися руками, в которых лихорадочно прыгал нож.

– Извините, Тесла Григорьевна. Это вы простите меня. Но все-таки будет лучше, если мы внесем некоторую ясность в наши отношения. Нет, я вас не тороплю. Но поговорить надо. Вы согласны?

Тesia чуть не кивнула и внутренне даже кивнула, но спохватилась, взяла себя в руки, и все-таки пару секунд прислушивалась к своей голове: кивнула та или нет. Этих секунд замешательства ее спутнику хватило вполне.

– Ну и прекрасно. Давайте тогда отметим наше первое взаимное понимание. Пообедаем, я хотел сказать. Уже время.

– Нет-нет, я не буду, я не хочу, – испуганно замотала головой Тesia, отступила назад и почувствовала под ногой хруст. Она обернулась и сдвинула сапогом лоскут мха, под ним оголилась земля – очень твердая, гладкая, черная и осклизлая. Белый раздавленный гриб-малютка лежал теперь на боку. Как ребенок, выпавший из коляски на что-то невыразимо мертвое. На чужую, покрытую гудроном планету.

Они еще походили, молча, в отдалении друг от друга. Потом Игнатий Игнатьевич. Она безрадостно подошла, думая, что гриб, но он уже достал из кармана широкую полиэтиленовую пленку, встряхнул и расстелил на земле. Сам сел на краешек пленки и заставил Лясю сесть на другой. Затем достал из другого кармана газетный сверток и развернул: два куска хлеба, пересыпанных солью, яйцо, огурец. Огурец он разрезал вдоль, яйцо так же. Положил половинки того и другого на два куса хлеба и протянул один Тесе.

– Угощайтесь!

Она отнекивалась и уверила, что есть совершенно не хочет. Но попила бы воды.

– Ну, тогда огурец. Он будет вместо питья.

Она взяла свою половинку. Держала ее на кончиках пальцев, как зеленую лодочку, на которой хотелось уплыть, даже не домой, а куда-нибудь, где ее не знают, потому что она ничего не сделала, чтобы ее узнали.

Осторожно вернула свой огурец обратно на хлеб.

– Нет, в действительности... Спасибо. Я не хочу.

– Ну что же, была бы честь предложена. Я закурю, если не возражаете?

Тesia полноценно кивнула. Игнатий Игнатьевич стряхнул с колен крошки и достал из портсигара самодельную папиросу.

– В космополях, слышал, ваши давно не курят, – с нарочито незавершенною интонацией сказал он, вытряхивая из гильзы лишние табачные крошки.

– Я курю, – тихо сказала Тesia. А потом, помолчав и чувствуя, что краснеет: – Я хотела...

– Не предлагаю, – сухо сказал Игнатий Игнатьевич. И, прикусив папиросу меж крупных желтых зубов, достал из кармана спички и прикурил.

Он курил и молчал. Тesia молчала ему в ответ. В то утро она даже не вспомнила, что забыла взять сигареты. С тех пор, как разрешили работать в школе, она старалась курить только дома, одна, и это не казалась ей интересным. Интересно ей хватало в другом. Вот хотя бы поехать всем школьным автобусом по грибы.

Вверху понемногу светлело, облака поднимались и разрывались, бор протяжно шумел, сосны тихо качались, внизу пробежал ветерок. Теся невольно ловила его лицом, пыталась подставить то лоб, то щеку, то подбородок, как внезапное солнце плеснулось сверху в глаза и залило весь бор. Будто в кружку вливалось пиво. Солнце и хмелило, как пиво. Все: и белая пышность мха, и литые, коричневые и ровные, как церковные свечи, сосны, и зеленые клубы хвои над головой, и сам свет, и лежащие на земле тени... – все это словно всплывало и плыло куда-то в небо...

Игнатий Игнатьевич давно что-то говорил. Она слушала и не слышала.

– И только потом я понял Пабло Неруду, его слова: «Кто не видел чилийского леса, тот не знает нашу планету». Для меня же чилийский лес – это наш бор. И я бы еще немного поправил Неруду: «... тот не знает нашего бога». В детстве я серьезно считал, что лес – это бог. А бог – это лес. Я вот так же ходил по грибы и вот так же, как вы сейчас, целовал каждый гриб, а когда забывал какой-то поцеловать, доставал его из корзины назад, чтобы все же поцеловать, иногда даже лишний раз, потому что боялся какой-нибудь гриб пропустить. Так я благодарил бога. Мама всегда мне клала в корзину хлеб, но я весь его не съедал, а кусочек прятал под мох. Для бога. Я делал так постоянно. Вы думаете, смешно?

– Наверное, нет.

– Наверное. Хотя и язычество. Впрочем, если позволите.

Кряхтя, он встал на колени, отделил от земли коврик мха, подождал, пока Тесья положит туда кусок черного присоленного хлеба, половинку яйца, огурца, а затем опустил мох на место и поднялся с колен.

— Я знаю, у вас уезды часто развиваются на основе брошенных съемочных площадок. Кино сняли, а разбирать и утилизировать декорации дорого. Вот и получаете средневековую Англию или Дикий Запад. У нас здесь не так. Здесь вы не найдете никого вроде наших староверов-бегунов или американских амишей-меннонитов. Если вы приехали заниматься литературой, занимайтесь. Историей? Пожалуйста. Я и сам хотел изучать историю и литературу. Но пришлось преподавать физику. И мне все более очевидно, что вас тоже больше интересует физическая сторона жизни нашего уезда. Так бывает. Да. Но не стоит слишком сильно пытаться жить с нами одной жизнью. К хорошему это обычно не приводит.

Все это он проговорил, глядя ей в прямо глаза, но потом, словно не желая показаться чересчур строгим, сухо улыбнулся:

— Впрочем, извините. Будьте, как дома. Может, я ошибаюсь. Не знаю. Вы для меня загадка. Но и весь уезд тоже тьма.

Он вздохнул, отвернулся, подхватил на локоть корзину и пошел, направляясь на поиски грибов дальше. Он и дальше продолжал что-то говорить, но само начало этого продолжения она совершенно прослушала, потому что еще долго стояла на одном месте, сведя брови к переносице. Потом все-

таки очнулась и посеменила за стариком. Нагнала, пошла сбоку и стала прислушиваться. Он вовремя обернулся и резко перегородил ей палкой дорогу, иначе бы она споткнулась о совершенно огромный гриб, со шляпкой размером в половину кожаного футбольного мяча.

– Не спните. – предупредил он. – Хотя он перестоявший. Но все равно оставьте на развод. Кстати, вы никогда не задумывались, сколько энергии выперло словно ниоткуда? Вот и наши предки без конца удивлялись, откуда всё вырастает? Так быстро и без всяких корней. Тут снова задумаешь о божестве, когда что-то появляется из ничего. Сейчас мы, конечно, знаем, но вы все же попробуйте представить, какая энергия скрыта у нас под ногами! Сколько сотен и тысяч тонн должен весить весь этот мицелий, вся эта невидимая глазу грибница, чтобы вот так, всего за несколько недель, выбросить на поверхность земли сразу несколько тонн этих белых грибов. И только в этом лесу. Вот это энергия! Порой мне даже кажется, все умершие и умирающие на земле люди передают свою энергию мицелию. И лишь так потом возвращаются на землю. На поверхность земли... Тела богов, одним словом. И даже если люди сейчас улетают с Земли, они все равно будут на нее возвращаться. Как-нибудь в виде спор, или не знаю чего... Гринька! Эй! – не делая паузы, прокричал он куда-то в лес. – Гринь! Григорий Алексеич! Пойди-ко сюды!

Тесья крутила вокруг себя головой, и видела только белый мох и на нем коричневые деревья.

– Гриша Лапин, сосед, – пояснил Игнатий Игнатьевич, быстро меняя интонацию на притворную деревенскую. – По-водырёк у меня. В автобусе могли видеть. Такой весь вихрастый. С малолетства у меня днюет. Вместо внука мне. Мать посылает его приглядывать за мной, стариком. Убежал. А то все утро вокруг нас кругами ходил...

Неожиданно, будто откликнувшись на голос Игнатия Игнатьевича, лес и сам начал перекликаться. Где-то по-женски аукали, где-то эгэгэкали мужики.

– Ну, пойдемте к дороге. Автобус уже, наверно, вернулся, – сказал Игнатий Игнатьевич. – Если народ перекликается, значит, уже набрались. Это, пока корзины неполные, все ходят по лесу как партизаны. Дорога вон там, – и он палкой показал направление. – И все грибы там.

Они вышли к дороге и, увидев, что автобуса еще нет, пошли вдоль опушки, и тут Теся, действительно, стала находить грибы, один за другим, и все небольшие, твердые, будто камешки – возле старых, желтеющих срезов. Она бегала, суежилась, прочесывала полянки, ставила на землю корзину и ныряла в мелкий густой соснячок, расстраивалась, что корзина уже полная, и, в конце концов, Игнатий Игнатьевич настоятельно посоветовал ей успокоиться, сесть, перебрать грибы, выкинуть старые мягкие, и оставить лишь твердые небольшие. Но и это не вернуло Тесе спокойствия. Оставив корзину и старика, она опять убегала.

В какой-то момент она даже потерялась, забыв, где доро-

га, и, круто изменив направление, буквально перелетела через присевшего и копающего ножом в земле человека. Встав с земли и не переставая просить извинения, она увидела перед собой парня, того вихрастого парня, которого то ли уже видела, то ли еще не видела, но догадывалась, что могла видеть в автобусе.

Парень растерянно сидел на земле и прятал за спину руку.

– Я вас действительно не ушибла? – вновь и вновь сомневалась Теся. – Что у вас с рукой? Дайте я посмотрю. Дайте! Я могу... помогу!

– Нет-нет! – испуганно мотал головой парень.

Он по-прежнему прятал левую руку за спину, а когда Теся пробовала туда заглянуть, даже начал подсовывать ладонь под себя.

Она еле с ним справилась.

Середина ладони была аккуратно проткнута кончиком складного ножа, и на жирное кровавое пятно уже налепилась короста мелкого сора, песка и хвоинок.

– Игнатий Игнатьевич! Игнатий Игнатьевич! – закричала Теся так громко, что лес начал ухать, эхать, аукать со всех концов и потом еще долго не замолкал.

Одним своим появлением старый учитель укоротил ее крики. Он не стал ничего говорить по поводу раны. Вытащив из кармана свой носовой платок и забрав такой же у Теси, он отправил Гришу за сосенки, посоветовав хорошо помочиться на ладонь, а потом перевязать и забыть. Вместо слово

«мочиться» он, правда, использовал более короткое слово, но зато отчетливо проартикулировал все шипящие звуки.

Клин клином, шок шоком, и Тесья понемногу успокоилась. В свой адрес в начале она была готова услышать и более грубое слово. Но, к счастью, учитель вовремя вспомнил, что всегда и всему обязан учить:

– Вон видите его рыжик. Видите? Гриня только начал откапывать.

Тесья испугалась, что увидит тут где-то нож парня, но перед ней была только серая земля, почти безо всякого мха.

– Вон торчит его ушко. Теперь добывайте сами.

Она не решилась вытащить из корзинки даже свой, кухонный, и, скорей, выковыряла, сломав, чем добыла то, что несколько походило на зарывшийся в землю, а точнее, не желавший вылезать из земли очень красный, очень волнистый, весь немыслимым образом перекрученный гриб.

– Это боровой рыжик, у нас его еще называют «бабье ухо», – пояснил Игнатий Игнатьевич.

Она повертела части «уха» в руках, не зная, что с этим делать. И вдруг почувствовала обиду. Наверное, самую острую за всю свою жизнь, потому что вот это второе грубое слово, «бабье», ей казалось, не было спровоцировано никак. Слезы едва не брызнули из ее глаз. Кто бы и что бы ей сейчас ни говорил, что это слово народное, и не оно имеет прямого отношения к ней, она испытывала злую обиду и на народ тоже. И на все человечество заодно.

— Ну, не бабье... скорее, ухо Бетховена, — помолчав, промолвил Игнатий Игнатьевич. — В любом случае, очень музыкальное ухо. Вообще очень редкий гриб. Сидит в земле словно трюфель. И тоже же ведь большой одиночка. Его можно есть сырым...

Тesia увидела на руках кровь. Кровь не кровь, но рыжик дал сок, и этот сок, выступавший на всех разломах грибного тела, был огненно-красный и пенящийся, как кровь...

В этот день она уже верила, что к вечеру обязательно разревется. Но случилось обратное.

Школьный автобус так и не вернулся за грибниками. Вместо него пришла большая бортовая машина, с откидными скамейками по бортам. Одной из последних забравшись в кузов, Тesia боком уселась на узкой твердой скамье, положив на борт руку и затолкав под себя корзину.

Машина заурчала и тронулась. Скоро Тesia уже бойко прыгала на скамейке, то привставая и подпружинивая себя ногами, то вися подмышкою на борту, то вглядывалась вперед, в бесконечные повороты дороги, а когда и от этого уставала, норовила перевеситься через борт и смотрела, как, отслаиваясь от задних колес, отстриуиваясь от них волнистыми ручейками, рождается грандиозная пыль. Машина катила по песку, и пыль возникала за задним бортом машины упругая и густая — лежащим на боку смерчем.

Окрасился месяц баргянцем...

— высоко и заливисто пели в кузове бабы, качаясь в такт и не в такт машине.

На скамейке напротив Теси, и так же боком, сидел теперь знакомый ей парень. Он прятал перевязанную ладонь и упорно смотрел вперед. Ему было около семнадцати, он был тонкошеий и угловатый, не то чтобы слишком худ, но лишен плавных линий. Ломаный. Ветер таскал его за тугие, густые, цвета и жесткости пакли вихры. Тесья не раз и не два успевала поймать его тайный взгляд. Всякий раз после этого парень замирал, а потом опять сверхупорно всматривался вперед.

И вдруг Теле стало хорошо. Радостно-хорошо. Отчего, она не знала сама. Оттого ли, что все вокруг пели, оттого ли, что ветер тоже трепал ее за волосы, забрасывая в лицо, оттого ли, что сладко ныли уставшие ноги. А может, из-за того, что парень еле заметно двигал губами. Да, присмотрелась она, да-да, он иногда забывался и начинал про себя подпевать:

*Пай-едем красо-отка ката-а-аться,
Давной-я тебя-а поджидал.*

И весь его вид был в этот момент исполнен такой печали, тоски и трагизма, что Тесья неожиданно прыснула, зажав рукой рот. А потом, еще не веря себе, не признавая, что с ней такое может случиться, она стала бить рукой по колену и залилась таким невозможным, безудержным и доселе не подо-

зреваемым в себе смехом, что песня оборвалась, весь кузов вскочил, а шофер сбросил газ и начал оглядываться назад.

– Гуф!

Разморенный после баньки и первых, разгонных двухсот Климов сидел на крылечке в фуфайке, шапке и валенках, с распахнутой до пупа красной грудью. Банный пот еще липко прятался в его серых, одинаковых по размеру и войлочной густоты усах и бровях. Климов дышал табаком и воздухом вперемешку, но воздухом все же больше. По первому октябрьскому снегу зябко бродили куры. Они, как роботы, двигали удивленными головами и поджимали щепотью то одну, то другую лапку. И спугнутые собакой, предпочли не ходить, а летать.

Рыжий вислоухий кобель отдаленно гончих пород прыжками бежал от створа открытой калитки, прыжком взлетел на крыльцо и, сев рядом с Климовым, снова проговорил:

– Гуф!

– Ну, иди, иди, – толкнул его плечом Климов. Собака переступила передними лапами, дернулась было вперед, но снова уселась. Хвост интригующе застучал по доске.

Черно-белая лайка стояла в створе калитки и внимательно изучала двор. Пушистое колечко хвоста было свернуто вбок, и от этого хвост собаки двигался так, будто загребал

воздух. Изучив двор, лайка отступила назад, пропуская вперед хозяина.

– Тихон! – приветствовал его Климов, вставая. – Всем двором опричь хором! Да ступай, ступай ты, понюхайся! – это уже опять своему кобелю, подталкивая его коленом встречь кривохвостой лайке.

Как и собака, Тихон нес на себе следы старой травмы. Плоская его голова лежала на правом плече, сильно задранном вверх, и скорее походила на толстый вытертый эполет с обтрепанной бахромой волос, чем на голову. Рот походил на шрам, а глаза... За почти пятьдесят лет увечья большие рачьи его глаза проделали тот же путь эволюции, что глаза камбалы – за, соответственно, пятьдесят миллионов лет. Так сместились в глазных орбитах, что теперь получались практически параллельны земле.

О причине уродства он когда-то рассказывал сам, когда люди еще были добрей и имели свободный день, чтобы выслушать первый слог его речи. Вся же речь заключалась в трех словах: «Глупый был, ходил в лес, медведица закатала». Не считая себя немым, Тихон никогда не вступал в спор с теми, кто его таковым считал. В жизни он обходился малым: зимой жил в лесу, у себя в избушке, охотился, а на лето перебирался к своей родной сестре Зинаиде, жене Климова.

В ответ на приветственные слова Климова Тихон осклабил кривым ртом, издал прерывистый густой звук и начал снимать со спины берестяной короб.

– Стой, стой. Да ты это, с гостинцами не спеши, а то не видал я твоих гостинцев, пойдём сперва посидим. Зинка-то в магазин побежала, сейчас будет. Я тут в истории был, если ты не слыхал, – говорил он, увлекая Тихона в сени. – Вздрызг замерзли! Ещё я нисколько душой даже не отошел, до чего мы замерзли. Мы ведь с ночи всего как дома. Заморозили нас, короче, с Валькой, как треску. А у них, это, как свет в холодильнике отключился, так мы и размёрзлись. Смех, кому и сказать, чисто смех!..

Климов рассказывал свою историю, совершенно ещё не зная, что это именно Тихон пришел на вырубку в тот страшный мороз и увидел людей в виде статуй. Столь далеко в прошлое Климов ещё не заглядывал. Вчера, прибежав вместе с сыном домой, он, правда, ощущал холодеющий провал в памяти, но здоровая психика все сводила к спасительной формуле: «Кажется, набрались, дальше плохо помню» – и на том стояла фундаментально.

– Валька! – заходя, в избу, прокричал Климов. – Ну-ко! Что там есть в печи, все на стол мечи! Отлезь от телевизора, леший! Чего бы хоть понимал! Слышал, чего сказал? За стол, за стол, Тихон. Не сыскано ещё пугал, кому плох красный угол. Не обижайся. Тихона нам бы да не уважить! Дак за встречу и всем нам большого жизнерадостного здоровья.

Они dokonчили бутылку ещё до прихода Зины, не старой, но болезненно-исхудалой женщины, с черным закосте-

невшим лицом и черепашьими складками высохшей кожи на шее и на руках. Она часто поглядывала на мужа, но как будто издалека – пугливо вытягивая шею.

Вторая бутылка разговорила и Тихона. Он замычал выразительнее и руки его заходили толковее.

– Я и сам это говорю, – соглашался Климов. – Захудала Зинка совсем. А ведь раньше какая солощая баба была. Я тогда у нее со сломанною ногою лежал, она к нам санитаркой пришла... Ну, давай за Зинкино за здоровье! И заёдывай. Ну-ко ты, заёдывай по-людски. Вот бери холодца. Да кваском бы запил, кваском! А хочешь «Оборжоми» налью? Зинка лечится. Да чего-то не помогает. Ты чего это говоришь? Ну дак, можно и холодной воды. Валька, принеси ковшик! Я и сам могу холодянки. Да ты ешь! Чего ты опять не ешь-то, смотрю?

– Да чего ты Тихона всё неволишь? Непривычный он столько есть, – заступилась за своего брата Зинаида.

Да и правда, Тихон сильно осоловел, и жевал уже из нужды, помогая своей челюсти плечом.

– Ничего, посидит, передохнет и опять поест, – сказал Климов.

– Вы подите, приляжьте, потом еще посидите.

– Ну ты это, – обиделся Климов, – молчи. Я еще телом не оттаял совсем, не то что душой, меня баня не пробрала, и мне Тихон – главный терраупевт в этом деле. Молчи, я сказал!

Зина убрала со стола растаявший холодец, поставила новую сковороду картошки, доложила в миску грибов.

— Опять молчи да молчи, — в полголоса ворчала она. — Ты бы хоть спасибо сказал, что столько дней света нет, а то бы и посейчас стояли там раскорякой... А я-то, дура, думала хоть в гроб положу человеком, костюм давно приготовила... А он опять молчи да молчи. Снова никакой жизни. Мороз тебя не берет.

— Ой, мороз, мороз... — явственно пропел Климов, не открывая глаз и не отрывая своей головы от незанятого плеча Тихона. И скоро начал похрапывать и подрагивать, будто включился старый холодильник.

— Валько, Валько! — зашептала хозяйка. — Да утаскивай мужиков, помогай, пускай отдохнут.

Мужиков уложили. Валентин украдкой хватил недопитый отцом стакан, выловил рукой гриб и, довольный, вернулся к телевизору.

Через час, будто выманенный на этот сдвоенный храп, через все село пролетел милицейский «уазик» и подкатил к дому.

Два сержанта милиции не смогли не уважить хозяйки, выпили за здоровье вернувшегося хозяина, оценили состояние его кривоголового шурина, но в избе не остались. Один присел на скамейку в сенях, наблюдая за дверью, другой вернулся к машине — приглядывать снаружи за окнами.

Рыжий хозяйский кобель обошел уазик по кругу, поднял

лапу на заднее колесо и вернулся на крыльцо к лайке.

По хлюпающим в осенней грязи деревянным мосткам тротуара, уже ближе к ночи, сырой и мозглой, тяжело опираясь на палку, Игнатий Игнатьевич добрел до своей калитки и, привалившись плечом к штакетнику, потянулся рукой в карман.

Старый, северного русского типа бревенчатый дом с ушастым коньком на крыше был мокр, холоден и темнел безотрадно. Белые оконные переплеты на фоне аспидно-черных, мертвых, как глаза ящера, стекол казались выбеленными крестами погоста. По рваным кускам рубероида, лежавшим на старой поленнице, с перестуками молотил дождь. Эти же тысячи мелких невидимых гвоздиков молотили и по шляпе Игнатия Игнатьевича, и по его плечам, норовя навеки прибить, пригвоздить к дощатым мосткам и штакетнику.

Таким, повиснувшим на ограде, его и увидел соседский парень.

Скорая помощь принеслась быстро, но простояла долго, пока дождь не перешел в снег и не завертелась первая большая метель. В метель машина ушла, будто завернувшись в белую простыню.

Игнатий Игнатьевич лежал мумией, выставив руки по одеялу, и требовал папиросу.

Подавая ему папиросу и зажигая спичку, Гриша хорошо знал, что скажет учитель после первой затяжки. Курение перед сном было верным предвестником долгой бессонной ночи.

— Отец у меня, Гриша, помирал. Игнаша, говорит. Дай стаканчик красненького. А то никак не помру. Налил я ему. Хорошо помер.

— Ну, спасибо, что тонко намекнули. Так что вам, что ли подай тогда папиросу?

— Ну дай. Но я не тому. Уж нонче-то не помру.

— Да бросьте вы, дядь Игнаш. Чего опять по-деревенски-то говорите? Что ли, так плохо уж? Спали бы, а то укол уже скоро пройдет...

— Иди домой, Гриша.

— Не. Я здесь на лавке прилягу.

— На печке ложись.

— Не, там жарко. Мама боялась, что погода на снег, и малость перетопила...

Вскоре в теплой накуренной темноте слышалось только резкое всхрапывающее дыхание. Через равные периоды оно прерывалось, и тогда наступала полная бездыханность. Раньше Гриша подскакивал едва ли не на каждую такую задержку дыхания, да и сейчас по привычке отсчитывал секунды, прислушивался к тем звукам, которые успевали заявить о себе между всхрапами старика. Характерных звуков было лишь два: далекое заоконное подвывание неунимающейся метели

и такое же неумное шуршание электрического счетчика.

Счетчик был так же стар, как и хозяин дома. На каждое подключение лишней по его мнению нагрузки он отвечал негодующим хрюком с последующим прокашливанием и долгим нудным брюзжанием. За этот последний год, когда Гриша начал опекать Игнатия Игнатьевича, но только денно, но и ночью, он привык к счетчику как к живому существу и научился его понимать. Вот включился в соседней комнате и отработал положенные минуты старенький холодильник, а вот...

И в который раз Гриша мысленно вышел из комнаты в сени, поднялся по двум пролетам большой деревянной лестницы на чердак, а затем по широким половым плахам, лежащих на бревенчатых связях, дошел до избушки, срубленной в квадрат под стропила и служившей когда-то дополнительным жилым помещением, с печкой и электричеством. В избушке имелось даже слепое окно, давно заколоченное досками, и дверь, закрытая на висячий замок. Пыли на замке почти не было. Не было никакой пыли и на поворотном рычажке выключателя, расположенного возле дверей.

Редко-редко, только самой безветренной глухой ночью, в самую тихую безветренную погоду и только когда не лаяли собаки, и только простояв возле двери некоторое время, Грише удавалось достаточно настроить ухо достаточно тонко, чтобы услышать внутри какое-то гудение, писк и переключение каких-то приборов.

То, что в избушке под крышей постоянно работает какая-то аппаратура, кроме Гриши лучше всех понимал только он, этот старый электрический счетчик, в общем-то, бездушный прибор с испорченным бессонницею характером...

— Какой сегодня день, Гриша? — неожиданно спросил в темноте Игнатий Игнатьевич.

— Был четверг.

— Я знаю. Какое число?

— Было... будет двадцать седьмое.

— Было. Будет. Запутываешь. Совсем уже ничего не до-
бьешься.

— А чего ругаетесь-то? Может, я уже спал?

— Он спал. Ну и спи. Жалко человеку ответить.

— Да чего снова жалко-то?

Игнатий Игнатьевич надолго замолчал и даже несколько раз всхрапнул. Потом снова:

— Так завтра будет суббота?

— Воскресенье, дядь Игнаш, — пробурчал Гриша с лавки, заворачиваясь в ватное одеяло, служившее одновременно и тюфячком.

— А когда нам высоковольтную линию отключали, не помнишь? Какие то были дни?

— С девятого по двенадцатое.

— Это числа. А дни?

— Сейчас... Воскресенье, понедельник, вторник, среда...

— Значит, дали в среду?

– В четверг. Вы куда?

Игнатий Игнатьевич встал, сунул ноги в валенки и накинул на плечи тулупчик, служивший вместо халата. В тулупчике он выходил в туалет даже летом. Вскоре он вернулся из туалета, снова повесил тулупчик, но в постель не вернулся, пошел на кухню и долго гремел рукомойником. В белых, некрашеной шерсти валенках, в белых кальсонах и длинной белой рубаше, зыбкий как привидение, он снова прошелся через всю комнату и подошел к низенькому окну, посмотрел на уличный градусник, которого не мог видеть, а затем постучал по стеклу костяшкою пальца – привычка, происходящая от общения с такими же старыми, как он сам, школьными физическими приборами.

– Гриша, – он сел на лавку. – Ты спишь? Сегодня был комитет. Я прошу. Скажи там Тесле Григорьевне. Объяснись. Я знаю, что у вас роман. Все равно. Ты сказал, воскресенье? Завтра ее вышлют. Только не так, как других. Это будет через окно. Я тоже поеду. Но полагаюсь на тебя.

Черный, невероятно раздувшийся и похожий на дирижабль скафандр, похожий на дирижабль. Большой сегментированный ранец под ним, как гондола для экипажа. Всё бы так и казалось, но.

Но – эти рукава и штаны, подобные четырем отдельным

воздушным шарам.

Но – эта зеленая, в грязных разводах, изнанка стекла гермошлема.

Чтобы снять с чердака скафандр с находящимся внутри трупом, нескольким милиционерам пришлось полностью разбирать заметенную снегом крышу и ломать половину стропил охотничьей избушки Косоголового. Сам Тихон безучастно сидел в милицейском автобусе и смотрел на все это, как на глупое и бестолковое следствие по поводу еще никем доказанного факта браконьерства. Мычать и жестикулировать он начал только тогда, когда подошел тяжелый гусеничный вездеход, который все называли легким словом «амфибия», и в его железный, глубоко утопленный кузов, крытый старым рваным брезентом, стали перетаскивать сено из стоявшего неподалеку стожка. Сена Тихону было жалко.

Черного космонавта положили на сено со всеми предосторожностями, более всего боясь повредить оболочку скафандра. Ранец частично отделили раньше. Верхняя его часть составляла единое целое с экзоскелетом, но несколько боковых и нижних сегментов удалось снять. Каждый снятый сегмент Игнатий Игнатьевич требовал подать себе лично в руки, протирал его тряпочкой, заворачивал в свои старые пестрые наволочки, набранные в комод специально на этой случай и лишь потом опускал в дерюжный мешок у своих ног.

В желтом милицейском тулупе до пят и с мешком у ног, он продолжал одиноко стоять на снегу и тогда, когда космонав-

та уже отнесли и положили в амфибию. К нему никто не подходил и ни о чем не спрашивал. Все ждали. Гриша наконец подошел, взял мешок и довел учителя до двери автобуса, перед ней помог снять тулуп.

Тихон Косоголовый, увидев распахнутые двери, начал бы-ла мычать, требуя разрешения сходить по нужде, но его непристойные жесты остались без внимания. Сидящие в автобусе милиционеры несколько раз оглядывались назад, где на последнем сиденье какая-то женщина по-прежнему куталась в искусственную соболиную шубу и ни вздохом, ни словом не выдавала, что все здесь происходящее как-то ее касается. Она казалось погруженной в себя, то и дело сводила брови, морщила нос, о чем-то размышляя, и бросала поверх воротника шубы беглые, ни на что не направленные взгляды, но прямой ее взгляд обугливал, и поэтому обращаться к ней «девушка» милиционеры не рисковали.

Первым от избушки пытался уйти автобус, и он тут же провалился в глубокие, достающие до сырого непромёрзшего грунта и чересчур широко расставленные колеи от гусеничной амфибии. Пока меняли местами тягач и автобус, пока их сцепляли тросом, начало темнеть.

Вот только тут Теся поняла: плохому действительно пора начинаться.

Автобус падал то в одну колею, то в другую; безжалостной железной рукой его выхватывало из ям и дергало вперед. Комья мерзлой земли и обломки когда-то упавших, либо сло-

манных тягачом веток так надсадно по днищу автобуса, что, казалось, вот-вот – и пол в салоне разъедется, как старая железная молния на одежде; шофер матерился и пытался крутить рулем, но тот сам выкручивал ему руки или просто бил по рукам. Шофер честно пытался что-то сделать, чтобы пассажиров не так трясло и кидало. Он то пытался поддавать газа, но колеса крутились в грязи впустую, то аккуратно притормаживал, но с таким же успехом мог дать и задний ход.

Тягач просто не замечал, что за ним кто-то есть, он зашвыривал болотной жижей лобовые стекла автобуса и, что было самое нестерпимое, с каждым новым рывком и взрычанием дизеля, со всей щедростью отвешивал автобусу новый клуб черной, липкой выхлопной гари.

Тесю так же трясло и кидало, как и всех. Она давно уже не куталась в шубу. Растрепанная и задыхающаяся, впившая руками в спинку сиденья перед собой, она старалась лишь усидеть на месте, не удариться головой о стекло или не слететь на пол. Но все-таки она ударилась головой о стекло. Голову пронзительно сотрясло, слезы сами брызнули из ее глаз – как из проткнутого ножом лимона.

Но вдруг кидать ее стало меньше, и она поняла, что ее кто-то держит. Кто-то навалился на нее справа и правой же рукой прижимает к себе. Левую руку он пропустил у нее за шей и упирается ладонью в стекло. Сидеть было хорошо, хотя некоторое неудобство она испытывала и в области шеи, и где-то в ногах – всё из-за чужих лишних ног, распёртых

под их общим сиденьем, как какие-то добавочные перекладыны и укосины.

Он больше не пытался изображать, что они незнакомы. Он жарко дышал в лицо, что-то говорил и хотел целоваться, но то ударялся своими зубами о ее подбородок, а то этими же зубами больно стучал по переносице. Она не пыталась отстраниться, но и перестала плакать. Несмотря на заложенный нос, она слышала его запах. Он пах все той же, еще молочной, пахнувшей сеном, по-глупому пузырящейся мужской силой, от которой ей было ни особого удовольствия, ни спасения в их первую ночь.

Наконец, техника выбралась на просеку, узкую, прямую как стрела и подсвеченную фарами так, что свет, отражаясь от заснеженных елок, проникал в салон автобуса отовсюду, и внутри вдруг стало непривычно светло, словно днём. Автобус уже не дергался на буксире, зато провалившись одной стороной в глубокую колею после тягача, волочился за ним практически на боку, и Тesia, притиснутая к стеклу и прижатая сверху заботливым соседом, стала задыхаться. Они хотели поменяться местами, но уже было поздно. Ее начало тошнить.

Шофер автобуса просигналил и начал переключать свет фар. Тягач остановился. Гриша помог ей выйти из автобуса и деликатно отошел в сторону. Она ушла в лес и долго ходила там по высокому, мягкому и хрусткому мху, зеленому, но присыпанному снегом и от этого, в нетронutom состоя-

нии, – белому. С неба падал мелкий морозный снег; он был невидим и ощущался только легкими уколами на щеках.

Еще раз они остановились, когда добрались до высоковольтной линии; здесь тягач отцепился и отошел в сторону, уткнувшись утиным носом в голое, расчищенное от леса пространство.

Просека линии электропередачи показалась очень широкой; свет автобусных фар выхватывал лишь ближайшую металлическую опору и тяжелое серебристое вымя проводов, спускавшихся и опять поднимавшихся в темноту. Разбитая дорога, по которой они раньше ехали, отсюда резко уходила налево, в сторону уезда; Тесья догадалась, что именно здесь они сворачивали, направляясь к избушке Тихона. Направо, вдоль линии, никакой дороги не обнаружилось – только ранний молодой снег, ровно выпавший на еще теплую непромерзшую землю.

Стояли долго, чего-то ждали. Тесья прикорнула возле окна и уже по-настоящему засыпала, когда милиционеры заволновались и стали выходить из автобуса. Откуда-то слева, издалека, шла машина. Отражение ее фар и встречный свет мощной фары-прожектора тягача радостно повисли на проводах, из-за чего высоковольтная линия на несколько долгих, бесконечно волшебных минут превратилась в новогоднюю елку – лежащую на земле, но как будто уходящую ввысь. Чем ближе подъезжала машина, тем более праздничным становилось вокруг настроение.

Большая трехосная бортовая машина с лязгающими откидными бортами нахально проехала мимо кучки людей и только тогда остановилась, ненадолго осветив фарами голую снежную целину. Несколько темных фигур выпрыгнули из кузова, тут же послышались громкие голоса.

Водку с закуской разложили на утином носу амфибии. Тут же начали разливать. Из автобуса пригласили всех, включая кривого Тихона, женщину и юного Гришу. Гриша кашлянул и заерзал, но когда его пригласили отдельно – как мужика, он солидно, словно нехотя, встал и, вразвалочку, не спеша, вышел.

– Ну это надолго, Тesia Григорьевна, – сказал Игнатий Игнатьевич, оставшийся в теплом закрытом автобусе наедине с Тесей. – Без этого они не поедут. Да чего и спешить. Ночь наша.

Она не отвечала, делая вид, что спит.

Она и в самом деле уснула и проснулась только тогда, когда снова автобус закачался. Гриша снова просунул руку за спину, но теперь он уверенно обнимал, обнимал ее похозяйски. Тesia принялась было высвобождаться, но потом решила терпеть. Она не видела, но чувствовала, что Гриша смотрит вокруг орлом.

Автобус по-прежнему шел в колонне вторым, но теперь колеи перед ним нарезала бортовая машина. Нужды в буксировке не было, и веселый шофер автобуса старался показать все, на что был способен. Он плавно переключал скорости,

изящно перегазовывал, притормаживал, и с разгона преодолевал внезапные золотисто-бурые лужи, которые после первой машины проступали одна за одной на желтом снегу.

– Эй, полегче там! Не дрова везешь! – на каждом ощущением тряске хором кричали шоферу на коленях играющие в карты мужики. В автобусе теперь находилось много людей, салон был неуютно освещен, все шумно о чем-то говорились, смеялись, но Теся никого не узнавала и не различала – все они для нее оставались одна темная масса.

Она смотрела в окно. Гусеничный вездеход шел не сзади, а сбоку, почти вровень с бортовой машиной, заодно прощупывая прожектором дорогу и для нее. Впереди все было по-старому. Провода висели. Столбы медленно сменяли друг друга, но от этого ничего не менялось.

Через час, а, может, и два была сделана последняя остановка – кому-то приспичило. Пока стояли, Теся высвободилась из-под уснувшего Гриши, отодвинулась от него насколько смогла, а затем положила его большую вихрастую, цвета и жесткости сена, голову себе на колени.

Ей было ни хорошо и ни плохо. Не хорошо и не плохо.

– Не будите его, – сказала она, когда автобус остановился окончательно, и мужики, посерьезнев, стали выходить один за одним.

Все вышли и шеренгой встали на берегу, неподалеку от того места, где высоковольтная линия перешагивала через реку. Прожектор амфибии освещал необычно длинные прово-

да, которые низко провисали меж двух высоких опор, по ту и другую сторону стынущей подо льдом воды. Тesia, впрочем, только догадывалась, что на другом берегу обязательно должна быть опора, потому что не видела ее.

– Гляди, уже вешают. Как ведь знают, з-заразы! – возбужденно воскликнул кто-то, когда луч прожектора, только что легко пробивавший мелкий косой снежок, вдруг уперся в отчетливо темную, совсем темную, но все темнеющую и темнеющую стену. При этом стена нисколько не являлась стеной, свет ее нисколько не освещал, он просто оттуда не возвращался. С таким же успехом можно было освещать черное ночное небо, освещать космос.

– Чтоб тебя за ногу, – растерянно произнес другой голос. После этого все стали как-то переминаясь, переступать с ноги на ногу и перестали даже украдкой оглядываться Тесю.

Она поняла, что пора. Сначала направилась к амфибии, переговорила с водителем, а когда тот залез обратно в кабину, подошла к темному полукругу мужиков и милиционеров и каждому на прощание протянула руку. Игнатия Игнатьевича она обхватила рукой за шею, пригнула к себе и поцеловала в седую пятнистую и щетинистую щеку.

Один из мужиков помог ей подняться на гусеницу. Амфибия, порывая, сползла с берега и, шумно ломая лед, всей тушей плюхнулась в воду. Трещины молодого льда весело побежали по всей реке, река завздохала и загорбати-

лась. В свете фар заискрились игрушечные торосы, тонкие, как крылья ледяных бабочек.

Вскоре амфибия включила водомет и, сделала несколько несложных маневров, в течение нескольких долгих минут позволяла течению медленно относить себя вниз и при этом прижимать боком к берегу. Потом двигатель взревел вновь, и на крыше кабины показался водитель. Время от времени он приседал и делал перед стеклом кабины какие-то объясняющие знаки, но машина под ним продолжала реветь, опасно раскачиваться и разбурливать воду вокруг себя. Наконец она приутихла. Стало слышно, как, хлюпая, с мокротой, отфыркаются трубы глушителя и по всей реке трещит лед, колеблемый хаотичными волнами.

Когда амфибию поднесло к берегу, водитель прямо с кабины хотел допрыгнуть до ровной земли, но не смог удержаться на склоне и съехал по пояс в воду. Его бросились вытаскивать.

Амфибия снова зарычала и медленно двинулась от берега. Сначала она уплыла куда-то далеко вниз, потом вернулась назад, сделала посередине реки задумчивый круг, потом снова поплыла по течению, но тут же поправилась и пошла поперек. Затем ее безудержно повело вверх, но она быстро поправилась. Наконец, достигла экрана и исчезла за ним, будто въехала с яркого солнца в тень.

– Эй, технику вернуть не забудьте! Козлы! – кто-то, смелый, прокричал вслед. Остальные молча смотрели, как при-

плывшие сверху пластины льда собираются в полынье.

Постепенно темнота стала расходиться, противоположный берег начал возникать вновь. В свете прожектора проявилась металлическая опора, и серебристые провода дотягивались теперь до самых изоляторов. Берег казался совершенно уже обычным, одинаковым, тем же. Вполне вероятно, там дул тот же ветер, мела та же метель, и вдаль уходила та же линия электропередачи.

Гриша стоял неподвижно у самых дверей автобуса. Оттуда он увидел, что опоздал: Теся уже попрощалась за руку с мужиками. Но он оставался на месте и тогда, когда амфибия ушла за экран, и мужики потянулись обратно к машинам. Его пытались затолкнуть внутрь автобуса, потом что он не давал пройти. Кто-то настойчиво ему говорил: «Ну, давай. Заходи. Поехали. Не мути».

Потом все вдруг куда-то пошли. Вместе с ними пошел и он.

Игнатий Игнатьевич сидел на подножке бортовой машины и стеклянными глазами продолжал смотреть на реку.

– Попросил будто покурить, – возбужденно и даже как-то обиженно говорил человек в замасленной меховой спецовке. – Я ему даю, а он нет. Я ему... а он нет! – И он снова и снова показывал, как втыкал в бескровные губы папиросу и как та падала обратно.

«Нет, а почему нет? Разве они не люди? Разве мы можно им отказать в земле? Разве людям так ненормально лежать в земле? Разве мертвые люди не должны по всем нормальным законам нормально лежать в земле? Разве это так ненормально позволить нормальным людям нормально лежать в простой нормальной земле?» – неизвестно к кому обращался главный лесничий уездного лесхоза Терентий Расказников.

Он стоял посреди вырубки, и сыреющие под первым весенним дождем вершины засохших сосен чернели вокруг него как кресты на погосте.

Теплый пасмурный март потихоньку разъедал наст; кусочки коры, упавшие ветки, шишки – всё это дружно выполняло из-под снега, образуя то забавный кратер, на дне которого, как муравьиный лев, сидела раскрывшаяся сосновая шишка, то любопытную сеть марсианских каньонов – полное отражение лежащей на снегу ветки, впитывающей в себя тепло воздуха.

Было тихо. Мертвый лес потихоньку распадался, отламывались ветки, осыпалась хвоя. Где-то стучали дятлы. Им стучать еще долго. И чем дольше, тем лучше. Так будет правильнее. В лесу пока еще не ударил ни один топор, не взвыла пила, не зашла техника. Потому что пусть не шумят.

В голове у Рассказникова было чисто, прозрачно, ясно и немного морозно – точно как во лбу над бровями в начале температуры. Он не знал, почему и как эти люди оказались так далеко. Что там делали. Он ничего не знал о вселенной. Она даже не знала того, достаточно ли она большая, чтобы принять всех людей. Он только лишь чувствовал, что они возвращаются.

Так было тогда, год назад. Так, может, продолжается и сейчас. Ведь всё о том говорит.

Вот промчался над вырубкой порыв какого-то странного ветра, лес откликнулся скорбным костяным звуком, простучали по сухим веткам другие сухие ветки.

Вот ниже пелены облаков, почти над самой землей, пронеслось очень странное облако, одинокое, темное, перегруженное и словно порванное в куски. Скоро где-нибудь упадет, как сбитый самолет.

Вот пролетела над вырубкой желна, черный дятел, большой и черный, крича на весь лес писклявым скопческим голосом...

«Черт, и этот будет стучать. Мало их!» – неожиданно подумал Рассказников, ощутив в себе недовольство. И начал собираться домой. Почему-то всегда недолюбливал черных дятлов.

«Люди прилетели сюда на последний покой. Разве трудно это понять? Разве трудно обеспечить их тишиной? Разве это так ненормально лежать в родной земле, в тишине?» – мед-

ленно, по своим следам, уходя с вырубки, снова неизвестно у кого спрашивал Родион.

«Нет. Нормально. Вполне», – отвечал ему неизвестно кто.

«А вы говорите – Кельвинов столб».

«А мы и не говорим».

Папка 3. Комбыгхатор, или Путь одиноких сердец

#1

ПРИКАЗ №233/2299

от 4 сентября 2299 года

по Селеноградскому историческому университету:

1. В связи с началом нового учебного года категорически запрещаю прогуливать занятия в университете.
2. Объяснительные по поводу прогулов подавать на имя Ректора университета по формам №1, 2, 3, 4 или произвольной. Образцы форм №1, 2, 3, 4, а также образец-памятку для заполнения произвольной формы вывесить на «Доске объявлений» возле каждого деканата.
3. Категорически запрещаю составлять объяснительные в двух экземплярам, равно как и подавать копии на любые подпольные конкурсы студенческих объяснительных. Организаторы следующего подпольного конкурса будут так же немедленно и сурово наказаны, как и организаторы предыдущего конкурса и всех ему предшествовавших.

4. В связи с ростом количества неподписанных объяснительных обязать профессора Полутонова, заведующего кафедрой истории Первой лунной цивилизации, подготовить и прочесть курс лекций об истории тайны исповеди.

5. Деканам всех факультетов ознакомить студентов с настоящим приказом под личную подпись каждого из вверенных ему студентов. Ведомость с подписями сдать в Ректорат.

Ректор Селеноградского исторического
университета
Сонцезатменный Гало Нимбович

#2

*Ректору Селеноградского исторического
университета Сонцезатменскому Гало Нимбовичу
от студента 2-го курса факультета
философии исторических мифов Колоссова С. Л.*

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

(по форме №4)

Настоящим объясняю причину своего отсутствия на занятиях 8 октября 2299 года и в соответствии с Вашим приказом за №233/2299 от 4 сентября 2299 года, с которым был ознакомлен лично, в подтверждение чего расписался, обстоятельно и подробно излагаю состав и мотивы моего такого проступка, равно как логические и нравственные посылки, исходя из которых Вы сможете сделать в отношении меня соответствующие выводы.

8 октября я отсутствовал на занятиях в силу непредвиденных обстоятельств, которые складывались следующим образом. Рано утром, без пятнадцати девять, я вышел из общежития, вздохнул полной грудью чистый осенний воздух и, наконец, впервые в жизни так остро почувствовал, что я действительно нахожусь на Луне, и мне вновь очень сильно захотелось и жить и любить.

Бегом вернувшись назад, в общежитие, и зайдя в свою

комнату, я обнаружил, что на моей кровати по-прежнему спит и не желает вставать студентка Сырували, которая таким образом прогуливала здесь первую пару. Испытывая острое желание ей об этом сказать, я сразу, не раздеваясь, принялся ее будить.

«Уйди», – проговорила она.

Желание мое не прошло и после того, как я умылся, побрился, почистил зубы, причесал волосы и направился к двери, чувствуя, что успеваю на вторую пару, до которой еще оставалось тридцать восемь секунд. К несчастью, в этот самый момент донеслось: «Ты куда?» – и Сырували протянула в моем направлении свою белую пухлую руку.

В форме №4 Вы требуете от нас излагать все причины наших прогулов честно, без недомолвок или обмана, достоверно и убедительно, обстоятельно и подробно. Каждый раз Вы требуете от нас реализма отображения, правдивости излагаемых обстоятельств и стопроцентной реальности переживаемых нами физических ощущений. Я сожалею насчет своих ста процентов. Письменная речь, как известно, посредством которой я довожу до Вас содержание данной объяснительной, передает лишь десять процентов реальности, в то время как устная – шестьдесят, устная при визуальном контакте – восемьдесят, а устная при тактильном контакте – девяносто пять. Еще четыре процента передает лирическая поэзия и один – музыка. Но я никогда не писал стихов и к тому же начисто лишен слуха.

Едва Сырували вышла из моей комнаты, как я сразу почувствовал, что успеваю хотя бы на последнюю пару. К несчастью, Сырували уходила только затем, чтоб вернуться. С собой она принесла вермишелевый суп с макаронами и пол-батона белого хлеба. Она поставила суп, нарезала хлеб, а затем уселась прямо напротив меня, подперев рукой голову. Из-за этого я сразу включил телевизор. По телевизору передавали церемонию открытия статуи Комбыгхатора. Как сознательный гражданин я не мог уже более оторваться от экрана и смотрел все то время, пока трансляция внезапно не прервалась.

Логические и нравственные посылки к выводу, что единственно достойной причиной моего отсутствия на занятиях является открытие статуи Комбыгхатора, считаю достаточными, а поэтому прошу Вас меня простить и поверить, что больше никогда впредь.

#3

*Ректору Селеноградского исторического
университета Сонцезатменскому Гало Нимбовичу
от студентки 3-го курса истории 1-ой
цивилизации
Сырували Юлии*

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

8 октября я болела. Доказательства могу доставить сама и раскрыть у Вас в кабинете в любое время. Ничего заразного у меня никогда не было. Последнюю справку покажу.

Всяческие посылки к выводу, что единственно достойной причиной моего отсутствия на занятиях является незаразная болезнь, считаю достаточными и согласна на все.

#4

*Ректору Селеноградского исторического
университета Сонцезатменскому Гало Нимбовичу
от студентки 4-го курса факультета прикладной
истории Овиновой О.*

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Уважаемый Гало Нимбович!

Должна объяснить причину своего отсутствия на занятиях 8-го октября 2299 года.

Утром 8-го октября мы с подругой вышли из общежития. В небе ярко светило солнце, листья клена выстилали нам путь. Наш путь в университет лежит через небольшой пустырь, на котором выгуливают собак. К осени на пустыре остается расти лишь эта крепкая, несгибаемая трава, и листья клена в ней стоят вертикально, будто из земли тянутся тысячи желтых плоских, расплюснутых пятипалых ладошек. Я это говорю потому, что, глядя на эти листья, всегда думаю о детях.

На пустыре мы, как всегда, остановились и закурили. Я пишу «закурили», но на самом деле мы просто достали по сигаретке. Мы так делаем постоянно. То есть делаем вид, что собираемся закурить. По утрам здесь часто гуляет с собакой один интересный мужчина, и мы останавливаемся, что-

бы с ним поболтать. С ним ходит старый-престарый пес. Он такой старый, что не может поднимать заднюю лапу. Когда ему надо, он просто расставляет лапы и делает это стоя. И смотрит виновато до слез. Как будто стесняется. Я всегда хотела спросить мужчину, а как зовут этого пса, но мне все время казалось, что мы уже спрашивали и много раз, и всегда было неудобно, что мы обе про это забыли. Так что обычно мы просто стоим, глядим на собаку и курим. Правда, мужчина не курит, но он умеет находить спички. Он достает их у нас из-за уха, из капюшона куртки, из любого кармана. И всегда приговаривает: «Ловкость рук, и никакого таланта!»

В тот день, как обычно, мы с Лизой остановились на пустыре. Но мужчины не было видно. Так тоже бывало. Я хотела закурить без него, но Лиза решительно и с вызовом отказалась. Она вообще-то курит только из его рук. Она прикуривает у него из ладоней, как будто пьет воду. Я говорила ей, что не стоит так делать. Что мужчина, наверно, женатый. Или, вообще, живет с мамой. Но Лиза не слушает и продолжает прикуривать из его рук. Иногда ночью она просыпается и заявляет, что ей не спится и она пойдет погулять. Просит за ней не ходить, но мы всегда ходим вместе. Недавно снова ходили. В небе светила большая полная Земля, и каждая травинка на пустыре отбрасывала четкую тень. Мы ходили с Лизой по пустырю, и мне казалось, что мы летим с ней на самолете, а под нами – бескрайний лес. Будто это не тра-

ва вовсе, а большие деревья, и они бросают длинные тени. А в общежитии над нами смеются и называют двумя «луна-тичками». Но это даже не смешно. Или смешно не более, как если бы жительниц Земли называли «землячками».

На лекциях по истории Луны нам часто приводят примеры такого «плохого юмора». На эту тему в предыдущем семестре я писала курсовую работу и до пор не могу добиться ответа, почему мне за нее поставили «незачет». В этом семестре я пишу на тему человеческих чувств последнего комбыгхатора, а поэтому хочу всех просто предупредить, что если опять будет «незачет» я этого не вынесу.

В своей работе, ещё во вступительной части, я написала, что несколько не разделяю тех фантастических заблуждений Зыка Бухова, изложенных им в его «Дневнике», будто историческое Селение – это якобы своеобразная колония, где селились жалкие остатки человечества уже после того, как все люди покинули нашу планету. Я придерживаюсь мнения всех ученых, что Селение, на месте которого позднее образовался Селеноград, своим названием обязано слову «Селена», что значит «Луна». Я также произвела краткий текстологический анализ романа Ушана Ржи «Уезд», где впервые описывался феномен лунного горизонта и прямо предполагалось, что уезды могут существовать и на Луне тоже. Там же, во вступительной части своей курсовой работы, я изложила историю Селения-Вселенска-Селенограда, подробно и со ссылками на источники рассказав, как после

Первой Великой демократической революцией была свержнута власть вселенских комбыгхаторов, объявивших Селение центром Вселенной, а поэтому переименовавших его во Вселенск, и как потом состоялась Вторая Великая демократическая революция, развенчавшая мифы первой, а Вселенску (в эпоху застоя – Селенску) было возвращено имя, наиболее полно отвечающее реальности – Селеноград. В заключение вступительной части я сказала, что да, мы больше не претендуем на центральное положение во Вселенной, однако, объявив данную территорию Луной, не намерены более отступать от своей истории ни шаг!

Уважаемый Гало Нимбович! Я очень люблю Луну и намерена посвятить ее изучению всю свою дальнейшую жизнь. Вот почему я нисколько не обижаюсь, когда нас с Лизой называют двумя «лунатичками».

Накануне 8 октября мы с Лизой плохо спали, потому что левая половина третьего этажа вновь гуляла всю ночь (у ребят с факультета правого дела накануне была получка). Мы стояли на пустыре и зевали. В то утро там было пусто. Бродили только две овчарки с хозяйкой и еще собака странной мясистой породы, которую наш мужчина называл «корейской столовой». Корейская столовая была знаменита тем, что гуляла сама по себе. Хозяева выпускали на улицу, а потом пускали домой. А однажды ее украл волк. Но потом притащил обратно. И никто не знает почему.

С хозяйкой овчарок мы раньше только здоровались. А тут

она подошла к нам сама и сказала, что мужчина сегодня не придет. У его собаки случился инсульт. Мы ахнули и тоже стали переживать, мы переживали втроем, и тут хозяйка проговорила, что пса зовут Ком. Мы с Лизой ахнули еще громче, потому что внезапно вспомнили, как мужчина действительно иногда кричал: «Ком! Ком! Ком!» Но хозяйка овчарок улыбнулась и сказала, что это сокращенно, потому что полное имя пса – Комбыгхатор. И она показала, в каком примерно подъезде мужчина живет.

Мы обошли все подъезды, никого не нашли и, уставшие, сели отдохнуть на подоконнике третьего этажа одного из этих подъездов. И вдруг мы увидели внизу их. Собака шла под тропинке, наклонив набок голову. Очень сильно кренилась на один бок. Ее все время сносило с тропинки, но она держалась за нее глазом. И было видно: училась переставлять лапы с запасом на снос. Стоило же собаке сойти с тропинки, как она начинала ходить кругами. Тогда мужчина поднимал ее на руки и вновь переносил на тропинку. Поправлял голову, устанавливал лапы.

Я попробовала не пустить Лизу. Но она сделала страшные глаза, вцепилась мне в руку и сказала, что я буду предательница, если с ней не пойду.

Потом мы помогали мужчине принести собаку домой – открывали для него двери. Дома он положил собаку на коврик в прихожей. Собака лежала, как рыба. Я сказала, как рыба, потому что она изгибалась, как лежащая на боку рыба. То

есть одновременно отрывала от коврика голову и вытянутые задние ноги.

«Раздевайтесь, я напою вас чаем, – сказал мужчина, увидев, что мы стоим и не раздеваемся. Он накормил нас борщом, паровыми котлетами с картофельным пюре под грибным соусом и налил по огромной фарфоровой кружке красного клюквенного киселя. – Я готовлю еду вперед на несколько суток и никогда полностью не съедаю. Раньше мне в этом помогал Комбыгхатор. А сейчас прошу помочь вас».

После обеда Лиза бросилась помогать мыть посуду. В общежитии она никогда не мыла посуду, а тут даже оттолкнула меня. Стоя бок о бок у мойки, они сосредоточенно мыли посуду, а я прошлась по квартире. Комнат было две. Одна была кабинет, где женщиной и не пахло. В другой немного пахло собакой, и она была совершенно пустая. Там гулял ветер. Там не было ничего, кроме велотренажера. Я села на тренажер и проехала на нем несколько километров. Потом я собралась уходить. Лиза не сделала мне страшных глаз. Напротив, направляя их на меня, она словно отгораживалась стеклянным экраном.

«Не уходите», – сказал мужчина, но я извинилась, сказав, что мне надо срочно идти, и сняла с вешалки пальто. Он взял у меня пальто и держал его так, что мне оставалось только повернуться спиной и продеть руки в рукава. Но я почему-то не разворачивалась. Он держал пальто, а я смотрела в рука-

ва, и он тоже смотрел в рукава.

«Пойду посмотрю телевизор», – сказала, наконец, Лиза и ушла из прихожей в кухню. Было слышно, как она переключает каналы.

Пока мужчина вешал обратно мое пальто, я присела и стала гладить пса.

«А почему вы назвали его Комбыгхатор? – подняла я на него голову. – Разве можно называть собаку именем бога?»

«Бога? – мужчина улыбнулся и посмотрел на собаку. – Никто не знает в чем бог. Или в ком. Правда, Ком?»

Ком опять захотел подняться, как рыба.

«Пойдемте на кухню, – сказал мужчина. – Не будем его волновать».

Когда мы вернулись на кухню, Лиза тут же переключилась на новости и принялась махать на нас руками: показывали открытие статуи Комбыгхатора. Но статую всё не открывали и не открывали. Мне было интересно, что мы увидим, когда сдернут покрывало, но его всё не сдергивали. Молчать было глупо, и я спросила его, как он относится к такой статуе. Он ответил – как к памятнику. Мол, у людей и богов все наоборот. Когда памятник ставят богу, это значит, что в сердце людей он умер. А памятник человеку – это знак того, что человек жив. Он говорил о чем-то еще, но вдруг в телевизоре произошло какое-то шевеление, и трансляция прервалась. Вместо нее нам стали показывать длинный видовой

фильм о таежных озерах Луны.

Лиза потащила меня покурить.

«Как ты думаешь, сколько ему лет?» – спросила она меня таким интригующим тоном, как будто спрашивала впервые.

«Я не знаю», – сказала я.

«Думаю, что все-таки староват», – задумчиво продолжала она, глядя в потолок и стряхивая пепел на мои ноги.

«Я не знаю, – повторила я, а затем соврала: – По разговору вроде не старый».

Я сказала, что он не старый, но сейчас понимаю, это не совсем так. В тот вечер он обмолвился, что любая история лженаука. А так говорят только люди старшего поколения. Они всегда говорят, что Землей и Луной должны заниматься геологи, планетологи или астрономы, но никак не историки.

Единственным оправданием пропущенных мною занятий считаю болезнь собаки и прошу Вас не относиться ко мне как к бесчувственной и злостной прогульщице.

#5

*Ректору Селеноградского исторического
университета Сонцезатменскому Гало Нимбовичу
от студента второго курса факультета
теоретической истории Лучика Александра*

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

(по форме №4)

Настоящим объясняю причину своего отсутствия на занятиях восьмого октября сего года и, в соответствии с Вашим приказом за номером 233/2299 от четвертого сентября сего года, который затвердил наизусть и готов под ним расписаться кровью, обстоятельно и подробно излагаю состав и мотивы моего такого проступка, равно как логические и нравственные посылки, исходя из которых Вы, Гало Нимбович, сделаете соответствующие, глубоко объективные или даже нелицеприятные в отношении меня выводы.

Уважаемый Гало Нимбович! Считаю своим долгом и первой обязанностью, как студент Вашего университета, довести до Вашего сведения факты вопиющего поведения студентов нашего общежития. Накануне восьмого октября, то есть, еще седьмого октября, в среду вечером, я был свидетелем целой серии гнусных внутрикомнатных сцен, совершенных с распитием и курением, что строжайше запрещено

всеми Вашими сорока девятью приказами, запрещающими в общежитии это делать.

Уважаемый Гало Нимбович! Особенно возмутительным нахожу поведение комнаты номер 303 третьего этажа. Как я неоднократно уже Вам докладывал, эта комната, начиная с самого первого курса, никогда не дежурит по кухне, а если и дежурит, никогда не выбрасывает мусор, а если и выбрасывает, то не моет плиты и пол, а если и берет в руку тряпку, то наматывает ее на кулак и бьет ей в живот ни в чем не повинных людей. Из-за этого у людей развивается косоглазие и не держатся зубные коронки. Я даже не говорю про то неудобство, что, идя варить диетическое какао или готовить фруктовый суп, я вынужден обходить комнату 303 по второму или четвертому этажу.

Уважаемый Гало Нимбович! Спешу проинформировать Вас, что данная комната и размещенные в ней студенты, фамилии коих я не могу даже написать на одном с Вами, Гало Нимбович, листе бумаги, а поэтому список прилагаю отдельно, вечером седьмого октября в среду, принесли в общежитие толстую пачку денег, которая представляла собой их зарплату за какие-то их работы, выполненные при устройстве фундамента под статую Комбыгхатора, хотя я абсолютно уверен, что никакие работы не выполнялись, а были написаны им прорабом, с которым они вместе пьют. Сам я, Гало Нимбович, в ужасе содрогаюсь от одной только мысли о том, что их грязные руки или лопаты могут иметь хоть

какое-то отношение к историческому имени Комбыгхатора, историчнее которого на Луне нет ни одного человека, кроме, разумеется, Гало Нимбович, Вас. Более того, смею довести до Вас свое мнение, что и нынешнее несостоявшееся открытие статуи Комбыгхатора тоже дело их грязных рук или мыслей.

Уточняю, что пьянка в комнате 303 началась вчера вечером в пять часов пятнадцать минут и к девятнадцати сорока перекинулась на этаж в целом. В настоящее время, к двенадцати часам дня, здесь наблюдаются лишь отдельные очаги, дым сигарет в коридоре почти рассеялся. Исходя из опыта, полагаю, что затишье установилось до вечера. Около четырех часов дня все начнут меня уважать, обещать дружбу, совать деньги и просить сбегать за опохмелом. Объяснительную, почему я отсутствовал на занятиях завтра, то есть девятого октября, в пятницу, обязуюсь предоставить Вам завтра же.

Логические и нравственные посылки к выводу, что единственным оправданием пропущенных мною занятий является повальная пьянка третьего этажа, считаю достаточными, и обещаю, что следующую объяснительную передам Вам точно по графику через Вашу любезную секретаршу Мариночку.

P.S. Список нарушителей прилагаю.

#6

*Ректору Г. Н. Сонцезатменскому
от Щ. Тримаранина*

Объясняю причины своих прогулов в октябре и на будущее, потому что это всё уже надоело.

Короче, если это дело не прекратится, пеняйте хоть на кого. А у нас всегда аккуратно. Потому как за себя отвечаем. А не хотите – хоть выгоняйте. Только чтобы без этого. Ненавижу до не люблю. Короче, мы тут посоветовались и, если это дело будет продолжаться, в университет мы больше ни ходим. Будем объявлять забастовку и сразу отказываемся:

- 1) планово менять прогнившие трубы отопления и канализации в главном учебном корпусе;
- 2) перекрывать текущую крышу, а также производить другой текущий ремонт;
- 3) срочно перекладывать упавшую стену котельной;
- 4) доперестраивать дачу одного человека.

Короче, доперестраивайте хоть сами.

Короче, всё.

#7

*Ректору Селеноградского исторического
университета Сонцезатменскому Гало Нимбовичу
от студентки 4-го курса факультета
прикладной истории Овиновой О.*

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Уважаемый Гало Нимбович!

Отвечая на Вашу просьбу полнее раскрыть содержание моей объяснительной, уточняю, что 8 октября утром мы с подругой вышли из общежития и пошли в университет. В небе светило солнце. Листья клена устилали нам путь. Мужчины на пустыре не было. Собаки тоже. У Комбыгхатора был инсульт. Его заносило в сторону, и три раза в день ему надо было делать укол. Вечером мужчина понес его на прогулку. Я пошла ему в этом помогать. Помогать пошла я, потому что у Лизы возникла слабость и она прилегла на тахту мужчины, и тот накрыл ее пледом. Я видела, как ей трудно спать и не шевелиться.

Комбыгхатор ходил, кренясь набок, как подбитый двухмоторный бомбардировщик, у которого остановился один мотор (так сравнил мужчина). Потому что едва Комбыгхатор терял тропинку, как тут его начинало заносить влево и он принимался ходить кругами, все быстрее и быстрее, пока

не падал на передние лапы и не зарывался мордой под листья.

«Что вы делаете? Вы мучаете его. Вы не любите его», – сказала я, когда он схватил меня за руку и не дал подойти к собаке.

«Его? Люблю», – сказал он.

«Это не любовь».

«Не любовь?»

«Не такая любовь», – поправилась я.

«Не такая? А какая такая?»

«Такая. Которая сильнее смерти».

«Смерти? Любовь сильнее смерти всегда. А вот жизнь сильнее любви», – сухо и даже как-то обыденно сказал он.

Комбыгхатор поднялся сам и снова начал ходить кругами. Иногда ему удавалось вовремя перебросить лапы направо, и тогда он делал несколько шагов прямо.

Когда мы пришли с собакой домой, Лиза уже проснулась и домывала в прихожей пол. Она вытерла Комбыгхатору лапы и бросила тряпку передо мной, чтобы я вытерла ноги. В принципе, я не обижаюсь на Лизу. Я сама виновата, потому что многое ей прощаю. В общежитии мы – как мать и дочь. Лиза спит и читает, а я готовлю и убираюсь.

«Идемте в кабинет, – сказал он, когда увидел, что я задержалась в прихожей. – Будем пить кофе».

В кабинете было много книг. Хотя и не так уж много. Много книг было только о Луне.

«Здесь я не держу лишних книг, – сказал он. – Вся библиотека на даче».

На низкий журнальный столик в углу под зеленым торшером он поставил кофейник, блюдце с лимоном и три чашки для кофе. Кресел было лишь два, оба тоже низкие. Он опустился в первое, Лиза плюхнулась во второе, и мне пришлось сесть на стул. Мои колени оказались выше уровня столика, и я видела, что мужчина иногда опускает на них свой взгляд. Я старалась казаться непринужденной, но всегда чувствовала, как он смотрит на них: под коленными чашечками вдруг становилось холодно и хотелось натянуть на колени юбку. Я извинилась и сказала, что мне надо выйти.

Когда я вернулась, они продолжали какой-то свой разговор.

«И эти тоже?» – смеялась Лиза.

«И эти, – отвечал он. – Наши космические собратья по отсутствию разума».

«Ой, – продолжала Лиза. – А нас учат, что никакой второй Луны в мире нет, и мы во Вселенной одни».

«Одни, – сказал он. – Нет. Если бы мы были одни, нас бы не было вообще».

«Ой», – испугалась Лиза.

«Ой. Не пугайтесь. – Он поставил чашку на стол и сцепил пальцы. – Если бы мы были одни... Если бы на всю громадность Вселенной мы были только одни, это была бы настолько малая вероятность существования жизни в прин-

ципе, настолько бы эта вероятность стремилась к нулю, что жизни не было бы нигде. В том числе и здесь». После этого он расцепил пальцы. Я в первый раз видела человека, который умел объяснять так просто.

Пока они так общались с Лизой, я рассмотрела его лицо. У него было очень простое лицо. Непростые только глаза. У него были продолговатые глаза, похожие на молодые огурчики. Я сказала, огурчики, потому что в комнате была полутьма, горела только настольная лампа, и глаза не должны были обладать цветом. А они казались зелеными.

Мы пробыли с ним весь день и весь вечер, расстались далеко за полночь, но в ту же ночь я вернулась к нему. Это было уже под утро. Лиза спала на своей кровати в одежде и сапогах, а я не могла отделаться от ощущения, что он меня ждет.

Дверь в квартиру была не закрыта, а лишь прикрыта, и сквозь щелочку я увидела хвост Комбыгхатора. Хвост лежал на коврике и хорошо освещался светом из кухни. Я тихо вошла и легонько потянула за собой дверь. Защелка защелкнулась. Комбыгхатор переложил хвост, освобождая мне путь.

Квартира казалась совершенно пустой, хотя на кухне по-прежнему горел свет, а в кабинете была включена настольная лампа. Тахта была застелена свежим накрахмаленным комплектом белья. Точно так же крахмалят белье у нас в общегитии. Если его разворачивать аккуратно, из него можно выстроить домик и даже залезть вовнутрь. Я отогнула край

одеяла и села. Потом освободила волосы от резинки и еще держала резинку во рту, когда он вошел. Он был в банном халате и босиком. У него оказались большие, как ласты, ноги. Я сказала, как ласты, потому что они громко шлёпали о пол. Шлёп-шлёп. Наверно, я очень испугалась, потому что так и не поняла, заметил он меня или нет. А он прошлепал к столу, посмотрел на записку и вдруг выключил настольную лампу.

Зато теперь я могу сказать, что я знаю жизнь. Иными словами, я знаю, что такое есть жизнь. Хотя это не любовь. Я не знаю, что это было точно. Только если он хотел таким образом доказать, что жизнь существует и где-то еще, а не только лишь на Луне, он это доказал. Я поверила.

*Ректору Селеноградского Исторического
Университета Сонцезатменскому Гало Нимбовичу
от студента первого курса Простаго М. У.*

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Прошу считать данную объяснительную записку фактическим моим заявлением с просьбой отчислить из университета по собственному желанию. Причину излагаю.

8 октября я типа отсутствовал на занятиях, так как днем ранее ваш секретарь Марина позвонила в наш деканат и сказала, чтобы весь первый курс как один человек явился на центральную площадь Селенограда для открытия статуи Комбыгхатора при доселе невиданном стечении народа и обстоятельств. Ничего не могу сказать про народ, про обстоятельства же заявляю со всей откровенностью.

8 октября утром я вышел из общежития, а поскольку после ночных разговоров чувствовал в теле слабость, то пошел купить что-нибудь от головы. На углу продавали пиво, я взял сразу три бутылки, а вскоре подошел и троллейбус. Найдя свободное место, я типа начал уже лечиться, но тут надо мной возникла престарелая женщина и сказала, что постоит. Она стояла бы до конца и второй и третьей бутыл-

ки, но на уже середине второй я почувствовал себя лучше, а поэтому отдал ей с несколькими глотками. Престарелая вышла, и я видел через окно, как она выливает остатки пива на решетку ливневой канализации. Потом она убрала бутылку в свою холщовую сумку.

Пока я изучал престарелую и пил свою третью бутылку, объявили, что этот номер троллейбуса вовсе не идет в центр, а напротив идет на окраину города, хотя и туда никак не может пойти, потому что центральная улица перекрыта по случаю открытия статуи Комбыгхатора. Троллейбус опустел. Видимо, все ушли на открытие. Я забрался на сиденье с ногами и накрыл себя курткой. Не помню, спал ли я вообще, потому что скоро пиво запросилось наружу, и я последовал его зову. Выбравшись из троллейбуса, я ринулся искать подходящее место, но мимо шло несколько наших ребят и потащили меня с собой. К сожалению, я только на площади понял, что уже больше не могу, а ребята куда-то исчезли.

Из всех доступных мне мест я видел только трибуну и саму статую Комбыгхатора. Она громоздилась на постаменте, накрытая целиком брезентом. Один его край свисал почти до самой земли, но вокруг статуи стояли суровые люди из военных. Такие же оцепляли трибуну.

Спасти меня могли только пустая бутылка да верные кружок товарищей, но никого из наших поблизости не было. Правда, у одного парня были очень знакомые, похожие на вчерашние пельмени глаза, такие же липкие и холодные,

и он гулко отхлебывал из бутылки. Но когда я спросил у него бутылку, был определенно не понят, а стоявшие рядом девушки покосились на меня странно.

Я услышал звук смерти. Это трещал мочевой пузырь.

Черный кабель бежал от трибуны к автобусу, и тот возник предо мной как мираж. Подобравшись к нему поближе, я выхватил носовой платок и начал протирать стекла, при этом радостно улыбаясь улыбкой счастливого человека. Один из сидящих внутри телевизионщиков тоже улыбнулся в ответ и даже толкнул соседа, кивая на жмурящегося за стеклом дурачка. Никто не видел, что дурачок уже типа отвинтил пробку бензобака.

Логические и другие посылки к выводу, что всему виной является пиво, считаю достаточными, и поэтому прошу квалифицировать данную объяснительную как заявление с просьбой отдать мне мои документы, поскольку я теперь осознал, что история не является для меня достаточно гуманитарным предметом. Единственной наукой, которая, как я понял, действительно проникнута духом гуманности и гуманизма, является урология. Намерен пойти учиться, а потом заниматься ей на профессиональной основе.

С уважением – ваш бывший студент Простаго М. У.

#9

*Ректору Селеноградского исторического
университета Сонцезатменскому Гало Нимбовичу
от студентки 1-го курса факультета истории
Первой цивилизации Росянки Л. Я.*

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Настоящим объясняю причину своего отсутствия на занятиях 8.10.99 г., а также в соответствии с вашим приказом №233/2299 от 4.9.99 излагаю состав и мотивы моего такого проступка, который вообще не считаю проступком и готова доказывать свою правоту где угодно и перед кем угодно, не взирая ни на какие чины, заслуги и звания!

8.10.99 г. я отсутствовала на занятиях вместе со всем своим курсом! Это мы делали по прямому распоряжению нашей больно умной деканши, которой, как мне прекрасно известно, еще утром звонила ваша глупая секретарша Мариночка!

Правда, я и сама хотела сходить и посмотреть, какая будет скульптура, хотя это совершенно никого не касается!

Совершенно не собираюсь ни перед кем отчитываться, где и с кем я провела этот день!

Личное мое мнение о причинах провала мероприятия не считаю ни в малейшей степени нужным до кого-либо доводить!

Совершенное мое убеждение, что причиной остановки телевизионного генератора, из чего на площади наступила мертвая тишина, а телевизионщики стали кричать, что у них не работают камеры, а поэтому раздевать статую нельзя, является злонамеренный акт саботажа, я считаю никому абсолютно не интересным!

Сведения, которые я получила в толпе, сцены, которым была свидетелем, факты, которым нашла объяснение, выводы, которые могу сделать в любой момент, ровным счетом никого не касаются!

Я вовсе не собираюсь записываться к кому бы то ни было на прием в ближайший приемный день!

Я вовсе не собираюсь сидеть по четыре часа в приемной и ждать, пока всякие там секретарши Мариночки соизволят похлопать глазками на тот якобы пустой стул, на котором кто-то сидит и ждет!!.

Все логические и нравственные послышки к выводу, что причиной моего отсутствия на занятиях является открытие статуи Комбыгхатора, считаю абсолютно недостаточными и буду кричать об этом всю свою жизнь, пока Луна ещё вертится и люди не будут разговаривать со мной по-нормальному!!!

#10

*Ректору Селеноградского исторического
университета Сонцезатменскому Гало Нимбовичу
от студентки 4-го курса факультета
прикладной истории Овиновой О.*

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Уважаемый Гало Нимбович!

Как я уже объясняла Вам в двух предыдущих своих объяснительных, 8-го октября мы с подругой вышли из общежития и пошли в университет. В небе светило солнце. Мужчины на пустыре не было. Собаки тоже. У Комбыгхатора был инсульт. Он ходил боком, как самолет с одним отказавшим мотором. Вечером мы с женщиной выгуливали собаку еще один раз. После этого он предложил нам с Лизой по чашечке кофе. Мои колени были выше уровня журнального столика, и я видела, что мужчина иногда опускает на них свой взгляд. Я старалась казаться непринужденной, но всегда чувствовала коленями его взгляд.

«Вы знаете, нам надо домой», – проговорила я, когда мы допили кофе.

«Домой», – сказал он.

Я уже привыкла к тому, что он повторяет последнее слово, мое или Лизино, но сейчас он вдруг замолчал, и «домой»

повисло в воздухе, как топор.

Лиза пошутила, что он говорит, как инопланетянин,.

«Ну, что вы, – проговорил он. – Не думайте обо мне настолько уж хорошо».

Он встал и начал собирать кофейные чашки. Лиза бросилась помогать. Две чашки они разбили. С кухни доносились их голоса, но я не вслушивалась. На письменном столе лежали листы бумаги, одни чистые, исписанные и исчерканные. Ещё лежали тетрадь и альбом – из тех альбомов для рисования, какие мы приносили в школу. Альбом был сильно потрепан, обложка круто оттопырилась вверх, и оттого казалось, что альбом наполовину открыт. На первой странице я увидела карту Луны.

Я видела множество карт Луны, но все они были обычные. Я сказала, обычные, потому что наш глаз не видит на них никаких искажений. Хотя они есть. Например, все те очертания, которым не повезло находиться внизу или вверху карты, всегда растянуты вширь. Тут действует закон отображения поверхности шара на плоскость. Из-за этого, например, получается, что река Полюсна даже в самых узких своих верховьях столь же широка, как и здесь, когда течет через город, а то болотное озерцо, из которого она вытекает, вообще не имеет границ, потому что законы проекции разворачивают его в северный полярный океан.

Другая карта состояла из двух полушарий, и в ней я узнала глобус уезда. Или глобус Луны, поскольку уезды отменены. Я

знаю, что глобус Луны не бывает в свободной продаже, и подумала, что этот мужчина художник-любитель и рисует для себя. Старшее поколение все еще про себя верит, что Луна находится на Земле. Их можно понять. Им трудно говорить «луна-матушка» и хоронить себя в лунном грунте. На лекциях нам объясняют, что это у них генетическое. Их слишком долго пугали исторической безопасностью, потом туманили мозги исторической фантастикой, и сейчас они просто не верят, что история может быть необходимой наукой.

Карты в альбоме еще не кончились, как тут в кабинет при- скакала Лиза – в фартуке и с тряпкой в руках. Увидев меня, она закричала: «Нельзя трогать не свои вещи!» – а после даже не улыбнулась. Лиза вытерла журнальный столик и еще раз оглянулась на меня из дверей. Я думала, что она извинится, но она только посмотрела.

Дождавшись, когда она уйдет, я закрыла альбом. Потом походила по кабинету. Подождала. В кухне было тихо. В квартире и во всем доме стояла неприятная тишина. Я снова взяла тот стул, на котором сидела, когда пили кофе, подставила его к журнальному столику. Села. Справа от меня было кресло, в котором сидел мужчина. Слева – Лизка.

Глупая Лизка. Я поняла, какая же она глупая еще в первый день. Когда мы с ней познакомились. Она сидела на кровати и красила на ногах ногти. Я сказала, что у нее красивые ногти. «Да, – сказала она и вытянула всю ногу. – И длинные. Как у пианистки». В этом вся Лизка. Из-за этого ей проща-

ется многое.

Я так и сидела. Сидела одна перед чистым и пустым столиком. И только боялась, что они меня позовут, а я не успею встать. Или вдруг они входят, а я сижу.

Но никто не вошел. Я слышала, как они вышли в коридор и стали кормить Комбыгхатора. Я пошла туда.

Он начал есть, еще лежа на боку и вылакивая еду из плоской неглубокой тарелки, но потом ему помогли разобраться с лапами, и он смог лежать прямо. Но всё равно приходилось придерживать. Еда была бедная, какая-то невнятная каша, но он ел ее с жадностью, и при каждом глотании его острая, почти птичья, грудина гулко стучала о пол. Каша было немного. Съев, собака снова опрокинулась на бок и вылизала тарелку снизу. Тарелка под языком прокручивалась и с каждым разом отъезжала все дальше. Потом Комбыгхатор вздохнул и закрыл глаза. Следующего вдоха мы ждали, казалось, вечность.

Покормив собаку, мужчина начал одеваться, стали одеваться и мы. Он не просил, а мы не напрашивались, и все же так получилось, что через пять или десять минут мы все сидели в машине. Он за рулем, Лиза рядом с ним, я – на заднем сиденье, держа на коленях голову лежащего Комбыгхатора. Пес был тяжелый и, когда машина неожиданно тормозила, все время норовил упасть на пол.

В машине с мужчиной произошла перемена. До этого он казался вполне сдержанным человеком, но когда включил

скорость и выжал сцепление, с ним что-то произошло. Я сама садила за руль и знаю, как это бывает с иными людьми. Машина рванула с места, как на гонках на выживание.

Через минуту я потребовала меня высадить, он вежливо извинился, но медленнее от этого не поехал, зато стал останавливаться на светофорах. Это тоже было нехорошо, потому что он тормозил слишком резко, как при аварии, с визгом тормозов и клевком носом, но, главное, он не предупреждал, когда будет останавливаться, а когда нет. Я видела, что Лизу тоже мутит. Она улыбалась и в чем-то поддакивала ему через силу.

Мужчина сказал, что мы едем к одному человеку, который принимает животных у себя дома. Я решила, что это ветеринар, и мне почему-то показалось, что он должен собаке сделать какой-то укол, от которого Комбыгхатор уснет и уже не проснется. Почему-то мне так казалось. Собаке тоже было тревожно. Ей тоже ничего заранее не сказали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.